

ПЕРЕПИСКА БЛОКА С С. М. СОЛОВЬЕВЫМ

(1896—1915)

Вступительная статья, публикация и комментарии

Н. В. Котрелева и А. В. Лаврова

В своем троюродном брате Сергее Михайловиче Соловьеве (1885—1942) Блок встретил в пору первых поэтических опытов собрата по духовным исканиям. Дружба подростков переросла в глубокую внутреннюю связь, самым значительным образом повлиявшую и на раннего Блока, и на идейное и творческое становление Соловьева — поэта, прозаика, критика, литератора «второго плана», но самостоятельного и заметного в истории русского символизма. Яркие и сложные отношения Блока и Соловьева полно отразились в их переписке, поэтому здесь мы ограничимся лишь самой обобщенной характеристикой этих отношений. В них отчетливо выделяются три этапа: первый, самый значительный и плодотворный, — с начала внутреннего сближения в конце 1890-х годов по 1905 г.; второй — 1906—1909 гг. — разрыв между Соловьевым и Блоком; третий — с конца 1910 г. — восстановление дружбы. Эти три этапа соответствуют по сути дела, трем фазам внутреннего развития Блока, запечатленного его трехтомным собранием стихотворений.

Общение Блока и Сергея Соловьева было непосредственно предопределено дружбой их матерей и — шире — атмосферой «профессорской культуры», окружавшей их с младенчества, воспитанием в кругу больших семей русской интеллигенции. Бабушки поэтов — А. Г. Коваленская и Е. Г. Бекетова, урожденные Карелины — были родными сестрами, но отношения между ними складывались конфликтно. «Антагонизм между Коваленскими и Бекетовыми был, т. е., собственно, был между А <лександрой> Гр <игорьевной> и моей матерью; молодые были в хороших отношениях», — пишет М. А. Бекетова, сестра матери Блока, сообщая отдельные подробности этого межсемейного соперничества и нерасположения, и свидетельствует: «Сестру Асю или Аллю оценили впоследствии Соловьевы, особенно Оля <...>, другие ее совершенно не понимали»¹. Дочь А. Г. Коваленской Ольга Михайловна, вышедшая замуж за Михаила Сергеевича Соловьева, брата философа, и Александра Андреевна Кублицкая-Пиоттук особенно сблизились в 1890-е годы на почве сходных духовных и художественных интересов. «Бекетовы одно время жили в Дедове, и двоюродные сестры выросли вместе, — писал С. Соловьев в биографическом очерке о своей матери. — Однако, насколько мне известно, особой близости между моей матерью и двоюродной сестрой Асей или Алей Бекетовой в юности не было. Сошлись они поздно, когда сын «Али» А. Блок уже был юношей. В течение ряда лет моя мать раскрывала Але свою душу в письмах»². Мать Сергея Соловьева была даровитой переводчицей (ее были переведены на русский язык «Сер Мар» Альфреда де Виньи, «Человек-невидимка» Герберта Уэллса, сочинения Джона Рескина и многие другие произведения)³, художницей и тонкой ценительницей искусства. В ее лице мать Блока, со своим интересом к новейшим художественным исканиям Запада и особенным пристрастием к Бодлеру, со своим вниманием к первым выступлениям русских «декадентов», отрицаемых всем окружением семейства Бекетовых, нашла себе увлеченную собеседницу⁴. Естественно, что матери позаботились и о сближении своих сыновей. Говоря в недатированном письме 1897 г. к А. А. Кублицкой-Пиоттук о чтении произведений новой литературы, О. М. Соловьева сообщала: «У нас вообще много читается всего этого, наше подрастающее поколение — Сергей и его друг Боря Бугаев, которому, впрочем, уже 17 лет, с головою погружены в поэтов. Сергею это кемножко рано, но что же делать, он очень любит Борю, а Боря на этом замешан. Как жаль, что Саши нет здесь!»⁵

Хотя Сергей Соловьев и был пятью годами моложе Блока, это не помешало им сближаться: Сергей был не по годам развит. Андрей Белый, узнавший Соловьева, когда тому было десять лет, едва ли ошибался, набрасывая впоследствии полуиронический портрет своего друга юности в поэме «Первое свидание»:

«Сережа Соловьев» — ребенок,
 Живой, смысленный ангеленок,
 Над детской комнаткой своей
 Восставший рано из пеленок <...>
 Трех лет, ну право же-с, ей-богу-с, —
 Трех лет (скажу без лишних слов),
 Трех лет ему открылся Логос,
 Шести — Григорий Богослов,
 Семи — словарь французских слов;
 Перелагать свои святыни
 Уже с четырнадцати лет
 Умея в звучные латыни,
 Он — вот, провидец и поэт,
 Ключарь небес, матерый мистик,
 Голубоглазый гимназистик ⁶.

Уже первая памятная Соловьеву встреча с троюродным братом в Шахматове летом 1896 г. заключала в себе «литературный» элемент: Блок-гимназист выпускал тогда рукописный журнал «Вестник», который заполнял преимущественно собственными произведениями, и предложил участвовать в нем Соловьеву. В № 7 «Вестника» за июль 1896 г. редактор А. Блок особым примечанием «от редакции» просил «гг-д подписчиков обратить особенное внимание на рассказ «Попадья» Сергея Михайловича Соловьева» ⁷. Кроме «Попадьи» в «Вестнике» в 1896—1897 гг. появлялись и другие детские сочинения Соловьева. Но та же первая сознательная встреча была отмечена и эпизодом, как бы предзнаменовавшим будущие мистические упования, сроднившие троюродных братьев на рубеже веков. «Желаю поговорить со мною на интересующую меня тему, — пишет Соловьев в мемуарном очерке о Блоке, — он завел речь о богослужении. Предложил отслужить вместе утреннюю литургию в саду и достал откуда-то подобие ораля. Утром жители Шахматова были неожиданно разбужены довольно странными возгласами, доносившимися из сада» ⁸.

В течение нескольких лет встречи Блока и Соловьева были случайными, но интерес друг к другу накапливался. Блок написал матери 7 августа 1898 г. из Дедова (имения Коваленских), где он был в гостях, что Сережа — «мальчик очень симпатичный и славный» ⁹, а О. М. Соловьева сообщала матери Блока, что «Сережа от него в восторге, и Саша сделался для него авторитетом решительно во всех вопросах» ¹⁰. Этот авторитет в значительной степени объяснялся стихами Блока, первыми ценителями которых стало семейство Соловьевых. «Уже его поэтическое призвание вполне обнаружилось, — вспоминал о Блоке лета 1898 г. Соловьев. — Во всем подражал Фету, идей еще не было, но пел. Писал стереотипные стихи о соловьях и розах, воспевал Офелию, но уже что-то мощное и чарующее подымалось в его напевах» ¹¹. Тогда же в Дедове, 8 августа 1898 г., как удостоверяет помета Блока, Соловьев впервые записал в беловую тетрадь блоковских стихотворений свое — «Море жизни» ¹²; затем это станет традицией: в беловые тетради Блока занесено множество отроческих стихотворений Соловьева 1898—1903 гг. Большая часть их красноречиво свидетельствует, что юный стихотворец находится под гипнотическим воздействием поэзии Вл. Соловьева и ранних лирических опытов Блока. Достаточно привести хотя бы два стихотворения, переписанные Соловьевым в тетрадь Блока в Дедове летом 1901 г. Первое датировано сентябрем 1900 г.:

Солнце прорвало тяжелую тучу
 Ярким лучом.
 Свет проливается в душу могучим
 Теплым ключом.

Все умолкает пред силою вечною
 Чистой волны.
 Только летают вокруг бесконечные
 Бледные сны ¹³.

Второе написано в марте 1901 г.:

О, не верь во власть земного тленья!
 Это все пройдет, как душный сон.
 Лишь лови нетленные мгновенья,
 В них огонь бессмертья отражен.
 И за этот краткий миг прозренья
 Ты забудешь все, чем дорожил,
 Воспарив над злом земного тленья,
 Оглушен гармонией светил.
 И зажгутся в мыслях ярким светом
 Пред тобой священные слова.
 И на сердце, пламенем согретом,
 Отразится сила божества ¹⁴.

Нужно оценить, однако, как черту знаменательную то, что Блок позволяет, и, по-видимому, охотно, Соловьеву вписывать стихи в свою беловую тетрадь: так создается общая книга лирики, что возможно лишь в том случае, если признается внутреннее единство между стихами друга и своими собственными. И еще нужно отметить, что на каждое свидание с Соловьевыми, первыми его почитателями, Блок является с «полным собранием стихотворений» — с беловой тетрадью: об этом можно судить как раз потому, что от каждой встречи в этой тетради остаются стихи Сережи.

Видя в Блоке духовного собрата, Соловьев посвящает ему несколько стихотворений. Самое раннее из них — «Изломан жаждой сладострастья. . .» (с пометой: «Посвящается А. А. Б.») написано в Дедове 16 августа 1898 г. ¹⁵, за ним последовало стихотворение «Истертый в прах, подавлен миром. . .» (написано в Дедове 13 июня 1899 г.):

Посвящается А. А. Блоку.

Истертый в прах, подавлен миром,
 Измучен пошлостью людской,
 Склонился я перед кумиром
 Своей презренной головой.
 Но голос твой раздался ясно,
 Меня воззвал из темноты,
 И я увидел, что ужасно
 Незнание чистой красоты.
 Я понял твой размах могучий
 И дух мой с ним соединил,
 И с ним теперь лечу над тучей
 Исполнен новых свежих сил ¹⁶.

В этом отрочески-наивном стихотворении — тот, однако, уже образ поэта, являющего миру «чистую красоту», который только и видел в Блоке Соловьев почти до самого столкновения 1905 г. Точнее, самый конфликт вызван был борьбой Соловьева за этот некогда открывшийся в друге образ, которому Блок, по убеждению Соловьева, изменил — но мы забегаем вперед.

11 августа 1901 г. Соловьев рассказывал в письме к Андрею Белому, что рядом с Блоком он — «в своей природной стихии», пропитанной Вл. Соловьевым ¹⁷. Андрей Белый отнесся к стихам и направлению духовных исканий Блока с восторгом, поддерживая своим авторитетом старшего настроения юного Соловьева и способствуя созданию для Блока круга увлеченных читателей задолго до того, как тот стал публиковать свои стихотворения. Переживания рубежа веков как перелома в судьбах мира, ощущения близящегося наступления «всего нового», просветленные мистические экстазы и упования, возвращенные на философских пророчествах Владимира Соловьева, обнаружили себе в стихах Блока поддержку и подтверждение. Сергей Соловьев был фанатичным исповедником имени своего дяди; мы говорим «имени», а не философии, не — даже — мистического учения, поскольку то, что юный Сергей Соловьев, утверждавший себя едва ли не единственным истинным толкователем идей и пророчеств Вл. Соловьева, выдавал за конечный итог «со-

Соловьевства», на деле было достаточно произвольным и декларативным выводом из писаний философа и поэта. Та же фанатичная негибкость определила и отношение Сергея Соловьева к Блоку с самого начала. Однако именно в эту первую пору, в 1901—1903 гг., ни лирика Блока, ни его мироотношение в целом не противоречили тому, как понимал их Соловьев, как их развитие рисовалось ему в будущем. Единодушие было, по-видимому, истинным; в поэзии старшим и ведущим был Блок, общемировоззренческие установки Соловьева были громогласнее, но Блоку неопутима еще была их стеснительность. Побратимы были согласны в том, что Блок в письме к Соловьеву от 8 октября 1903 г. (№ 17) называл многозначительно «все остальное». А Соловьев признавал лирику Блока голосом собственных взглядов и чувств, красноречива его помета при стихотворении 1902 г. «Сонет» («Торжественная песнь неслась по темным сводам. . .»), вписанном в блоковскую тетрадь, по всей вероятности, в дни свадьбы Блоков: «Мне в этом стихотворении не удалось выразить то, что в совершенстве удалось выразить Блоку»¹⁸.

Безусловно, и Блоку было радостно встретить такую отзывчивость и понимание, какие выказывал к его творчеству юный «матерый мистик». Братство, созвучие душ ощущались обоими как драгоценное обретение, эзотерический союз был достигнут. Четыре стихотворения Блока 1901—1903 гг. из будущего первого тома собрания стихотворений посвящены С. Соловьеву: «Она росла за дальними горами. . .» (I, 103), «Входите все. Во внутренних покоях. . .» (I, 111), «Бегут неверные дневные тени. . .» (I, 150), «У забытых могил пробивалась трава. . .» (I, 274), — типичнейшие произведения Блока этой поры, исполненные тихого, молитвенного преклонения перед «тайной» и женственным символом неизреченного, того чуждого эпохе «прерафаэлитства», которое казалось желанным поэту еще весной 1903 г. (см. п. 10), но в самом близком времени стало представляться уже недостижимым прошлым (см. п. 22).

На свадьбе Блока Сергей Соловьев был шафером и отнесся к ней как к мистерии: «дело близилось к реальному откровению», как признавался он Белому в письме от 2 сентября 1903 г.¹⁹ Восторженные отзывы Соловьева о невесте сохранил Блок: «Лучше не видал и не увижу», «Идеальная женщина» (ЗК, 54). Свадьба в представлении Соловьева развернулась в событие мировое, а Любовь Дмитриевна была воспринята им как самое непосредственное воплощение высшего женственного начала. Все эти восторги вылились в широковещательные риторические стихи, где библейско-христианские символы сплетались с отзвуками Бальмонта и пушкинских сказок (последнее, впрочем, Блоку понравилось), и все это должно было прославить всемирное торжество Света, свершившееся в таракановской церкви, когда бракосочетались А. А. Блок и Л. Д. Менделеева (см. пп. 13 и 17). Блоку стихи, как он и писал Соловьеву, не понравились. И в стихотворном «Ответе», не сомневаясь еще, как будто, в истине заветов, возглашаемых побратимом, Блок оговаривает необходимость для себя уединения, замкнутости в своем и по тому не сходном с хилиастическими ликованиями хора «соловьевцев» —

Смотрю сквозь тонкий пар сомнения

.....

Твои слова — любимый клик,

Спокойный зов к осенним дням,

Я их люблю — и я привык

Внимать и верить глубинам.

Но сам — задумчивей, чем был,

Пою и сдерживаю речь.

Мой лебедь здесь, мой друг приплыл

Мою задумчивость беречь.

(I, 537)

Однако еще и Блок, несомненно, не замечал, не ожидал, что эти расхождения в тоне переживаний предвещают резкий разрыв с другом. Если свадьба была первой кульминацией этой дружбы, то второй стало пребывание в январе 1904 г. Блока с женой в Москве, где он впервые встретился с Андреем Белым и провел две недели в постоянном общении с ним и с Соловьевым. Был заключен своего рода тройственный союз, вновь пережитая радость «единения в мистической идее Владимира Соловьева»²⁰. Пребывание в Москве, по дням калуженное Блоком в письмах к матери (VIII, 81—88) и в записной книжке

(ЗК, 58—60), впоследствии в ярких подробностях воскрешенное Андреем Белым в мемуарах, вызвало у него особенно сильный прилив чувств мистического братства и ответственность в деле служения высшему идеалу:

Сторожим у входа в терем,
Верные рабы.
Страстно верим, выси мерим,
Верно ждем трубы.

В светлый миг услышим звуки
Отходящих бурь.

Молча свяжем вместе руки,
Отлетим в лазурь.

(I, 316)

Нет необходимости подробно характеризовать эту пору взаимоотношений Блока и Соловьева — она достаточно полно прослеживается в их переписке и получает дополнительный ответ в истории отношений Блока и Белого, хорошо известной и по переписке, и по воспоминаниям Белого. Подчеркнем только, что эзотерический союз Блока — Белого — Соловьева предполагал противодействие как самодовлеющему «декадентству», т. е. «скорпионовской» и «грифовой» группам поэтов, так и религиозному обновленчеству, пропагандировавшемуся журналом «Новый путь» и прежде всего Д. С. Мережковским и З. Н. Гиппиус. Искания последних представлялись сомнительными с точки зрения верности мистическим заветам, которые Блок, Белый и Соловьев вычитывали у Вл. Соловьева и полагали последним откровением христианства; необходимо отметить, что из них троих наиболее озабочен был собственным правове́рием Соловьев, менее всех — Блок, писавший откровенно Белому 1 августа 1903 г.: «Еще (или уже, или никогда) *не чувствую* Христа. Чувствую *Е е*, Христа иногда только *понимаю* <...> *Боюсь е ще* (м^{ожет} б^{ыть}», перестану бояться) утратить Соловьевские костыли, подпиравшие меня *сильно* (при жизни Мих^{аила} Серг^{еевича})»²¹.

Как ни зыбка была мистика «соловьевцев», им самим она представлялась твердыней, цитаделью, где они готовились к битве и с «декадентами» и с Мережковскими. И с теми и с другими у «соловьевцев» были сближения и расхождения, но взгляд со стороны, «из амбразур» сохранялся неизменно, равно как и ощущение прочности и особой значимости достигнутого внутреннего союза, остававшегося высшим критерием в отношении к обступающему литературному окружению. Не случайно Блок признавался 28 марта 1905 г. в письме к отцу: «Встречи с разнообразными людьми учащаются <...> И все-таки ближайшими людьми остаются Сергей Соловьев, Борис Ник. Бугаев (Андрей Белый) и Евг. Павл. Иванов (из «Нового пути») (VIII, 123).

В 1904 г. отношения Блока и Соловьева по-прежнему еще светлы и безмятежны. Весной Соловьев, заканчивавший в это время гимназию и державший экзамены на аттестат зрелости, несколько раз приезжал к Блоку в Шахматово. Но несколько месяцев спустя стали обнаруживаться первые признаки явного взаимонепонимания, которое к 1905 г. уже угрожало разразиться серьезным конфликтом. Причины тому коренились прежде всего в новых акцентах мироощущения Блока и набиравших все большую силу мотивах его творчества, которые вносили разлад и в его собственную мифопоэтическую систему, и в представления о нем, поэте и человеке, которые сложились у друга. Блок неуклонно устремлялся к переоценке ценностей, возвещанных им в «Стихах о Прекрасной Даме», Соловьев и Белый ожидали от него верности объединившим их заветам. В июне 1905 г. в Шахматове эти противоречия выплеснулись наружу, притом в самой реакой форме, между Блоком и Соловьевым, который занимал в вопросе следования «мистическому пути» наиболее догматическую позицию. Белый вспоминал об этой поре: «Я видел двойное непонимание друг друга двух лучших моих друзей <...> Я хотел сгладить, ступать острые углы в этом начавшемся расхождении между С. М. Соловьевым и А. А., расхождении, которое стало уже совершившимся фактом в те дни и которое продолжалось почти до кончины А. А.»²².

Проблема верности «мистическому пути» и уклонения от него стала самой острой в отношениях Соловьева и Блока, но разногласия усиливались и благодаря все отчетливее

обозначавшимся противоречиям в творческих устремлениях поэтов. Белый отмечал, что летом 1905 г. в Шахматове «вместо прежних интимных бесед поднимались литературные разговоры», — при этом Соловьев, преклонявшийся тогда перед Брюсовым, стремился к «чеканке переживаний» и отвергал «романтическую невнятицу» Блока²³. Под «романтической невнятицей», конечно, прежде всего подразумевалось угасание в творчестве Блока темы «Прекрасной Дамы» и появление новых, еще не вполне ясных символов, диссонирующих с прежней поэтической системой. Но Соловьев был в принципе прав, когда утверждал особую роль чисто литературного элемента в разладе с Блоком: «Мы разошлись с Блоком прежде всего во взгляде на поэзию. Блок отстаивал стихийную свободу лирики, отрицал возможность для поэта нравственной борьбы, пел проклятие и гибель. Я всегда стоял на той точке зрения, что высшие достижения поэзии необходимо моральны, что красота, по слову Влад. Соловьева, есть только «ощутительная форма добра и истины»²⁴. При всем сходстве первоначальных лирических импульсов Блок и Соловьев действительно в ходе творческого становления оказались на противоположных полюсах символистской поэзии, стали выразителями различных творческих принципов: у Блока преобладает музыка стиха, у Соловьева — пластика образа; у Блока на первом плане — субъективный мир поэта, в котором предоминирует внешний мир, у Соловьева — тяготение к передаче мира в его объективной данности; у Блока — самодовлеющая лирика, у Соловьева — тяготение к эпике даже в лирических сюжетах. Для Блока ценны «невнятица» и исповедальность непосредственного самовыражения, для Соловьева — мастерство и ясность «внешнего» творчества. Соловьев в своих творческих ориентациях стал «классиком», Блок — бесспорным «романтиком». Если вернуться к формулировкам, употребительным в символистскую эпоху, то Блок был выразителем «дионисийского» начала, а Соловьев — «аполлонического». О «дионисийстве» «Снежной Маски» говорил Вячеслав Иванов²⁵, а Андрей Белый в рецензии на первую книгу стихов Сергея Соловьева «Цветы и ладан» подчеркивал, что «образы его — аполлонический сон над бездной»²⁶. Не случайно критики неизменно отмечали в наиболее удачных стихотворениях Соловьева в первую очередь «безупречную ясность и чистоту стиля»²⁷, «прекрасную ясность», свойственную «нео-пушкинианцам» начала века, и «ревность по строгой форме»²⁸, следование А. Майкову — «иногда даже превосходя последнего чеканкой стиха и силой изобразительности»²⁹.

Многие стихотворения Соловьева — только вариации на заданную тему, часто привлекаемые им исторические сюжеты реализуются сугубо описательно; так, большая драматическая поэма «Саул и Давид» (1904)³⁰, в сущности, лишь пространно иллюстрирует слова «А от Саула отступил дух господень, и возмущал его злой дух от господ» (Первая книга Царств, XVI, 14) и не привносит ни самостоятельного художественного содержания, ни своеобразия в трактовку знаменитых библейских образов. Эти особенности поэтики Соловьев сохраняет и в самых зрелых произведениях. Они выводят лирику Сергея Соловьева за рамки основных стилистических особенностей той литературной школы, в которой он выступал — при всем том, что творчество Соловьева и тематически, и в области формальных установок, и в мировоззрении имеет много точек соприкосновения с поэтическими мирами таких разных художников, как Блок, Брюсов, Вяч. Иванов, Кузмин и др. Ориентация на доромантическую поэтику³¹, привязанность к темам и стилям прошлых эпох (в особенности — классицизма), отказ от характерных проблем своего времени, отказ, наконец, от основного принципа современной большой поэзии (согласно которому в поэзии важнее всего неповторимость индивидуальности), — все это не в меньшей степени, чем и явная ограниченность дарования Соловьева, предопределило отзыв о нем Брюсова (в рецензии на книгу «Апрель»): «талантливый ученик», который не вырос в «самостоятельного мастера»³².

Разнонаправленность поэтических устремлений Блока и Соловьева сказывалась, по-видимому, всегда, но если в первую пору еще не окончательно определившийся «классик» Соловьев и уже вполне определившийся «романтик» Блок, при сходстве духовных идеалов, находили общий язык, то после того, как в поэзии Блока начали все отчетливее проследиваться новые мотивы, стало меняться и отношение Соловьева к блоковской музе. О стихах, посланных Блоком Белому в письме от 2 октября 1905 г., — среди них были такие характерные для «нового» Блока произведения, как «В кабаках, в переулках, в извивах. . .», «Иду — и все мимолетно. . .», «Она поет в печной трубе. . .», «Невидимка»,

«Она веселой невестой была...», «Девушка пела в церковном хоре...» и др.³³, — Соловьев отозвался однозначно: «белиберда»³⁴. Год спустя, рецензируя «Нечаянную радость», Соловьев не высказал своего мнения с такой откровенной лапидарностью, напротив, он даже нашел слова одобрения, утверждая, что «среди современных поэтов немногие обладают такою напевностью, как Блок», что «грусть Блока — свежа, прозрачна, хрустальна» и что «в лучших стихотворениях он достигает величавой простоты и спокойствия»; своего приговора он еще не мог публично произнести с полной откровенностью, однако в рецензии сказывается и горечь разуверения от того, что во второй книге стихов Блок отстранился от «апокалиптичности», наполнявшей его первую книгу: «Нет! это — не Блок!» — воскликнут многие, читавшие и любившие «Стихи о Прекрасной Даме». Угас «уголь пророка», «вонзенный в сердце» страстного рыцаря Мадонны. Свеялась дымка апокалиптических экстазов. Поэт освободился от того наносного, что казалось его сущностью. Он нашел себя, свой напев, свои краски. Спала тусклая позолота древнего нимба, расклубился таинственный фимиам перед престолом «Жены, облеченной в солнце», трясские болота проглотили «придел Иоанна», куда случайно забрел непосвященный: и на месте храма зазеленели кочки, запрыгали чертенята... Дремотная лира! не сбылись надежды, иссякли пророчества»³⁵.

Расхождения, наметившиеся между Блоком и Соловьевым в 1905 г., на следующий год привели к фактическому разрыву отношений. После появления «Балаганчика» Соловьев отказывается от какого-либо общения с Блоком. 14 марта 1906 г. он сообщил Брюсову: «Я открыто поссорился с Блоком и написал ему сонет со следующим двустихием:

Ты, верно, думаешь, что мысль твоя глубока!
Но ошибаешься: ты просто лежебока»³⁶.

Отзывы Соловьева о Блоке приобретают преимущественно пренебрежительный и даже оскорбительный характер. «Относительно книги Блока вполне с тобой согласен, — писал он 31 января 1907 г. Андрею Белому о «Нечаянной радости», уже не скрывавший дипломатическими условностями жанра журнальной рецензии. — Идиотство и гениальность. Преобладает первое. Замечательно, что Блок первый в истории литературы совместил идиотство с дарованием»³⁷. Характеризуя в письме к Брюсову от 17 августа 1907 г. июльский номер «Весов», Соловьев коснулся и помещенного в нем «Третьего видения» пьесы Блока «Незнакомка»: «Незнакомка» была бы б...» хоть куда, но, к сожалению, кузев мой по старой памяти во всякой б...» прозревает нечто вроде «Девы Марии», а под конец переносит действие в Шотландию и твердит о «Мэри»³⁸. Насмешливо-издевательское отношение к «новому» Блоку, Блоку лирических драм и второго тома стихотворений, обнаруживало не только эстетическую глухоту Соловьева, но и принципиальное неприятие «разрушительных» тенденций в творчестве поэта, трагического перерождения Прекрасной Дамы и новых символов и «масок», овладевших сознанием Блока.

Резкая и болезненная перемена в отношении Соловьева к Блоку и его поэзии, к Блоку сегодняшнему и прошлому (поскольку сквозь измену в настоящем прошлое, мы видели, представлялось позой: «поэт освободился от того наносного, что казалось его сущностью») сопровождалась и разочарованием в Л. Д. Блок. Былое восторженное преклонение перед нею, граничившее с прямым прозрением в ней Софии небесной и с готовностью объявить о том во всеуслышание, сменилось третированием ее имени. Произошло это сравнительно скоро после разрыва с Блоком, несмотря на то, что ближайший друг Соловьева Андрей Белый был безнадежно влюблен в Л. Д. Блок. В значительной степени все объяснялось коренной особенностью личности Соловьева: собственную сегодняшнюю веру он считал истинной абсолютной и требовал признать ее таковой ото всех. Но в этой односторонности была и своя логика.

В самом деле, и Соловьев к тому времени уже не оставался прежним восторженным мистическим юношей: внутренние искания, стимулированные занятиями классической филологией в Московском университете, ведут его ко все усиливающемуся преклонению перед «язычеством» и античной культурой, перед стихией «земной» страсти; от сборника к сборнику — от «Цветов и ладана» к «Апрелю» и затем к «Цветнику царевны» — темы радости земного бытия все чаще затмевают религиозно-экстатические, «теократические» мотивы и библейско-евангельские сюжеты. Но исходные идеалы, хотя и отошли на второй план, остались священными и неприкосновенными. В рецензии на «Цветы и ладан» Б. Са-

довской метко указал, что «в поэзии г. Соловьева ладан молитв и возвышенно-неземных созерцаний смешивается с ароматами живых цветов, с гимнами земной красоте»³⁹. Именно смешивается, а не соединяется в новое поэтическое целое. Соловьев мог сочетать в себе две системы ценностей, но не мог оправдать трансформации одной в другую, взаимопроникновения чужеродных начал. И превращение «Прекрасной Дамы» «Девы-Зари-Купины» в «Незнакомку», «Снежную Маску», «Фанну» он ощущал в первую очередь как кощунственное надругательство над святыней и не видел этому объяснения или оправдания: сколь сильным было его восхищение ранними стихотворениями Блока, столь же сильным оказалось и неприятие новых мотивов. Именно так отнесся Соловьев к пародийным выпадам в «Балаганчике», не без оснований увидев в них насмешку над общими для него и юноши Блока мечтами и мистическими упованиями. Если даже Белый воспринял «Балаганчик» как «удар тяжелейшего молота»⁴⁰, то Соловьева с его несравненно более догматичным подходом к общим «соловьевским» заветам пьеса Блока привела в полное негодование: «Какова же была его злость, — вспоминает Белый, — когда в шедевре идиотизма (слова его), или в «Балаганчике», себя узнал «мистиком»: с провалившейся головой. — Нет, каков лгун, каков клеветник! — облегчал душу он»⁴¹. И если отношения Белого с Блоком в 1906—1907 гг. все же сохраняются, хотя и сводятся к нагромождению обид, непониманий, бурных ссор и мучительных объяснений, то отношения между Блоком и Соловьевым сходят на нет. Былая дружба, интимная доверительность уже невозвратимы, и взаимная отчужденность становится питательной почвой для резких печатных отзывов друг о друге. 1906—1909 годы — второй этап отношений С. Соловьева и Блока — характеризуется ожесточенной публичной полемикой между ними.

Взаимные полемические выпады Блока и Соловьева стали эпизодом той литературной распри, которая развязалась по поводу «мистического анархизма» и разъединила символистов на два противоположных лагеря. Блок и Соловьев не были инициаторами и главными участниками журнальной полемики, но их личное столкновение сделалось только определеннее и жестче на этом фоне: Соловьев был вместе с другими критиками из «Весов» в числе ниспровергателей «мистического анархизма», в котором видел «подрыв устоев морали, эстетики, религии»⁴²; Блок, хотя и не являлся адептом «мистико-анархических» идей, оказался в противоположном «Весам» литературном стане.

В рецензии на вторую книгу сборника «Свободная совесть», написанной осенью 1906 г., Блок коснулся помещенных в ней произведений Соловьева еще очень осторожно. Он уклонился от разбора напечатанной там драматической поэмы «Саул и Давид» (хотя из нескольких отведенных ей строк ясно, что это произведение оставило Блока равнодушным), зато похвалил стихотворение Соловьева «Свете тихий», отметив, что это «истинное украшение книги, пожалуй, лучшее стихотворение, какое есть в ней» (V, 632—633). Однако немногим менее года спустя, в разгар символистской междоусобицы, он дает в статье «О лирике» подробный и весьма нелестный отзыв о «Цветах и ладане». Утверждая, что в книге «все те немногие стихотворения, где есть истинная поэзия, пахнут ладаном, запаха же цветов во всей книге Сергея Соловьева нет ни малейшего» (V, 155—156), — Блок как бы отграничивает стихи Соловьева периода их общности от новейших опытов, прежний «ладан» предпочитая появившимся «цветам». В целом же книга получает беспощадную оценку: «Сам Сергей Соловьев придает своим стихам значение только *ученического опыта* <...> Я бы сказал еще резче: это — только справочная книга для поэтов, и все стихи, которые автор произвольно соединил в стихотворения, должны быть разделены на правильные категории, распределены по графам; каждая графа должна объединить в себе однородные примеры образов удачных и неудачных, рифм плохих и хороших и т. д., и т. д.» (V, 151). И Блок не скупится на примеры, подтверждающие его заключения о банальности образов и отсутствии «напева» в поэзии Соловьева.

Стремясь объяснить Андрею Белому резкость своего отзыва о «Цветах и ладане», Блок писал ему 1 октября 1907 г.: «Бичуя себя за лирические яды, которые и мне грозят разложением, я стараюсь предупредить и других. Но, ценя высоко лирический *лад* души, который должен побеждать лирическую распушенность, я не люблю, когда стараются уладить все средствами; посторонними лирике, хотя бы — «градом, обещанным религиями». Отсюда — моя статья о Сереже, в которой Ты, как знающий и меня и Сережу, можешь прочесть между строк бесконечные не написанные примечания — о моем отношении к Сереже, о моей осторожности, хотя относительной» (VIII, 212).

Нужно сказать, однако, что подспудные токи, которые Блок предлагал Белому уловить в его критике стихов Соловьева, все же, видимо, были ощутимы только для самого Блока, и не удивительно, что Соловьев увидел в статье лишь жестокий приговор своему поэтическому таланту.

Ответное выступление Соловьева — «Г. Блок о земледелях, долгобородых арйцах, паре пива, обо мне и о многом другом»⁴³, — как видно уже по заглавию, было подчеркнуто памфлетно. Касаясь не только блоковского разбора «Цветов и ладана», но и в основном общих мыслей о поэзии, высказанных в статье «О лирике», Соловьев язвительно высмеивает субъективный критический метод Блока, усматривая в нем только «несвязный лепет и бред», в котором «мысли сочетаются по законам первичных ассоциаций»⁴⁴.

Соловьев убежден, что преклонение перед «плодоносными токами лирической стихии» ведет Блока к фантастическим и в корне неверным представлениям о действительности, и в своих возражениях пытается развенчать «романтизм» блоковского мировосприятия. Так, Блок в своей статье, рассуждая о смысле лирики и ее воздействии, попутно отмечает: «На просторных полях русские мужики, бороздя землю плугами, поют великую песню — «Коробейников» Некрасова» (V, 132). «Где видел г. Блок, чтобы мужики пели «Коробейников», «бороздя землю плугами»? — пишет Соловьев. — Нет, г. Блок, если бы Вы наблюдали мужиков не из вашего кабинета, как добрый помещик старого времени, то Вы узнали бы, что мужику не до ваших «плодоносных токов лирической стихии», когда он, ругая тощую лошадедку и обливаясь потом, пашет землю. Если он и будет петь ваших «Коробейников», то в праздник, а коли он — мужик дельный, то предпочтет в свободный вечер почитать газетку, да поговорить с умным человеком о последнем заседании Государственной Думы, или о чем другом, что считает важнее «сладкого бича ритмов»⁴⁵. На таких переключениях в сферу «здорового смысла» построена большая часть критических выпадов Соловьева. Направлены они все к доказательству беспомощности Блока в облике поэта-демониста и апологета «стихийности». «Арлекинад» «Балаганчика» — не возражение молитвам литургии, — утверждает Соловьев, произнося приговор «новому» Блоку. — «Несостоятельность Блока в роли мистического пророка, рыцаря Мадонны за последнее время достаточно выяснилась. Не более удачно играет он роль стихийного гения <...> Но что же общего со стихийным титанизмом имеет г. Блок, пересадивший на русскую почву хилые, чахоточные цветы западного декадентства, создатель бесплодных и бескровных призраков в стиле Мориса Дениса и Метерлинка»⁴⁶.

Блок отнесся к статье Соловьева как к коллективному выступлению московских символистов, вчерашних своих почитателей. Подразумевая определенно, кроме Соловьева, также Белого и Эллиса, он писал матери 21 апреля 1908 г.: «... В только что вышедшей книге Сережи — целая очень уловимо хамская статья обо мне. Московское высокомерие мне претит, они досадны и безвкусны, как индейские петухи» (VIII, 237)⁴⁷. Блок не остался в долгу: в августе 1908 г. он написал статью «Письма о поэзии», в заключительном разделе которой («Два Аякса») высмеял и книгу Соловьева «Crurifragium», и самый полемический стиль «весовских» выступлений. Цель «Двух Аяксов», по ироническому признанию Блока, — доказать, что он «погиб окончательно и стал отныне «мистическим хулиганом» (V, 298). Отказавшись от подробного анализа книги Соловьева, Блок дал ей совершенно издевательскую характеристику, намеренно построив свои рассуждения в соответствии с соловьевской оценкой его критических опытов «по законам первичных ассоциаций». Будучи направленной против Соловьева, статья представляла собою и выпад против «Весов» и их критической линии, устремленной к развенчанию попыток обновления символизма.

Завершила (не сняв, однако, противоречий и в малой степени) полемическую баталию поэтов рецензия Соловьева на третий сборник стихов Блока «Земля в снегу». Написанная еще до появления «Двух Аяксов» (в журнале «Золотое руно»), она не содержала в себе новых памфлетных выпадов — их Соловьев после статьи о Блоке в книге «Crurifragium» не повторял, — но зато с еще большей ясностью определила «роковой», с точки зрения Соловьева, недостаток Блока — «отвращение от объективности и реализма, субъективизм, возведенный в поэтическое кредо: «Замкнутая в узкий круг субъективных переживаний муза Блока не видит жизни с ее сложностью и многообразием. ... Здесь — оригинальность Блока, здесь — его сила. И здесь его осуждение перед лицом объективного искусства»⁴⁸. Далее рецензия превращается в комментированный подбор цитат из

Блока, которого Соловьев упрекает в отсутствии логики, неразработанности поэтического словаря и доверии к «случайным ассоциациям», т. е. во всех тех «пороках», которые влекут за собой отход от ясности объективно-идеалистического мирозерцания. Соловьев подвергает педантическому разбору один из шедевров Блока этих лет — «Осеннюю любовь» («Когда в листе сырой и ржавой. . .»), обнаруживая полную невосприимчивость к образности этого стихотворения, действительно, не удовлетворяющего тем правилам пуризма и строгих логических «объективных» умозаключений, по которым пытается судить о нем критик.

Достигнув наибольшей остроты в 1908 г., конфликт Блока и Соловьева в дальнейшем уже столь зримо не проявлял себя, а в 1910 г. наметились первые симптомы нового сближения поэтов. В значительной мере этому способствовали перемены в литературной ситуации внутри символизма. Полемика вокруг «мистического анархизма», дополнительно усиливавшая разногласия и резкость критических выступлений Блока и Соловьева, к 1910 г. исчерпала себя, и внутри школы стали обозначаться новые союзы, одним из которых было объединение писателей вокруг только что основанного издательства «Мусагет». Противостояние самодовлеющему эстетизму и обоснование религиозно-философской платформы символизма были выдвинуты «мусагетцами» во главу угла; под знаком «Мусагета» встретились представители еще совсем недавно конфликтовавших групп: Андрей Белый, Эллис и Сергей Соловьев, с одной стороны, Вячеслав Иванов и Блок, с другой.

Наметившийся к 1910 г. новый поворот Блока к религиозно-теургическому символизму неоднократно был охарактеризован многими исследователями творческого пути поэта. Здесь важно лишь подчеркнуть, что эти новые тенденции (точнее, искание новых путей через известное возвращение к прежней «тезе» «Стихов о Прекрасной Даме» и отход от «антитезы» «Балаганчика» и «Снежной Маски») явились поворотным моментом в отношениях Блока с Белым и Соловьевым. Отход к «тезе» от нищезнания и «язычества» наметился и у Соловьева, хотя возвращение в «дом отчий» (так называлась его последняя изданная книга стихов) завершилось у него много позже, после тяжкого душевного потрясения (см. п. 56).

Первый шаг к сближению сделал Белый после появления в печати цикла Блока «На поле Куликовом», написав автору приветственное письмо. Соловьев, со своей стороны, вспоминает, что в стихах «На поле Куликовом» он «радостно узнал мощные и светлые звуки прежнего певца «Прекрасной Дамы»⁴⁹. Вторым шагом стал доклад Блока «О современном состоянии русского символизма», переоценивавший былые «демоничность» и «иллюзионизм» и призывавший «учиться вновь у мира и у того младенца, который живет еще в сожженной душе» (V, 423). В полемике, развернувшейся в связи с появлением этой статьи и «Заветов символизма» Вяч. Иванова, Блока всецело поддержал Белый своей статьей «Венок или венец».

Соловьев в этих обстоятельствах «перемены декораций» поначалу оставался в стороне. Первым к Блоку обратился, однако, он: не повстречавшись с Блоком, когда тот был в Москве, Соловьев написал ему 20 ноября 1910 г. письмо, в котором высказал надежду вскоре поговорить с Блоком «много и до конца» (п. 55). Блок охотно пошел на примирение. Вновь встретились друзья в апреле 1911 г. в Петербурге. Соловьев вспоминает о Блоке: «Очень он был нежен. Вся семья — Любовь Дмитриевна, мать Блока Александра Андреевна и вочим его, полковник Франц Феликсович Кублицкий — встретили меня как воскресшего из мертвых»⁵⁰. «Мы виделись с Сережей. Он прекрасен, — кратко сообщил Блок Белому 8 мая 1911 г. (VIII, 337). После этого Соловьев презжал к Блоку в Шахматово. «Сегодня уехал отсюда Сережа, которого я очень рад был видеть и который привез с собой все прекрасное, что в нем есть», — писал Блок Белому 26 июня 1911 г.⁵¹; в тех же тонах он говорил о встрече с Соловьевым и в письме к жене (30 июня): «В Шахматово провел день Сережа — было очень хорошо»⁵². «Но прежней дружбе не суждено было воскреснуть, — констатирует Соловьев, вспоминая эту, третью пору своих отношений с Блоком. — Мы продолжали смотреть в разные стороны. Встречи наши были ласковы, дружелюбны, но внешни. Вместо первоначальной любви, последовавшей вражды, наступила благосклонная отчужденность»⁵³. Блок, застигнутый Соловьевым в июне 1911 г. в Шахматове за чтением корректуры своей четвертой книги стихов «Ночные часы», был уже безмерно далек от настроений, сопутствовавших рождению его первой книги; сложный поэтический синтез 1910-х годов мог нести в себе лишь отголоски ясной художест-

венной системы «Стихов о Прекрасной Даме», и созвучная этим стихам пылкая юношеская дружба могла лишь вспомниться, но не возобновиться. Зрелый Блок и вступавший в пору зрелости 26-летний Сергей Соловьев встретились людьми с коренными несовпадениями в мироощущении. Внутренний консерватизм Соловьева, его всемерная опора на заветы, на семью и верность предкам, на религию в ее освященных веками обрядовых формах, характерный для его стихов «пафос благосостояния»⁵⁴, — все это контрастировало с настроениями, преобладавшими у Блока, с его растущим год от года осознанием всеобщего неблагополучия, с его ощущением катастрофизма надвигающихся исторических перемен, с его темами «возмездия» и «страшного мира» и все усиливающимися нотами трагизма в поэтическом творчестве. Сам Блок отчетливо ощущал, что они с Соловьевым теперь живут в разных мирах. «К Сереже особенное отношение <...>, — писал он Белому 6 июня 1911 г.: — милый Сережа, блестящий человек, будущий ученый филолог, брат по духу и по крови, великодушный патриарх, продолжатель рода (а я истребитель), и т. д.» (VIII, 345). Отношение Блока к «брату по духу и по крови», видимо, вмещало и своеобразное любопытство: видеть реализацию одного из путей, который сам он некогда мог выбрать для себя.

Последующие годы все более разводили Блока и Соловьева по разным путям. На рубеже 1911—1912 гг. Соловьев пережил тяжелый внутренний кризис, доведший его до душевной болезни⁵⁵. Вскоре после выздоровления, осенью 1912 г., он женился на Т. А. Тургеневой (сестре А. А. Тургеневой, жены Андрея Белого) и отправился с нею в путешествие по Италии, ставшее значительной вехой в его духовной жизни⁵⁶. Характерное для эпохи «тезы» стремление к церковной ортодоксии (ср. отказ от посвящения ему классического «Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...» — п. 4), тогда остававшееся, по всей видимости, юношеским благим порывом, теперь получает логическое завершение: Сергей Соловьев принимает духовный сан⁵⁷. И четвертая книга его стихов носит красноречивое заглавие — «Возвращение в дом отчий» (М., 1916).

Личные встречи Блока с Соловьевым в эти годы случайны. В декабре 1914 г. Соловьев приезжает в Петроград читать в Религиозно-философском обществе доклад «О современном патриотизме». Соловьев обедал с Блоком у А. А. Кублицкой-Пиоттук, и Блок рассказывал жене: «Он очень хорошо говорил о тебе: что в тебе было в те времена мальчишеской мистики действительное основание для веры в тебя»⁵⁸. И только эта память о прошлом могла быть единственной, по всей видимости, точкой связи между Блоком и Соловьевым. Блок не пошел на доклад друга, в котором тот возвеличивал войну России с Германией как противоборство христианской «Святой Руси» и империалистической «антихристской» Германии и предрекал этой борьбе «высокий смысл и мировое значение, если Россия покажет себя в ней как подлинная Христова Русь, Русь любви, жертвы и подвига»⁵⁹. Такая постановка вопроса не могла вызвать у Блока ни малейшего сочувствия, даже понимания, как и вообще публицистическая деятельность Соловьева этих лет, стремившегося доказать, что церкви, и только церкви по силам главенствующая и объединяющая роль в деле духовного возрождения России и Европы.

Революция окончательно разделила Блока и Соловьева, они оказались в разных политических и духовных станах.

В годы первой русской революции Соловьев, подобно многим другим литераторам-символистам, готов был не только признать правоту народной борьбы и даже ведущую роль в ней социал-демократов, но и отождествить долг поэта с долгом революционера и даже утверждать, что истинный поэт радикальнее революционера. Он писал в «Предисловии» к своей книге «Scutifragium»: «Социалистические доктрины наших дней ведут борьбу с капитализмом. Но капитализм есть явление общего мирового зла. Поэт борется в мире сущего с тем же началом, с каким общественный деятель борется в мире явлений. Поэтому я решаюсь сказать, что поэт, поскольку он не изменяет своему назначению и не искажает смысла своей деятельности, ведет борьбу с капитализмом <...> Капитализм — химера нашего века. Это адское чудовище пожирает все святое и прекрасное. В его щупальцах хрустят кости наших братьев. Но золотой меч красоты жалит черного гада и наносит ему неисцелимые раны»⁶⁰. Февральскую революцию Соловьев принял, но в специфическом ракурсе: уже тогда склонявшийся к католицизму, он увидел в завоеванной свободе совести перспективу для будущего соединения церквей и тем самым исполнения миссии «славянского гения»: «Наша церковь должна войти в единство вселенской церкви. Брат-

ство народов только тогда будет прочно, когда оно оснует себя на высшем религиозном принципе, без этого принципа будет смена национальной вражды враждой сословий, останется в силе железный закон борьбы»⁶¹. За рамки буржуазного демократизма в христианском его осмыслении Соловьев выйти не мог. При этом он придерживался «западнической» ориентации, взрыв народной мести был для него торжеством «славянофильства»⁶².

Соловьев печатает ряд статей, развивающих подобные взгляды, в московском журнале «Народоправство», который получает Блок (ЗК, 274, 299). Но когда в марте 1921 г. Блок описывает свою библиотеку и доходит до этого журнала, он лишь отмечает в дневнике, что среди прочих писал в «Народоправстве» «священник Сережа Соловьев». Трудно судить, насмешка ли в столкновении фамильярного «Сережа» с официальным «священник» или это дань далеким воспоминаниям. Определенно другое: Блок выделяет как более или менее важные или интересные выступления в журнале Н. А. Бердяева, Г. И. Чулкова, В. И. Иванова, А. М. Ремизова, всем им противопоставляет как нечто много более существенное напечатанные там записки солдатских бесед, «подслушанных каким-то Федорченко» («Выходит серо, грязно, гадко, полно ненависти, темноты, но хорошо, правдиво и совестно») — и проходит мимо христианско-демократических филиппик своего давнего собрата (VII, 411). Это последнее из нам известных упоминание Блока о Соловьеве.

Возможно, Блок знал и о том, что после появления «Двенадцати» Соловьев оказался среди тех его прежних друзей, для кого поэма была изменой и кощунством. В газетной статье Соловьев (и Катюку приняв за «буржуйку») причислил Блока к врагам главной своей святыни: «Наши террористы выставляют себя почитателями Христа, который будто бы искажен в церковном сознании. Насколько образ Христа, противопоставленный <...> Христу церковному, соответствует евангельскому Христу, хорошо можно видеть из стихов певца современного сатанизма Блока: на все лады воспевая пролетарские порывы «полоснуть ножом» буржуйку за то, что она ходила в театр и ела дорогие конфеты, призывая к кровавой и дикой оргии, он кончает свои стихи такую сладенькой конфеткой: и в венчике из белых роз идет Иисус Христос». Ведь недурно? И даже раскольничий «Иисус»⁶³. Поэма «Двенадцать», как итог жизни и творчества Блока, определила двойственное отношение к нему Соловьева-мемуариста, запечатленное любовью и крайней враждой.

Получив от Белого письмо с известием о смерти и последних неделях жизни Блока, Соловьев отвечал ему 2 сентября 1921 г.: «О смерти Блока я узнал в Балашове и был сильно потрясен и растроган. За последний год я часто о нем думал. Все эти думы сводились к такой формуле: та светлая таинственная тень, которая осенила его юность, не могла до конца его покинуть, может быть, она его спасет. Еще я в моей пустыне ясно понял, что между мною и им существовала странная близость, почти двойничество, и от того мы так мешали друг другу с некоторых пор <...> Вспоминая наше прошлое, я скажу так: с одной стороны, мы с тобой были бесконечно правы, когда среди общей слепоты кричали о «блокизме» — «это ужас и бред, это место проклятое». Но, с другой стороны, мы были неправы, мы вели себя, как дети, и не стояли на достаточной духовной высоте, чтобы успешно бороться с блоковским демонизмом. Ведь вся ошибка многих людей и нас с тобой в юност в том, что мы пробовали бороться со зверями вне нас, не понимая, что надо только убить зверя в себе, что все эти извне грозящие звери только проекция вовне наших влых страстей. Мы бывали несправедливы к Блоку. Мы не верили в искренность его «снежных костров», но теперь он доказал, что тема смерти не была для него «литературностью». Потрясающий, многозначительный факт! Искушение, примирение и предостережение для живых <...> Я не могу молиться о нем, но мне хочется обмануть его, сказать о том свете, который в нем был. Ему в ином мире, вероятно, трудно, хотя верно это знать нельзя»⁶⁴.

Памяти Блока Соловьев посвятил свое стихотворение «Стирфорс». Ставя имя поэта в связь с этим героем романа Диккенса «Жизнь Дэвида Копперфилда», Соловьев намекает на роль Блока в своей жизни — подобную, как ему казалось, той, какую сыграл в судьбе юного Копперфилда его старший товарищ, блестящий и талантливый Стирфорс, объект обожания и подражания. Но это уподобление подразумевает и нравственный суд: Копперфилду приходится убедиться в эгоизме и аморальности своего друга, и примиряет их лишь роковая гибель Стирфорса. Блок, с точки зрения Соловьева, носил в себе черты Стирфорса, выражавшиеся, видимо, в «демонизме», эгоцентричности и романтической от-

решенности от земных дел — таковы были представления о «блокизме», выдвинувшиеся в сознании Соловьева на первый план, как это проясняется из его письма к Белому после смерти Блока. Во всяком случае, в соловьевском Стирфорсе, аккуратно воссозданном по сюжетной канве романа Диккенса, заметны совпадения с теми признаками «блокизма», на которых заострял Соловьев внимание Белого:

Благородный и преступный,
Избалован, властен, горд, —
Ты со мною неотступно,
Ледяной, блестящий лорд

.....
Что тебе чужое горе?
Дом родительский угрюм...
Только лодки, только море,
Только бури полнят ум

.....
Упоен и равнодушен,
Ты не думаешь о том,
Что рукой твоей разрушен
Не один счастливый дом.

.....

Нет, не надо жертв бесцельных:
На песке морском простерт,
Меж обломков корабельных
Ты лежишь, прекрасный лорд.

Вот куда тебя манила
Убегавшая ладья!
Вся взята морской могилой
Юность гордая твоя⁶⁵.

Конечно, этот образ аморального героя, потерпевшего поражение в своем горделивом вознесении над миром, имеет мало точек соприкосновения с личностью Блока, но ведь и автор стихотворения был тогда уже не в силах понять поэта в его последние годы жизни и найти с ним общий язык. Гораздо более точен в воссоздании внутреннего облика покойного друга Соловьев оказался в своих «Воспоминаниях об Александре Блоке» (1921), но и в них он осудил «лирически-хаотическую свободу» Блока и попытался «отделить чистое золото его поэзии от черно-лиловых, мутных сплавов», возвеличить Блока первого тома его стихотворений, поясняя при этом свою позицию: «Быть может, многим почитателям поэта покажется неприятной моя попытка приложить «нравственный» критерий к его творчеству. Но обнародованные мною воспоминания достаточно ясно показывают, что сам Блок в лучшие свои годы применял к себе этот критерий, боролся и восходил и только позднее предался вихрям лирических эмоций»⁶⁶.

Вскоре, однако, Соловьев, по-видимому, перечеркнул в памяти и последние остатки доверия к мистическим увлечениям собственной юности и, следовательно, молодого Блока. Произошло это в связи с очередным переосмыслением духовного наследия Вл. Соловьева. Завершая в 1923 г. монографию о философии и поэте, Сергей Соловьев, признавая крайнюю сложность и противоречивость его личности и взглядов, настаивал на первостепенной ценности совсем не тех черт соловьевского наследия, которые в начале века поднимали на щит сам Сергей Соловьев, Блок и другие «соловьевцы»: «Мне дорог в Соловьеве не фантаст и романтик, не автор каламбуров и Дон Жуан великосветских салонов и не профессор философии. Мне дорог добрый человек, любивший нищих, голубей и белые колокольчики Пустыньки. Мне дорог человек, празднословный и лукавый язык которого был вырван серафимом и заменен мудрым жалом змеи <...> «Осилившие его на миг искушения» ломали его философскую гордыню, очищали его ум от опасных иллюзий, арлекином которых явился «Третий Завет» А. Шмидт, «Прекрасная Дама» Блока и т. д.»⁶⁷

Примечательно, что в больших и, вероятно, неоконченных, очень подробных «Воспоминаниях», писавшихся в те же годы, Соловьев лишь однажды и, скорее, неприязненно упоминает Блока, хотя известная нам версия их доходит до середины 1903 г. и могла бы содержать повествование о знаменательной встрече Соловьева с Блоком летом 1901 г. и об их мистических восторгах. Однако она об этом умалчивает. Сергей Соловьев, переосмысляя свой жизненный путь, во многом его задним числом переделывал...

После этого, сколько известно, Соловьев о Блоке не писал. Перейдя в начале 20-х годов в католичество, в 1926 г. Соловьев стал епископом, вице-экзархом католиков греко-русского обряда. В 20-е и 30-е годы в литературе он выступает исключительно как переводчик. Умер Соловьев в Казани 2 марта 1942 г.⁶⁸

* * *

Ниже печатаются 19 писем Блока к С. М. Соловьеву и 2 к М. С. Соловьеву, 43 письма первого и 3 письма второго — к Блоку. Оба блоковских письма к Михаилу Сергеевичу и 16 писем к Сергею Михайловичу были изданы в 1925 г.⁶⁹ с «Воспоминаниями об Александре Блоке» Сергея Соловьева, предпосланными в качестве вступления, и примечаниями В. К. княгиня-Ивойлова». Письмо № 51 много позже было опубликовано Д. Е. Максимовым⁷⁰. Письмо № 58 печатается впервые, как и письмо № 7, дошедшее до нас фрагментарно и не в автографе. Все письма Соловьевых также появляются в печати первый раз, прежде они были известны в незначительных выдержках, рассеянных по разным изданиям.

В 1925 г. письма Блока к Соловьевым были опубликованы с неточностями и большими, существенными купюрами: были сокращены главным образом критические суждения поэта о живых тогда еще Д. С. Мережковском, З. Н. Гиппиус, С. А. Соколове и др. Именно в таком цензурированном виде, с воспроизведениями прежних ошибок, а иногда и с новыми они позже перепечатывались и цитировались, в том числе и в восьмитомном «Собрании сочинений» Блока (М.—Л., 1960—1963), служащем сегодня основным источником блоковского текста для исследователей и читателей. Комментарий, сопровождавший издание 1925 г., не может удовлетворить исследователя; позднейшие комментарии в изданиях, рассчитанных на массового читателя, были минимальными.

С сожалением приходится констатировать, что до нас дошли далеко не все письма Блока к Соловьевым. По упоминаниям в ответных письмах и письмах самого Блока можно утверждать, что утрачено по меньшей мере около 10 писем Блока. Хотелось бы верить, что некоторые из них сохранились и еще будут выявлены. Необходимо отметить, что уже в 1925 г. С. М. Соловьев располагал, по-видимому, только теми письмами, которые им опубликованы: подлинники писем им пронумерованы, и эта нумерация вполне соответствует числу писем в публикации. Письма Соловьева дошли до нас, вероятно, почти без утрат: только одно, упоминаемое в письме 11, пропало тогда же, в 1903 г., на почте.

Одно письмо Блока (№ 51) хранится в ГБЛ (ф. 25, к. 26, ед. хр. 5); письмо 58 — в ЦГАЛИ (ф. 475, оп. 1, ед. хр. 20); письмо 7 дошло до нас в виде выписок и пересказа в письме С. М. Соловьева к Андрею Белому (ГБЛ, ф. 25, к. 26, ед. хр. 35), одну фразу из него Соловьев приводит, вероятно, по памяти в своих «Воспоминаниях»; письмо 24 воспроизводится по изданию 1925 г., так как местонахождение подлинника, писанного «на золотой бумаге», как указывалось в первой публикации, ныне неизвестно; все остальные письма Блока находятся в ГЛМ (ф. 8, оп. 1, ед. хр. 43). Все письма Соловьевых к Блоку хранятся в ЦГАЛИ (ф. 55, оп. 1, ед. хр. 405 и 406).

Во вступительной статье и комментариях к настоящей публикации мы ссылаемся на неизданные «Воспоминания С. М. Соловьева»; мы пользовались их неавторизованной копией, предоставленной нам С. С. Лесневским, которому приносим за это искреннюю благодарность.

При ссылках на автографы стихотворений, находившихся в так называемом «московском собрании», имеется в виду их описание в статье Н. В. Котрелева «Неизвестные автографы Блока» в наст. томе.

В приложении печатается переписка Блока с Михаилом Сергеевичем Соловьевым (1862—1903), отцом Сергея Михайловича. Эта небольшая переписка весьма важна для биографа и исследователя Блока, поскольку в соединении с письмами жены М. С., О. М. Соловьевой к матери поэта позволяет понять, почему Блок впоследствии так благоговейно вспоминал тех, кто «первыми <...> обратил внимание» на его стихи «со стороны» (VII, 14). Два глубоких доверительных письма Блока к Михаилу Сергеевичу говорят сами за себя. Красноречивы в своей неподдельной заботе о юноше-поэте, в духовной открытости и три письма М. С. Соловьева.

В комментариях к публикации приводятся письма О. М. Соловьевой, А. Белого и других лиц из окружения Блока, публикуемые в разделе «Блок в неизданной переписке современников» (кн. 3 наст. тома).

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Письмо М. А. Бекетовой к Андрею Белому от 24 января 1931 г. — ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 152.

21 Литературное наследство, т. 92, кн. 1

- ² С. М. Соловьев. Ольга Михайловна Соловьева. — ЦГАЛИ, ф. 475, оп. 1, ед. хр. 16, л. 8.
- ³ См.: «Литературный вестник», 1903, т. V, кн. 4, с. 552.
- ⁴ Ср.: М. А. Бекетова. Александр Блок и его мать. Воспоминания и заметки. М.—Л., «Петроград», 1925, с. 101—104, 132—134.
- ⁵ См. раздел наст. тома «Блок в неизданной переписке и дневниках современников».
- ⁶ Андрей Белый. Стихотворения и поэмы. М.—Л., «Сов. писатель», 1966, с. 415—416.
- ⁷ ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 164, л. 3.
- ⁸ «Письма Александра Блока», с. 10. — Скорее всего здесь мемуарист допускает — впрочем, малозначительную для изучающего биографию Блока — неточность. Под «интересующей Соловьева темой» нужно понимать страстную игру в священство, которой предавался тогда мальчик. Однако, судя по его неизданным «Воспоминаниям», отцом ему было запрещено «служение» именно литургии, высшего христианского таинства, играть в которое даже свободомыслящему М. С. Соловьеву показалось недопустимым. Т. о., речь может идти только об утрени; да и «подобие орая» давно уже было, согласно с «Воспоминаниями», у самого Соловьева. Заслуживает внимания, напротив, согласие шестнадцатилетнего Блока играть в такую, вероятно, весьма необычную и по тем временам, игру с десятилетним мальчиком.
- ⁹ «Письма к родным», I, с. 42.
- ¹⁰ См. прим. 5. Ср. позднейшие слова Блока об этой поре: «Сережа чувствовал ко мне род обожания» (VIII, 341).
- ¹¹ «Письма Александра Блока», с. 12.
- ¹² ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 1, л. 29 об.
- ¹³ ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 2, л. 83 об. Тут же помета Блока: «Переписано в Дедове в Соловьевском флигеле» — и позднейшая приписка — («сгорел в 1906 году»). — Ср. п. 23.
- ¹⁴ Там же, л. 25.
- ¹⁵ ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 1, л. 83.
- ¹⁶ Там же, л. 97 об. Кроме этого и указанного в прим. 13, тетрадь беловых автографов Блока содержит следующие соловьевские посвящения, также неизданные: «К Дездемоне» («Где ты, мой идеал, блуждающий далеко...», помечено 20 августа 1899 г. — там же, л. 98 об.); «Раскрылась Вечность страница...» — см. п. 13 прим. 8; стихотворение «Ночной эфир на землю лился...» (помечено 4 июля 1899 г.) с блоковским эпиграфом — первые две строки из стихотворения «Я шел к блаженству. Путь блестел...» — ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 1, л. 98.
- ¹⁷ Это письмо публикуется и комментируется в разделе наст. тома «Блок в неизданной переписке и дневниках современников».
- ¹⁸ Стихотворение не издано — см.: ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 3, л. 78.
- ¹⁹ ГБЛ, ф. 25, карт. 26, ед. хр. 3.
- ²⁰ «Письма Александра Блока», 1925, с. 22.
- ²¹ «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 44.
- ²² Андрей Белый. Воспоминания об Александре Александровиче Блоке. — «Записки мечтателей», 1922, № 6, с. 113. — Ср. письмо Соловьева к Г. А. Рачинскому от 23 июня 1905 г., фрагмент которого печатается в разделе наст. тома «Блок в неизданной переписке и дневниках современников».
- ²³ Андрей Белый. Воспоминания о Блоке. — «Эпопея», 1922, М. — Берлин, «Геликон», № 2, с. 243—244.
- ²⁴ «Письма Александра Блока», с. 33.
- ²⁵ См. письмо Вяч. Иванова к В. Я. Брюсову (февраль 1907 г.) — ЛН, т. 85, «Валерий Брюсов», с. 496—497.
- ²⁶ «Перевал», 1907, № 7, с. 58.
- ²⁷ Рецензия Б. А. Садовского на «Цветы и ладан» («Русская мысль», 1907, № 6, отд. III, с. 107).
- ²⁸ С. Дурыйлин. Луг и цветник. О поэзии Сергея Соловьева. — «Труды и дни издательства «Мусагет», тетрадь 7. М., 1914, с. 152.
- ²⁹ Н. Гумилев. Поэзия в «Весах». — «Аполлон», 1910, № 8.
- ³⁰ См.: «Свибодная совесть». Литературно-философский сборник, кн. 2. М., 1906, с. 87—149.
- ³¹ Ср. в поздней статье противопоставление линии латинских поэтов, Данте и Пушкина линии «смутного вдохновения» Пиндара и Державина; Соловьев, естественно, отдает предпочтение первой. Учитывая все, что сказано Соловьевым о зрелой лирике Блока в «Воспоминаниях» («Письма Александра Блока»), можно понять, что Блок, в этой статье не упомянутый, был отнесен Соловьевым ко второй линии. — Сергей Соловьев. Бессознательная разумность и надуманная нелепость. — Альманах «Лирический круг». Страницы поэзии и критики № 1, М., 1922, с. 73—75.
- ³² «Русская мысль», 1910, № 6, отд. III, с. 161—162.
- ³³ «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 142—154.
- ³⁴ Письмо к Г. А. Рачинскому от начала октября 1905 г. — см. раздел наст. тома «Блок в неизданной переписке и дневниках современников».
- ³⁵ «Золотое руно», 1907, № 1, с. 88—89.

³⁶ ГБЛ, ф. 386, карт. 103, ед. хр. 23. Текст сонета Соловьева нам неизвестен.

³⁷ См. раздел наст. тома «Блок в неизвестной переписке и дневниках современников».

³⁸ ГБЛ, ф. 386, карт. 103, ед. хр. 23.

³⁹ «Русская мысль», 1907, № 6, отд. III, с. 107.

⁴⁰ Андрей Белый. Воспоминания о Блоке. — «Эпопея», 1922, № 3, с. 131.

⁴¹ Андрей Белый. Между двух революций. Л., 1934, с. 25.

⁴² См.: Андрей Белый. Воспоминания о Блоке. — «Эпопея», № 3, с. 253.

⁴³ Сергей Соловьев. *Crurifragium*. М., 1908, с. 153—163.

⁴⁴ Там же, с. 162.

⁴⁵ Там же, с. 156—157.

⁴⁶ Там же, с. 162.

⁴⁷ Ср. отзыв Блока в письме к Белому от 24 апреля 1900 г.: «Что касается Сережиной «полемики» (?), то я должен сказать, что он понял меня и то, что я писал, столь же тонко, сколько может понять любой высокомерный директор департамента. Мог бы сказать много, но не хочется» (VIII, 238).

⁴⁸ «Весы», 1908, № 10, с. 87.

⁴⁹ «Письма Александра Блока», с. 33 — Ср. п. 58.

⁵⁰ «Письма Александра Блока», с. 34.

⁵¹ «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 265.

⁵² ЛН, т. 89, «Александр Блок. Письма к жене», с. 268.

⁵³ «Письма Александра Блока», с. 34.

⁵⁴ О «пафосе благосостояния» как специфической черте поэзии Соловьева писал Н. С. Гумилев, рецензируя его вторую книгу стихов — «Апрель» («Аполлон», 1910, № 9, отд. III, с. 36).

⁵⁵ 31 октября 1911 г. в состоянии нервно-психического расстройства Соловьев покусался на самоубийство, после чего был направлен в психиатрическую лечебницу, где находился несколько месяцев. В ноябре-декабре 1911 г. об этих обстоятельствах неоднократно писал Блоку Белый (см.: «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 272—273, 280—281). Наиболее подробные сведения о случившемся Блок получил от С. Г. Карелиной, писавшей ему 27 ноября 1911 г.: «Вы с Сережей сошлись снова и сошлись хорошо, как братья, и великодушно — как свойственно только таким благородным характерам, как у Вас <...> У Сережи было много хлопот по изданию вновь книги дяди его Влад <мира> Сергеевича и деда по истории и немало собственной работы, т. к. он оставлен при университете и ему задали работу по подготовке к профессуре впоследствии <...> Он — устал <...> переутомился до болезни. С 5 ноября он находится в отличной лечебнице — Сокольников в Москве, где была твоя мама Аля, под непосредственным надзором доктора Лахтина. Все это после консилиума 5 хороших врачей — и их приговора» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 267). П. С. Соловьева также писала Блоку 12 декабря 1911 г.: «Очень тяжело мне думать о Сереже. На счастливый исход его болезни я не надеюсь» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 408). В связи с болезнью Соловьева Блок сделал в дневнике несколько записей; так, 16 января 1912 г. он зафиксировал: «Девятая годовщина Соловьевых. Думал и о них, и о милом, бедном Сереже» (VII, 124).

⁵⁶ См. поэму Соловьева «Италия» (М., 1914): О целительности итальянского путешествия Соловьев писал Э. К. Метеру из Рима 22 декабря 1912 г. (ГБЛ, ф. 167, карт. 14, ед. хр. 43). Тогда же, в конце 1912 г., он признавался в письме к своему другу, будущему писателю А. К. Виноградову о совершившемся внутреннем переломе: «Если ты томишься в сетях мира сего, очарований Гете и Спинозы, то вспомни, что я еще год назад был совсем во власти мира сего и ученик Гете <...> Твой наосный эмпиризм лопнул, как лопнул и мой. Сейчас можно быть только в церкви, совсем до конца» (ЦГАЛИ, ф. 1303, оп. 1, ед. хр. 1067); поскольку речь зашла об А. К. Виноградове, то следует отметить, что в его романе «Хроника Малевинских» изображены Блок и Сергей Соловьев в споре о пушкинском «Медном всаднике» и исторических путях России и Европы — см.: Анатолий Виноградов. Хроника Малевинских. М., 1943, с. 248—249. С приведенным высказыванием Соловьева о Гете ср. ниже его п. 57.

⁵⁷ 17 ноября 1915 г. Соловьев извещал А. К. Виноградова «21-го, в субботу, я буду посвящен во диакона, в Сергиевом Посаде, в академической церкви» (ЦГАЛИ, ф. 1303, оп. 1, ед. хр. 1067).

⁵⁸ ЛН, т. 89, с. 342. Ср. ЗК, 251.

⁵⁹ Сергей Соловьев. Богословские и критические очерки. Собрание статей и публичных лекций. М., 1916, с. 139 (Доклад опубликован под заглавием «Правда и ложь современного патриотизма»). См. также брошюру С. Соловьева «К войне с Германией» (М., 1914), в которой Германия уподобляется войскам «безбожного Навуходоносора».

⁶⁰ Сергей Соловьев. *Crurifragium*. М., 1908, с. XII—XIII.

⁶¹ Свящ. Сергей Соловьев. Вопрос о соединении церквей в связи с падением русского самодержавия. М., 1917, с. 13.

⁶² Ср. заглавие его доклада, читанного в феврале 1917 г. в Петрограде: «Кризис славнофильства»; знаменательно, что оппонентом Соловьеву выступил будущий единомышленник Блока по «скифству» Андрей Белый; о докладе сообщила Блоку письмом М. А. Бекетова. — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 145, лл. 12—13.

⁶³ «Накануне», 1918, № 6.

⁶⁴ ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 274.

⁶⁵ «Лирический круг». Страницы поэзии и критики, 1. М., «Северные дни», 1922, с. 21—23.

⁶⁶ «Письма Александра Блока», с. 45.

⁶⁷ С. М. Соловьев. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. Брюссель, 1977, с. 408.

⁶⁸ См. свидетельство о смерти С. М. Соловьева — ЦГАЛИ, ф. 475, оп. 2, ед. хр. 14.

⁶⁹ «Письма Александра Блока», с. 46—82.

⁷⁰ «Уч. зап. Ленинградского пед. ин-та», 1956, т. XVIII, вып. 5, с. 251.

1. СОЛОВЬЕВ — БЛОКУ

(1896 г., вторая половина)

Многоуважаемый Александр Александрович,

пишу вещь в ваш журнал и прошу, чтобы мне вы написали, что лучше — это или попадья.

Ваш С. Соловьев

[Р. С. Прилагаю сочинение «Полков» случай извините, что оно написано по ошибке справа налево вместо слева направо.]

Датируется по содержанию. Сохраняем орфографию подлинника.

Приписка под текстом детского сочинения С. Соловьева «Смирнов (очерк с натуры)». Там же — редакторская помета Блока: «Очень хорошо. А. Блок». «Очерк» был прислан Соловьевым для детского рукописного журнала «Вестник», который Блок вместе с двоюродным братом Ф. А. Кублицким-Пиоттух (чья редакторская «скрепа» также стоит под «очерком») издавал с 1894 по январь 1897 г. (см.: сообщение М. И. Дикман в наст. томе; о более ранних опытах Блока см.: «Рукописные журналы Блока-ребенка». Публикация З. Г. Минц. — В кн.: «Блоковский сб.», 2, с. 292—308). Первое выступление С. Соловьева в «Вестнике» — упоминаемый рассказ «Попадья» — относится к июлю 1896 г. (1896, № 7, л. 3 об.—7); этому выпуску журнала предпослано вступление «От редакции»: «Просим гг-д подписчиков обратить особенное внимание на рассказ «Попадья» Сергея Михайловича Соловьева. Редактор: А. Блок» (л. 3). В «Воспоминаниях об Александре Блоке» С. М. Соловьев в связи с этим пишет: «Когда я дал ему в «Вестник» рассказ, он прислал мне коробку шоколадных сардин, написав, что это — в подарок, а не в виде гонорара, который будет выслан после» («Письма Александра Блока», с. 10; упомянутая записка Блока, так же как и другие его письма к С. Соловьеву, относящиеся к изданию «Вестника», не сохранилась). В «Вестнике» также были помещены рассказы С. Соловьева «Свадьба», «Случай — истинное происшествие», «Жизнь» (1896, № 12, декабрь, л. 10—12, 21—24 об., 28—35) и отрывок «Месть» (1897, № 1, январь, л. 5). Рассказ «Смирнов (очерк с натуры)» воспроизведен не был, хотя в примечании «От редакции» к рассказу «Случай» Блок написал, что «это сочинение «Смирнов» — напечатано в этом же номере» (1896, № 12, л. 21).

2. СОЛОВЬЕВ — БЛОКУ

1899 г. 2 августа, Дедово

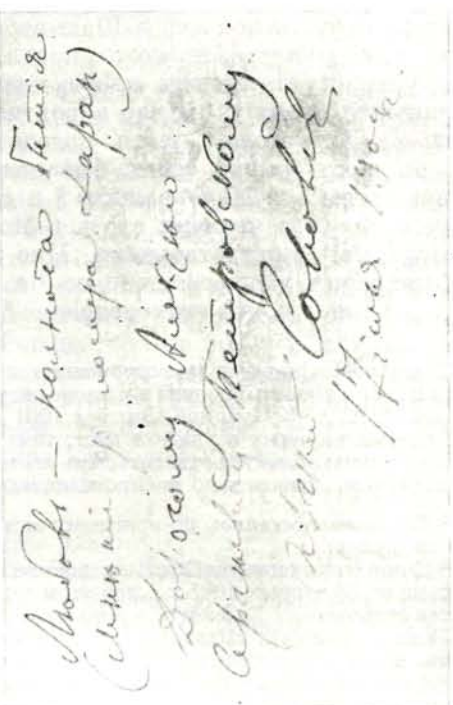
Милый Саша,

я еду с тетей Наташей¹ в Пушкино 4 сего августа и пробуду там у Марковых² до шестого, а шестого поеду вместе с тобой из Пушкина к тете Соне³ с поездом, который выходит из Москвы в 5 часов 5 минут дня по московскому времени, предполагая, что и ты выедешь с этим поездом, так как он для тебя ближайший. Если же ты, задержанный чем-нибудь, выедешь из Москвы не с этим поездом, то я подожду тебя на Пушкинской станции до следующего поезда. Стало быть, раньше Пушкина, 6-го августа мы не увидимся⁴. Вот тебе стихотворение Фета, которое ты желал знать: <...>⁵

С. Соловьев

¹ Наталья Михайловна Дементьева (урожд. Коваленская, 1852—1900) — старшая сестра О. М. Соловьевой, матери С. М. Соловьева. М. А. Бекетова вспоминает о ней в письме к Андрею Белому от 24 января 1931 г.: «Наталья Михайловна, любимица Сережи, которую он, по собственному признанию, в детстве любил больше матери <...> очень поздно вышла замуж, обожала своего почтенного, но туповатого мужа, а Сережу страстно любила. Он проводил около нее многие часы и испытывал чисто материнскую ласку и внимание» (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 152).

² Семья протоиерея Владимира Семеновича Маркова (служил в Троице-Арбатской церкви, позже — в московском храме Христа-Спасителя — см.: Сергей Соловьев. Памяти протопресвитера В. С. Маркова. — «Богословский вестник», 1918, июль—сент.;

С. М. СОЛОВЬЕВ

Фотография, 1904 г., Москва

С дарственной надписью А. С. Петровскому на обороте: «Любовь — полнота бытия (мнение философа Ларан). Дорогому Алексею Сергеевичу Петровскому. Сергей Соловьев. 17 июня 1904 г.»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

крестил Андрея Белого); с его сыном Колей Марковым С. М. Соловьев дружил с детских лет — см.: Андрей Белый. Начало века. М.—Л., 1933, с. 31—32, 100.

³ Софья Григорьевна Карелина (1826—1915) — сестра Александры Григорьевны Коваленской (бабушки С. Соловьева) и Елизаветы Григорьевны Бекетовой (бабушки Блока); ее подмосковное имение Трубицыно находилось неподалеку от Пушкина.

⁴ О намерении отпраздновать в Трубицыно вместе с С. Соловьевым Блок извещал Андрея Адамовича Кублицкого-Пиотух в письме из Шахматова от 27 июля 1899 г. (ГЛМ, ф. 8). О поездке с С. Соловьевым в Трубицыно летом 1899 г. Блок вспоминал в позднейших дневниковых записях (VII, 342). 12 июля 1899 г. О. М. Соловьева писала матери Блока А. А. Кублицкой-Пиотух из Дедова: «Тетя Соня говорит, что Саша собирался к ней. Пожалуйста, напиши, когда он думает к ней ехать, чтобы Сергей мог выехать в Крюково и ехать вместе с ним» (Крюково — ближайшая от Дедова железнодорожная станция). 28 июля она вновь обращалась с тем же к матери Блока: «Если Саша еще не раздумал ехать к тете Соне, то пускай он назначит Сергею день и час, списавшись предварительно с тетей Соней, чтобы она выслала лошадей <...> Коля Марков, к которому Сергей должен ехать в Пушкино, сам теперь здесь, уедет в субботу и очень хочет увезти Сережу. <...> Сергей хочет ехать с Сашей в Трубицыно <...> Мне ужасно совестно, если мы задержали Сашу и стеснили его» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 551).

⁵ Приведен текст стихотворения «Ярким солнцем в лесу пламенеет костер. <...>» (1859) (см.: А. А. Фет. Полн. собр. стихотворений. Л., 1959, с. 183—184).

3. СОЛОВЬЕВ — БЛОКУ

Дедово, 16 августа <1901 г.>

Милый Саша,

к сожалению, нам едва ли придется к вам приехать по той причине, что нас погнали в Москве с квартиры. Папа сегодня поехал на неопределенное время в Москву, узнать окончательно, остаемся мы на квартире или нет. Если нет, то надо немедленно искать квартиру. Очевидно, что в этом случае нет ника-

кой возможности попасть в Шахматово. Папа может вернуться сегодня вечером, если решится, но может надолго застрять в Москве и, если квартира будет у нас отнята, искать новую квартиру¹. Если же дело решится в благоприятную сторону (на что вероятия очень мало), то мы еще можем приехать в Шахматово², хотя погода, по-видимому, должна испортиться. Так, по крайней мере, всегда бывает в конце августа. Вчера я причащался. Теперь шлюсь в Надовражино³ и сижу за книгами. Досадно будет, если придется прежде времени ехать в Москву. Напиши мне, пожалуйста, если имеются, новые стихотворения. Мне все более и более нравятся твои два стихотворения: «Непосвященным»⁴ и «Предчувствую тебя»⁵. Я после твоего отъезда написал одно стихотворение⁶.

Год устанавливается по содержанию и помете Блока: 1901. Написано после пребывания Блока в Дедове в первой половине августа 1901 г., о котором см. в письмах О. М. Соловьевой к А. А. Кублицкой-Пиоттук 1901 г. и С. Соловьева — к Белому от 11 августа 1901 г., публикуемых в разделе наст. тома «Блок в неизданной переписке и дневниках современников». Следует отметить, что это первое письмо С. Соловьева к Блоку, написанное почерком, сознательно воспроизводящим почерк Вл. С. Соловьева.

¹ Соловьевы остались по-прежнему жить в доме Рахманова на углу Арбата и Денежного переулка.

² С коротким визитом Соловьев побывал в Шахматове, о чем сообщал Андрею Белому в письме от 23 августа 1901 г.; при этом говорит он о посещении не Блока, а Бекетовых, так как отношения с Блоком для него в какой-то мере еще укладываются в рамки обычных семейных отношений: «Недавно я ездил в имение Шахматово, по Николаевской железной дороге, к своим родственникам Бекетовым» (ГБЛ, ф. 25, к. 26, л. 42). — Ср. п. 12.

³ Село неподалеку от Дедова; ср. в воспоминаниях А. Белого: «Село Надовражино, куда мы <т. е. автор и С. М. Соловьев в юношеские годы. — Н. К., А. Л.> шагали после вечернего чая, украшенного «семейным гербом», земляничкой и сливками; здесь, в Надовражиине, в крестьянском домике, обитали три сестры Любимовы; у них мы распевали народные песни и поминали «нечистого»; раздавались едкие замечания по адресу Коваленских, после чего из папирсного дыма затягивали: «Вы жертвою пали»; мы и сестры Любимовы ниспровергали власть: бар и помещиков» (А. Б е л ы й. Между двух революций, с. 13).

⁴ «Она росла за дальними горами. . .» Описание автографа, посланного Блоком Соловьевым, см. в статье Н. В. Котрелева «Неизвестные автографы Блока» в наст. томе.

⁵ Стихотворение «Предчувствую Тебя. Года проходят мимо. . .», датированное 4 июня 1901 г. (I, 94) — ср. п. 4.

⁶ Следует неизданное стихотворение Соловьева «Холодной осени дыханье. . .» (не датировано).

4. СОЛОВЬЕВ — БЛОКУ

14 февраля 1902 г., Москва.

Милый Саша,

мы получили твое письмо со стихами. Относительно стихов я скажу следующее. Первое стихотворение мне не нравится¹. Оно отзывается тем, что князь Урусов определяет как *Mania grandiosa*, кровожадные гримасы². Одним словом, это стихотворение декадентское, а следовательно, неудачное. Все окружающие меня со мной не согласны, и они восхищаются этим стихотворением. Второе стихотворение мне очень понравилось³. Оригинально и сильно. Мама подумала, что в этом стихотворении говорится о Христе. Я сильно протестую. По-моему, дело касается женщины, ибо Христос, «роняющий цветок весны» — просто сентиментально и неестественно⁴. Повторяю: это стихотворение мне очень нравится. Очень удачно выражение «высок и внятен колокольный зов». Сначала это выражение немного поражает своей оригинальностью, но когда оно вторично повторяется в конце стихотворения, оно становится безупречно. Вот все, что я имею сказать тебе об этих стихотворениях. Теперь обо мне. Я занимаюсь главным образом стихами и пробую свои силы в новом для меня жанре. Задумываю поэму à la Пушкин, а пока пишу дневник в стихах, разумеется, не каждый день. Весь ушел в Пушкина, с головы до ног. Изучаю его произведения в микроскопических подробностях. Веду правильную жизнь, мало бываю в обществе и поправляюсь нервами, которые осенью совсем испортились. Нервное рас-

стройство имело некоторые причины *нравственные*, и я ему очень рад. Оно много много принесло мне пользы и *счастья*. Теперь чувствую, что с меня спадает тяжелая пелена болезненного мистицизма и всяких сомнений. В религиозном отношении для меня очевидно одно: истина — только в христианском учении, понимаемом так, как понимает его церковь. Следовательно: вся истина — в символе веры, к которому мы не смеем ни прибавить слова, ни отбавить ни слова. *Ничего* нового ждать не следует. Все современное мистическое движение — *антихрист* ⁵. Разум должен сам себя обуздать и уступить *вере*, которая с ним примириться не может. Все сие сообщило мне приятное спокойствие, и я предался филологии и поэзии. Теперь больше всего увлекаюсь Гомером и Пушкиным. Многие житейские обстоятельства содействуют моему поправлению. На Рождестве был в деревне ⁶. Много читал и писал. Скоро собираюсь в Трубицыно ⁷ (на маслянице). Напиши, пожалуйста, поскорее и присылай побольше стихов. Твоей маме от меня передай всевозможную любовь. Прикладываю стихотворения. От влияния дяди Володи ⁸ я почти освободился, но влияние Пушкина очень сильно.

С. Соловьев

P. S. В гимназии поссорился с либералами <...> ⁹

P. S. Напиши, пожалуйста, критику на стихи. Еще имею к тебе следующую просьбу: посвяти мне, пожалуйста, стихотворение <Входите все>, а <Предчувствую тебя> не посвящай и посвящение зачеркни ¹⁰. Я боюсь, нет ли в этом стихотворении чего-нибудь антицерковного. Кроме стихотворений, похожих на приложенные, я много написал эпиграмм, отрывков, стихотворных писем и шутовских стихотворений.

Оставляю это все до свидания.

С. Соловьев

Ответ на несохранившееся письмо Блока к Соловьевым, к которому прилагался лист с автографами его стихотворений, — см. прим. 1 и 3.

¹ По-видимому, речь идет о стихотворении «Я шел — и вслед за мною шли...» (датируемом 1 января 1902 г. — I, 155), переписанном Блоком на лицевом полулисте того двойного листа почтовой бумаги, где переписано и стихотворение «Бегут неверные дневные тени...» (см. прим. 3).

² Александр Иванович Урусов (1843—1900) — юрист, художественный и литературный критик. Соловьев имеет в виду следующее высказывание Урусова из частного письма (адресат при публикации не указан) от 4 июня 1900 г.: «Бальмонт прислал «Горящие здания». Первое впечатление — крайне неблагоприятное. *Mania grandiosa*, кроважидные гримасы <...> Книга производит впечатление психиатрического документа» («Северные цветы» в 1901 год, собранные книгоиздательством «Скорпион». М., 1901, с. 168).

³ Речь идет о стихотворении «Бегут неверные дневные тени...» (датируется 4 января 1902 г.).

⁴ Имеются в виду строки:

И, может быть, цветок весны уронишь

Здесь, в этой мгле, у строгих образов.

⁵ Противление Соловьева богословским новациям направлено прежде всего против «нового христианства» Мережковского с его чаяниями «третьего завета» и т. п. догматическим самоуправством; полное неприятие Мережковского и его проповеди сказалось в последующих письмах Соловьева к Блоку. — Ср. в письме О. М. Соловьевой к А. А. Кублицкой-Пиотух от 11 апреля 1902 г.

⁶ Соловьев ездил в Лаптево, имение Венкстернов — см. п. 33.

⁷ См. п. 2, прим. 3.

⁸ Т. е. Вл. С. Соловьева.

⁹ Именно к этому письму следует отнести двойной лист со стихами (о которых Соловьев и говорит: «Прикладываю стихотворения»). К письму от 14 февраля были приложены неизданные юношеские стихотворения Соловьева «Умолкнул шум. Блуждают тени...» (с датой: 1901 г., 8 октября); «Корою льда подернул воды...» (с датой: 12 октября <1901 г.>); «Метель затихла. Утро ясно...» (с датой 29 декабря <1901>); «В большой душе томился стих бескрылый...» (с датой: 1902 г., 9 февраля). А к апрельскому письму могли быть приложены недатированные стихотворения «Ее дома около...» и «Зачем журчащую струю...» (из которых первое — «шутовское», как сказано в постскрипуме).

¹⁰ См. п. 3, прим. 5. Автографа стихотворения «Входите все. Во внутренних поках. . .», в окончательном тексте (I, 111) посвященного Соловьеву, в «московском» собрании рукописей Блока нет.

5. СОЛОВЬЕВ — БЛОКУ

«Москва. Вторая половина апреля 1902 г.»

Милый Саша.

Хотел было много написать тебе о твоих новых стихах, но думаю теперь, что не стоит и лучше ограничиться несколькими словами. Подробности лучше обсудить при свидании. Все стихотворения сильны и оригинальны, но от них веет *мучительным* мистицизмом. Конечно, их нельзя сравнивать с виршами компании Мережковских. То уж одна гниль, по их собственному признанию, «Весь я гниль» (Мережковский) ¹. У тебя отнюдь не гниль, а нечто *могучее*. Одно из самых пронзительных «Мы преклонились у Завета». Жена, смеющаяся из ветхой позолоты, — гениально ². Но знаешь, кто она, по моему твердому убеждению? Не «Дева Радужных ворот»! Отнюдь. Припомни Пушкина:

Другой — женообразный, сладострастный
Обманчивый и *лживый* идеал,
Волшебный демон, *лживый*, но прекрасный ³

«Лживая, но прекрасная». Не такова мудрость, сходящая свыше. «Мудрость, сходящая свыше, во-первых, чиста, потом скромна, мирна, послушлива, полна милосердия и добрых плодов, беспристрастна и нелицемерна» ⁴. Такою ли женою ты, «несчастный, бедный, тленный, может быть, любим»? ⁵ Поэты — цари земные. В писании сказано, что они будут блудодействовать с великою блудницей ⁶. Все сбывается. От твоих стихов в восторге Бугаев и А. С. Петровский ⁷. Я более или менее поправился и все второе полугодие провел хорошо. Папина болезнь на время разрушила приятное настроение. Теперь держу экзамены и хую над математикой. Пишу много, много перевожу, особенно Мюссе и Гейне ⁸. Набил сундук, сегодня уехавший в Дедово, книгами по истории церкви и русской критике. Особенно усердно изучаю в последнее время малоизвестных консервативных критиков: Говоруху-Отрока ⁹, Страхова ¹⁰ и Аполлона Григорьева. Около пятнадцатого мая я начну попеременно жить то в Москве, то в Дедове. До тех пор — нельзя уехать. Впрочем, жизнь в Москве летом я очень люблю. Так как адрес мой в мае очень неопределенен (я буду висеть между Дедовом и различными знакомыми, ибо наша квартира запирается), то пиши всего лучше так: Москва, Пречистенка, д. Пегова, гимназия Поливанова, уч. VI кл. Соловьеву. Твоей маме передай от меня и от всех наших самые искренние приветствия. Прикладываю стихотворения ¹¹.

С. Соловьев

Ответ на несохранившееся письмо Блока с рукописями стихов.

¹ См. в стихотворении Д. С. Мережковского «Трубный глас»: «Брат, мне стыдно — весь я пыль // Пыль и тлен, и смрад, и гниль». — «Северные цветы на 1902 г., собранные книгоиздательством «Скорпион». М., 1902, с. 103—104.

² Стихотворение «Мы преклонились у завета. . .», датированное 18 января 1902 г. Соловьев говорит о его последней строфе:

И с этой ветхой позолоты,
Из этой страшной глубины
На праздник мой спустился Кто-то
С улыбкой ласковой Жены.

³ Неточная цитата из стихотворения Пушкина «В начале жизни школу помню я. . .» (1830).

⁴ Соборное послание св. апостола Иакова, 3.17.

⁵ Из стихотворения Блока «Сны раздумий небывалых. . .» (3 февраля 1902 г.):

Но Владычицей вселенной,
Красотой неизреченной,
Я, случайный, бедный, тленный,
Может быть, любим.

(I, 164)

⁶ См.: Откровение св. Иоанна Богослова, XVIII, 2—3.

⁷ Алексей Сергеевич *Петровский* (1881—1958) — студент-естественник, близкий друг Андрея Белого, впоследствии — переводчик, музеевед. О восторженном отношении Белого и Петровского к стихотворениям Блока (с рукописями их познакомили Соловьевы) О. М. Соловьева впервые сообщала в письме к А. А. Кублицкой-Пиоттх от 3 сентября 1901 г.

⁸ В тетрадках юношеских стихотворений Соловьева (с надписью, вероятно, самого поэта: «Не печатать при жизни автора») сохранились переводы двух стихотворений А. Мюссе (возможно, интерес у Сергея Соловьева к Мюссе возник под влиянием Вл. Соловьева — ср.: С. М. Соловьев. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. Брюссель, 1977, с. 130) и шести стихотворений Г. Гейне, датированных февралем — апрелем 1902 г. (ЦГАЛИ, ф. 475, оп. 1, ед. хр. 1, лл., соответственно, 15 и об., 46 об. — 48 об. и 2 об., 3 об. — 5, 8, 10, 18). Рукописи переводов Соловьева из его архива в ГБЛ (см.: «Записки отдела рукописей», вып. 38. М., 1977, с. 181). Есть еще один перевод из Гейне в письме Соловьева к Андрею Белому от 26 августа <1902 г.> — ГБЛ, ф. 25, к. 26, ед. хр. 2, л. 11 об.

⁹ Юрий Николаевич *Говоруха-Отрок* (псевдонимы: Ю. Николаев, Ю. Елагин; 1852—1896) — консервативный критик и публицист, сотрудник «Московских ведомостей»; признавал себя последователем Аполлона Григорьева; ярый противник Вл. Соловьева. — Ср. в письме Соловьева к Белому от 8 июня 1902 г.: «Много читал Тургенева и восхищался. Восхищался также Говорухой-Отроком, который открыл мне глаза на Тургенева и научил его понимать и любить. До Говорухи-Отрока я Тургенева не ценил как следует» (ГБЛ, ф. 25, к. 26, ед. хр. 2, л. 19 об.).

¹⁰ Николай Николаевич *Страхов* (1828—1896) — публицист, философ, литературный критик, один из идеологов «почвенничества»; в 1880—1890-е годы придерживался консервативно-охранительной позиции; близкий друг В. Соловьева, с середины 1880-х годов — его антагонист.

¹¹ См. п. 4, прим. 9.

6. СОЛОВЬЕВ — БЛОКУ

Гапсаль, 1 июля <1902 г.>

Милый Саша.

Уже две недели, как мы находимся в Гапсале¹ и берем ванны. Сначала я от ванн чувствовал себя весьма плохо (даже грыз палку), а теперь выправился и палку не грызу, но грызу нечто столь же жесткое и неваримое, а именно статьи Аполлона Григорьева о Пушкине, Тургеневе, романтизме, гегелизме и т. д.² Статьи на редкость умные (и главное не либеральные), но слог убийственный. До такой степени теперь я пропитался критическим направлением этого не либерального лагеря, что могу извергать из себя целые фейерверки мыслей и чувствую (особенно по ночам) нестерпимый зуд навальнуть статью, но не выходит ничего, ибо переварены эти мысли не вполне, и я могу говорить только: об этом В. Соловьев говорит так-то, а Страхов так-то и так далее³.

В Гапсале, к величайшему благополучию, в этом году *скучно*: вместо семи тысяч приехала всего одна тысяча. Погода, к моему удовольствию, холодная и идет дождь. Сегодня он льет с утра, и все сильнее и сильнее. Так называемый «большой променад» (происхождение этого замысловатого названия я объясняю тем, что там можно «променять» всякую проходящую барышню на другую, идущую вслед за ней, или же тем, что так можно проминать ноги) опустел, и там не играет музыка, что также приятно.

Я перевожу Овидия, Шенье и Гейне⁴. Читаю в изобилии Тургенева и историю церкви. Стихов пишу довольно мало, а перед этим писал много. Напиши мне, пожалуйста, и приложи стихи. Напиши также, как тебе понравилась «Симфония» Андрея Белого⁵ и имеешь ли ты сношения с Мережковскими. Димитрий Сергеевич талантлив здорово, но он забывает, почему собак не пускают в церковь, а кошек пускают. Он не прочь напустить в церковь и блаженной памяти Изиду, забывая ее предосудительное поведение в самом раннем возрасте, и Федора Павловича Карамазова в виде обратной стороны Христа и т. д. Вообще я боюсь, чтобы будущие историки русской

Милому, Дорогому Серёге Михайловичу
Соловьёву въ знакъ памяти о прошедшемъ,
настоящей любви и близости и будущей
неизказанной вступилъ. Александръ Блокъ
1904. Ев. X 29.

Александръ Блокъ.

СТИХИ
о Прекрасной Дамѣ.

КНИГО-
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ГРИФЪ»
МОСКВА
ГОДЪ 1905.

БЛОК. СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ. М., «ГРИФ», 1905

С дарственной надписью С. М. Соловьёву от 29 октября 1904 г.

Собрание Н. С. Соловьёвой, Москва

литературы не разделили ее так, в хронологическом порядке: романтизм, натурализм, фаллизм... Не дай, Господи. Будем надеяться, что термин «половые», теперь ставший столь обычным в изящной литературе, станет опять употребляться преимущественно в трактирном смысле. Прикладываю стихи⁶.

С. Соловьёв

Адрес наш: Эстляндская губерния, Гапсаль, отель Салон.

¹ В Гапсаль (Эстляндия) С. Соловьёв приехал с отцом в середине июня 1902 г. после сдачи экзаменов в гимназии.

² Речь идет о статьях А. А. Григорьева «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина» (1859) и «И. С. Тургенев и его деятельность. По поводу романа «Дворянское гнездо» (1859) (Аполлон Григорьев. Сочинения, т. I. Изд. Н. Н. Страхова. СПб., 1876. с. 230—448).

³ Ср. в письме С. Соловьёва к Андрею Белому от 14 июня 1902 г. из Ревеля: «Я далек от вашего разочарования в русском народе, чему теперь будет способствовать и Аполлон Григорьев, везомый мною в сундуке. Готовлю в голову статью, долженствующую представлять из себя смесь Владимира Соловьёва, Говорухи-Отрока, Страхова и других. Задену Белинского и кратко, но сильно уничтожу Добролюбова, которого никогда не

читал (и читать не буду, разве только за чаем у Марковых)» (ГБЛ, ф. 25, карт. 26, ед. хр. 2). Замысел этой статьи, основанной на противопоставлении радикально-демократической и консервативной, «почвеннической», религиозно-философской критики, не был реализован.

⁴ Еще до отъезда в Гапсаль Соловьев писал Андрею Белому: «Перевел рифмованным хореем «Дедал и Икар» Овидия» (ГБЛ, ф. 25, к. 26, ед. хр. 3, л. 21); текстов его ранних переводов из Овидия мы не знаем. В тех же тетрадках, где находятся юношеские переводы Соловьева из Гейне и Мюссе (см. п. 5, прим. 8), есть и четыре стихотворения А. Шенье в его переводе; два из них помечены: 1902. Июнь. Гапсаль; два других — маем и июнем 1902 г. (при последнем указано: Дедово) — см.: ЦГАЛИ, ф. 475, оп. 1, ед. хр. 1, лл. 12, 23 об. — 24 об., 33, 42 об. — 43. — Ср. также в письме Соловьева к Белому от 29 июня 1902 г.: «Перевожу приторно-холодные элегии Шенье, которые мне смертельно надоели. По всему Гапсалу искал Гейне, и не нашел» (ГБЛ, ф. 25, к. 26, ед. хр. 3, л. 24 об.).

⁵ «Симфония (2-я, драматическая)» Андрея Белого вышла в свет в апреле 1902 г. в издательстве «Скорпион». Блок опубликовал лирическую рецензию на нее в журнале «Новый путь» (1903, № 4 — см.: V, 525). — На вопрос Соловьева Блок отвечал письмом, которое до нас не дошло, о котором см. ниже, п. 7.

⁶ Следует неизданное стихотворение Соловьева «Распластала чайка крылья белые. . .»

7. БЛОК — СОЛОВЬЕВУ

〈Не позднее 6 июля 1902 г.〉

«Симфония» разумеется, поразила нас, как и до сих пор поражает. По моему это вещь громадная, но боюсь высказать мое крайнее, на днях только определившееся воззрение на нее вообще, не говоря об «эволюции» частей: есть ли и это полное очищение? Не затерялось ли и здесь, в страницах, порой «шумящих» откровением, «злое пламя земного огня»? Мне думается, что автор и еще страшнет последний обветшалый убор, если правда, что в симфонии звучит какой-то «рай вчерашний» (а не завтрашний) и «соучастница греха». Я бы еще сказал, что не покинуты какие-то «родимые пределы».

Ведь ни *седины* ума не должны привязывать к родному Харрану, ни юность сердца — к родному Уру.

Датируется по содержанию.

Фрагмент письма сохранился в виде цитаты, включенной Соловьевым в письмо к А. Белому от 6 июля 1902 г. (курсивы могут принадлежать как Блоку, так и Соловьеву). Часть письма дана в пересказе: «Он пишет, что и это лето для него не обойдется без воровбы и гаданий особого рода» и что он, чувствуя свою отдаленность от Жены, облученной в Солице, боится Астарты. Еще сообщает <...>, что крестьяне в соседних ему деревнях говорят: «Она несетя по ржи» и больше ничего не прибавляют». О лете 1902 г. Соловьев вспоминал: «Получались письма от Блока и Бори Бугаева. Блок своим большим каменным почерком писал какие-то загадочные пророчества в библейском стиле, которые Брюсов впоследствии называл чрево вещаниями. В одном его письме ко мне говорилось: «Представь себе, мужики говорят: «Она летит по ржи». Как это попало в деревню?» (Сергей Соловьев. Воспоминания).

Видимо, письмо Блока в мемуарах цитируется по памяти, о чем свидетельствуют разночтения.

Комментарий к публикуемым фрагментам см. при письме С. М. Соловьева к А. Белому в разделе «Блок в неизданной переписке и дневниках современников» (наст. том, кн. 3).

8. БЛОК — СОЛОВЬЕВУ

〈Петербург. 20 марта 1903 г.〉

Мой милый и дорогой Сережа.

Столько времени прошло, как мы с тобой писали друг другу, и столько истекло сроков¹. И, я думаю, столько открылось чудесного и исполнились такие заветы времен, что нет уже надобности заполнять их речью. У нас наступают многогранные дни, и нет нужды упоминать о многодумных свершеньях Писаний и о том, что «закат не без приветов и не без смысла эта тень»². Здесь глубоко испытываются храмовые законы Молчаливой Воли, в которых «тяжкий млат, дробя стекло, кует булат»³. Прислушиваясь в себе к дробя-

щим звукам, чувствуешь *железные звуки* и эхо в «горних» и готовых для Встречи рудниках сердца. Тебе, одному из немногих и под неперменной тайной, я решаюсь сообщить самую важную вещь в моей жизни. Я женюсь. Имя моей Невесты — Любовь Дмитриевна Менделеева. Срок еще не определен — и не менее *года*.⁴

Пожалуйста, не сообщай этого никому, даже Борису Николаевичу⁵, не говоря уже о родственниках. Твое письмо к маме произвело на нас очень сильное и вполне благоприятное впечатление⁶. Надеюсь много раз в жизни видеть тебя и приветствую тебя радостно. Если в это лето ты приедешь в Шахматово, все мы будем счастливы тебя видеть. Вот пока все, что сообщаю тебе. Пожалуйста, если не будет настроения или нет времени, не трудись отвечать сразу.

Любящий тебя неизменно А. Б л о к

Крепко тебя целую и обнимаю.

20 марта 1903. СПб.

¹ Видимо, переписка Блока и С. Соловьева с лета 1902 г. не возобновлялась.

² Из стихотворения Я. П. Полонского «Вечерний звон» («Вечерний звон... не жди рассвета...»). — Я. П. П о л о н с к и й. Полн. собр. стихотворений в 5 томах, т. 3, СПб., 1896, с. 33.

³ Из поэмы А. С. Пушкина «Полтава» (п. 1, ст. 148—149).

⁴ Блок сделал предложение Л. Д. Менделеевой и получил согласие ее родителей 2 января 1903 г.

⁵ Б. Н. Бугаеву (А. Белому).

⁶ Письма С. М. Соловьева к А. А. Кублицкой-Пиоттух нам неизвестны.

9. СОЛОВЬЕВ — БЛОКУ

25 марта <1903 г.> Благовещение.

Милый мой друг.

Сейчас я вбежал в комнату, быстро зажег лампу и хотел приняться за историю революции, чтобы кончить курс (осталось шесть страниц)¹, когда прочел твое письмо и решил, что не могу ничего делать, прежде чем не напишу тебе. Спасибо, мой милый, за то, что мне сообщил о твоих обстоятельствах, которые меня несказанно обрадовали. Поздравляю тебя ото всей души, но предупреждаю, что я с тобой незнаком, если не позовешь меня шафером, где бы ни произошла твоя свадьба. Я человек легкий на подъем и всегда прискачу, когда будет надо. Летом собираюсь в Шахматово непременно, на несколько дней. Относительно лета нахожусь в положении неопределенном. Хочу только в одно место, где, разумеется, так называемые «сердечные дела», но не знаю, удастся ли туда попасть, хотя шансы имеются. Уже четыре года, как я нахожусь в зависимости, и, представь себе, также от «Дмитриевны» (необыкновенно прозаическое отчество)². Дело дошло до того, что завтра чуть свет должен бежать в один переулок, да еще притом для удобства... одетый инженером³. Занимаюсь больше стихами, а также философией христианства. Сильно я изменился душевно за последнее время: стал как-то самоувереннее и крепче, хотя нервничаю порядком наедине с самим собой. Май буду проводить в Москве. Очень хотелось бы побывать в Шахматове в начале июня. Борис Николаевич⁴ часто у меня бывает. Он теперь сделался злобою дня. Газеты ругают его неприличным образом⁵, но и число поклонников все увеличивается.

Так хорошо, что ты женишься, что даже как-то не верится. Слишком мало приходится видеть таких святых вещей среди грязи и мерзости окружающего, грязи, занявшей самое почетное место, с которого трудно снести ее в помойную яму. Во мне теперь всего сильнее желание разогнать это стадо свиней, ибо всякая постройка должна начинаться прежде всего с разрушения.

Ведь брак — первая церковь, образовавшаяся на земле, первый богоустановленный союз и первое торжество добра, истины и красоты над мраком злых сил.

Друг твой Сергей С о л о в ь е в

Ответ на письмо 8. На письме помета Блока: 1903.

¹ О какой книге идет речь, неизвестно.

² По-видимому, здесь говорится об «арсеньевской гимназистке, в которую был влюблен Соловьев. Отношение к ней у Соловьева было «одновременно — и мистическое, и эротическое» (Андрей Б е л ы й. Материал к биографии (интимный), предназначенный для изучения только после смерти автора. — ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 2, ед. хр. 3, л. 18). «Подчеркиваю, — писал три десятилетия спустя Андрей Белый, относю коренное сближение судеб трех друзей к 1901 г., — в январе 1901 г. заложена опасная в нас «мистическая» пеларда, породившая столькие кривотолки о «Прекрасной даме»; корень ее в том, что в январе 1901 г. Боря Бугаев и Сережа Соловьев, влюбленные в светскую львицу и в арсеньевскую гимназистку, плюс Саша Блок, влюбленный в дочь Менделеева, записали «мистические» стихи и почувствовали интерес к любовной поэзии Гете, Лермонтова, Петрарки, Данте; историко-литературный жаргон — покров стыдливости» (Андрей Б е л ы й. Начало века. М. — Л., 1933, с. 18). Однако до такого «позитивного» переосмысления юношеского опыта было еще далеко, и три года спустя после описываемых событий, когда Соловьева и Белого развел с Блоком именно полный крах мистических верований 1901—1903 гг., Соловьев сообщал Белому в письме от 2 сентября 1906 г.: «Мария Дм<итриевна> Шепелева выходит замуж за соседа помещика Нефедова, о котором иронически говорила мне года два назад. Вероятно выходит из-за денег, ибо у них пожары и погромы, и доход с имения уменьшается. Узнав о М<арии> Д<митриевне>, я мгновенно впал в транс; глянул из души В. Я. <Брюсов> <...> Пасть за пастью зияют на меня из прошлого. Стыдно — ничего кроме Содомы и Гоморры» (ГБЛ, ф. 25, к. 26, ед. хр. 6, л. 2—3).

³ О другом аналогичном «переодевании» С. Соловьева для встреч с «М. Д. Ш.» его мать писала А. А. Кублицкой-Пиотух 31 декабря 1902 г.: «Есть одна очень юная девица, которая запретила ему встречать ее на улице и гулять с ней, потому что за это может достаться от бабушки. И вот Сергей достал шубу и шапку батюшки Маркова — этот батюшка Марков — протопресвитер Успенского собора — и, привесив себе большую бороду, пошел провожать свою даму в виде необыкновенно почтенного священника. Все это было среди бела дня, и предприятие было рискованное, но удалось великолепно» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 551).

⁴ Б. Н. Бугаев (А. Белый).

⁵ См., например, стихотворную пародию Lolo (Л. Г. Муншштейна) «Оргия» («Новости дня», 1903, № 7107, 21 марта, с. 3), изображающая сцену в «Литературном клубе» с участием Брюсова, Бальмонта, М. Я. Шика и Андрея Белого — «великого и смелого, гениально-скороспелого символиста-новичка».

10. БЛОК — СОЛОВЬЕВУ

1903. <Около 6 апреля.> С<анкт>П<етер>б<ург>.

Христос воскрес, милый друг! Получил твое письмо, таких давно не получал. Моя Невеста давно хочет, чтобы ты был шафером. Что касается меня, то ясно, что это составляет мое величайшее желание — и, более того, я боялся, что тебе не удастся почему-нибудь приехать. Придаю этому особенно большое значение, да и ты, вероятно, знаешь, что тут замешано и сколько этим будет сказано и связано. На тебя лично надеюсь во многих отношениях в будущем, сам же пока, по понятным причинам, несколько отстаю от окружающего круговорота (может быть, к лучшему). Со временем будем свидетелями многого и важного.

Тебе желаю от всей души «исполнения» четырех лет. Тут ничего нельзя сказать, но можно почувствовать и понять сердцем. Радостно «упрекнуем» друг друга в «несвоевременном» (как полагают!) «прерафаэлитстве»¹ (как говорят!), но дело в том, что:

Суровый Дант не презирал сонета,
В нем жар любви Петрарка изливал,
Его игру любил творец Макбета...²

и мн. др. — все о том же. «Всё та же дума», как выразился Бор. Ник. в одном письме (ко мне)³. Тихий белый цвет, падающий с весенних яблонь, дает о себе весть.

Сообщаю тебе для сведения нечто полуюмористическое: Мережковский, отправившись в Александро-Невскую Лавру (кажется, в Духовную Академию) провалился там в дотолу неведомый люк, довольно глубокий, разбил стекло и порядочно расшибся. Зин. Гиппиус говорит, что это символизм, и упрекает профессоров Духовной Академии. Впрочем, он (Мережковский) ходит и рассказывает об этом происшествии с жаром.

В последнее время он так тих и грустен (впрочем, это и прежде бывало), что я не вижу, «откуда» он и «куда»? Весьма сомнительно, есть ли здесь и доля оргиазма. По этому поводу у меня есть одно соображение: не слишком ли *ясна* была бы его разгадка — и, может быть, не чересчур ли глубока? Его значение исчерпается скорее, — именно в тот момент, когда многие из нас ясно увидят, что пора «заглядеться» на *другое*. Иное дело — явное нецеломудрие в его стиле (пожалуй, даже, в стиле души). Ибо нельзя так вопить о том, на чем непременно понижается голос. Есть ли в нем любовь, я опять затрудняюсь решать: он часто «мил». Вообще, он так сложен пока, что в будущем окажется прост. Вот Розанов, м. б., проще, но в будущем осложнится. Признаюсь тебе, что редкий талант отвратительнее его.

Твой Ал. Б л о к

Ответ на письмо 9. Датируется по дню пасхи 1903 г. — 6 апреля.

¹ Нарочитый духовный эстетизм английских прерафаэлитов оказал определенное влияние на стилистику раннего творчества Блока. Однако просветленность многих произведений Блока начала 1900-х годов, восхищение «колышанием миротворства», призыв «сохранить красоту» («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 27—28) вскоре сменяется обратным устремлением, тогда как у Соловьева «прерафаэлитство» осталось определяющей чертой творчества на многие годы. — Ср. pp. 18, 22.

² Неточная цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Сонет» (1830).

³ Этой фразой заканчивается недатированное письмо Андрея Белого к Блоку, относящееся к февралю-марту 1903 г. («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 26).

11. СОЛОВЬЕВ — БЛОКУ

3 августа <1903 г.> Трубицино.

Милый мой Саша,

очень мне жаль сообщить тебе, что после некоторых раздумий я решил, что в этом году лучше мне воздержаться от поездки в Шахматово, а весь август безвыездно прожить в Трубицине. Я вижу, что это необходимо для нервного отдыха и подготовки к зимнему сезону. Мне теперь необходимо отсутствие всяких сильных впечатлений, даже приятных, а свидание с вами именно теперь и во время твоей свадьбы, о котором я мечтал все лето, слишком для меня беспокоит и *радостно*, ибо ты знаешь, какое значение имеете для меня ты и тетя Аля¹. Я чувствую, что слишком много «пробудилось бы?» для меня, задремавшего и стихшего в однообразии трубицинской жизни, а главное, твоя свадьба является для меня в слишком ярком мистическом освещении. По всем этим причинам я решил, что следует воздержаться от августовской поездки в Шахматово². Я думаю, ты поймешь меня и не рассердишься, не примешь это за холодность с моей стороны. Напротив, я слишком горячо отношусь ко всему и хочу себя на время прохладить трубицинским анахоретством, которое всего лучше исцеляет знойные раны, а таких ран у меня достаточно³. Настроение теперь сравнительно бодрое, много энергии и сознание необходимости экономить нравственные силы, которыми я *кутнул* в январе⁴. Но довольно об этом.

Как жаль, если ты и тетя Аля не получили моего письма: я его повторить не могу, потому что оно было написано под минутным вдохновением⁵.

Но надеюсь, что и без него вы верите в то, что бесконечно для меня дороги. Только говорить об этом совестно, будто панталоны сваливаются.

Получаю письма от Бугаева⁶. Он готовится читать зимой публичные лекции в Москве, Петербурге и Нижнем⁷, и готовит сборник стихотворений для «Скорпиона»⁸. Общий наш друг Петровский находится или находился в Сарове, и я этому очень рад, потому что буду иметь известия о чудесах из первых рук⁹.

Я много пишу и все больше чувствую тяготение к романтизму, и сам избретаю стихи, где старый романтизм неудачно смешивается с новым декадентством, так что выходит «и нашим и вашим», а в сущности «никому».

Целую твою маму и кланяюсь твоей невесте, которую, хотя не знаю, но очень люблю.

Твой Сергей С о л о в ь е в

Перед датой — помета Блока: 1903. По фразе Соловьева «Как жаль, если ты и тетя Аля...» можно предположить, что это письмо — ответ на письмо Блока, где он либо сообщал о неполучении письма Соловьева (см. прим. 5), либо упрекал того, что давно не было от него писем.

¹ А. А. Кублицкая-Пиоттух.

² Имеется в виду поездка в Шахматово на свадьбу Блока и Л. Д. Менделеевой, назначенную на 17 августа.

³ Ср. письмо Соловьева к А. Белому от 1 августа 1903 г. в разделе «Блок в неизданной переписке современников».

⁴ Соловьев говорит о своих переживаниях, вызванных смертью отца и последовавшим за ней самоубийством матери (16 января 1903 г.).

⁵ Текст этого письма неизвестен.

⁶ Почти все письма Андрея Белого к С. М. Соловьеву (в том числе письма 1903 г.), по всей вероятности, утрачены.

⁷ В письме от 1 августа 1903 г. С. Соловьев предостерегал Белого от этого намерения. Публичные выступления Белого в сезон 1903—1904 гг. не состоялись, Белый выступал только на небольших неофициальных собраниях: в октябре 1903 г. с рефератом «Символизм как миропонимание» в кружке «аргонавтов», в январе 1904 г. на тему «Символизм и религия» в религиозно-философском кружке на квартире у В. Ф. Эрн, участвовал в беседах в издательстве «Гриф» (Андрей Б е л ы й. Себе на память. — ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 96, л. 2—2 об.).

⁸ Книга Андрея Белого «Золото в лазури», выпущенная в свет издательством «Скорпион» в апреле 1904 г. Ее комплектованием и подготовкой к печати Белый занимался в июле-августе 1903 г. (см.: ЛН, т. 85, с. 359—364).

⁹ 19 июля 1903 г. в Сарове при стечении огромного количества паломников были открыты мощи св. Серафима Саровского (1759—1833) — иеромонаха Саровского монастыря. А. С. Петровский ездил туда вместе с художником В. В. Владимировым. «Из Сарова вернулись мы с В. В. 4 августа», отправившись туда 8-го июля и проведя на месте ровно 2 недели, — сообщал Петровский Андрею Белому 7 августа 1903 г. — «...» Мы, а с нами и вся масса богомольцев провела дни 17—19 июля вокруг стен Саровской пустыни, ни разу не проникнув за ограду, я не говорю уже в собор, голодные, немощные, где главу преклонить «...» Очень значительна по бездонно глубокой символичности была ночь на 19 июля. В соборе совершалось открытие мощей. Шла всенощная — торжественнейший момент. Вся толпа разместилась у стен, так как внутри не пускали казаки» (ГБЛ, ф. 25, карт. 21, ед. хр. 16). Саровские события оказали огромное впечатление на А. Белого и весь круг его московских друзей, что нашло себе отражение и в письме Белого к Блоку от 19 августа 1903 г. («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 48).

12. БЛОК — СОЛОВЬЕВУ

9 августа 1903. Шахматово.

Милый, дорогой друг мой Сережа.

Я получил твое письмо третьего дня. Мое, конечно, встретилось с ним в пути, по закону соприкосновения противоположностей¹. Однако и я, и мама без сомнения *поняли* твои слова и им придали *их* цену. Очень сильно огорчившись, я лично почувствовал одновременно особенную тайную близость и неразрывность с тобой на всю жизнь — и озлобленное одиночество — одиночество по причине малого мистического элемента в столь *крайнем* для меня дне 17 августа. Скажу тебе откровенно: когда отказался быть

Л. Д. МЕНДЕЛЕЕВА

Фотография К. Шапиро, 1898 г. Петербург
Литературный музей, Москва

хочу (не по своей, а по Высшей воле) смотреть *сбоку*, в чем помогают мне мои стихи, вечный «вымысел», над которым, не суживая круга, можно «облиться слезами»⁶. Я — не во всеоружии. Но и я *осужден* рассматривать «голубоватую мглу»⁷, — не дерзая бросать перчаток, как Андрей Белый. Но я ничего не забуду и ни о чем не соблажусь, и хотел бы. . . чтобы, когда он, а позже и ты, будете ранены неприятелем, — оба пришли ко мне пить чай! . . . Условие одно: чтобы я ждал вас «в своей библиотеке» менее двадцати лет. Что касается кухарки, то можно будет ей «закрыть лицо» в случае необходимости.

Будь здоров и крепок, ибо все мы знаем, что «щит не двинется с разрушенной стены». Если придет вдохновение, напиши в Петербург и изложи некоторые планы. Больше всего понравилось мне стихотворение «С полками тьмы»⁸. Интересность же *всех* стихотворений лежит, конечно, в их нерассказанном зерне. Я пишу очень мало и очень скверно, потому посылаю тебе только одно, и то весеннее стихотворение.⁹

Твой, любящий тебя всем сердцем Ал. Б л о к

Ответ на письмо 11, полученное Блоком 8 августа (ЗК, 53).

¹ Письмо Блока к Соловьеву, написанное около 3 августа (т. е. около даты написания письма 11, с которым «встретилось. . . в пути» утраченное блоковское), нам неизвестно.

² Блок пригласил Белого шафером на свою свадьбу письмом от 28 апреля 1903 г.; предполагалось, что Соловьев будет шафером жениха, а Белый — невесты. В ответном письме от 9 мая Белый принял приглашение, оговорившись, однако, что при некоторых обстоятельствах он не сможет приехать на свадьбу, а 14 июня известил Блока о своем окончательном отказе.

³ См. п. 3.

⁴ Из стихотворения Фета «Все, все мое, что есть и прежде было. . .»

⁵ Демон (греч.). Ср. в статье Блока 1908 г. «Генрик Ибсен»: «Душа всякого художника полна демонов. Тем они и ужасны, что все пленительны и красивы. Доверить же себя мы можем только тому художнику, у которого, кроме демонов, есть в душе единое

дацёмов — таинственный, внутренний голос, который позволял Сократу безошибочно различать добро и зло» (V, 316). И позже, в статье «Интеллигенция и революция» (1918) Блок писал: «Дух есть музыка. Демон некогда велел Сократу слушаться духа музыки. Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию» (VI, 20).

⁶ Реминисценция пушкинской строки «Над вымыслом слезами обольюсь» из стихотворения «Элегия» («Безумных лет угасшее веселье...») (1830).

⁷ Ср. в письме к Андрею Белому от 1 августа 1903 г.: «Не переставая «тянуться в голубоватую мглу», рискуя встретиться чорт знает с кем» («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 44); несколько позже этот символ оказался в стихотворном «Ответе» (I, 537) Блока на стихи Соловьева в связи с его свадьбой (см. п. 17, прим. 7):

Сквозь тонкий пар сомнения
Смотрю в голубоватый сон...

⁸ Приводим текст этого неизданного стихотворения Соловьева по автографу ЦГАЛИ, ф. 475, оп. 2, ед. хр. 4, л. 4):

С полками тьмы сражались три бойца,
Отдавши все единому желанью,
Два первые до смертного конца
Держали стяг слабеющего дланью.

Кругом врагов несметных грозный рев,
А помощи не видно ниоткуда,
И пали два бойца, не одолев
Враждебных сил и не дождавшись чуда.

И подхватив затрепетавший стяг,
Один боец над трупами упавших
Недвижно стал. Кругом бесился враг,
И дол гремел от криков ликовавших.

А он все ждал неведомых чудес,
Стоял один перед несметной ратью.
Над ним пустой, безмолвный свод небес,
У ног его — погибшие собратья.

⁹ При письме — стихотворение «Я умер. Я пал от раны».

13. СОЛОВЬЕВ — БЛОКУ

12 августа <1903 г.> Трубицино.

Милый Саша,

сейчас получил твое письмо, которое очень меня взволновало и пробудило особенно сильное желание ехать в Шахматово. Но, тем не менее, я не изменил своего решения. Ты меня спрашиваешь, чувствую ли я себя достаточно удовлетворительно для поездки в отношении ревматизма? В отношении ревматизма удовлетворительно, но состояние нервов не выпускает из Трубицина. Тетя Соня этого понять не может, и ты с ней об этом не говори¹. Я думаю, что не только тетя Соня, но даже твоя мама вполне не может понять твоего отношения ко всему происходящему. Я пытаюсь понять, как увидишь из стихов: если не понял, то прости, ведь мне материалом могли служить исключительно одни твои стихотворения.

Слава Богу, что ты отстал от «лилового» Нового пути².

Сегодня мучительно душный день, который хочет разрешиться грозой, но не разрешается. Ты написал одну такую фразу в письме, которая меня смутила. От нее пахнет «преображениями», а тут можно сорваться³ и полететь «вверх пятами», говоря словами Достоевского⁴.

Пишу и чувствую, что лью воду через решето и как-то притворяюсь. В стихах я сказал все главное, что хотел бы сказать тебе теперь, а потому прощай пока. Пускай бог благословит тебя и твою невесту, и пускай никто ничего не понимает, и пускай

Люди встречают укором презренным
 То, чего не поймут,
 Что перед добрым иль вдохновенным
 Им тяжело порицанье унять,
 Знать и собаке охота рычать

Из хорошего может выйти только хорошее. Не забудь, впрочем, что для совершения третьего подвига надобно совершить прежде второй. Не убив дракона похоти, не выведешь Евридику из Ада. Ты — поэт, это первый залог бессмертия для твоей Евридики. Но, оставаясь поэтом, ты будешь бессильным рабом, пока «дракон не канет в бездну». Итак, мой милый, дорогой Пигмалион, будь Персеєм, и тогда уж Орфей овладеет Евридикой в вечности⁵. Я, впрочем, уверен, что ты не примешь того, что есть только реализация, за цель. Не мне тебя учить, ты довольно надышался «горным воздухом»⁶. Однако я никак не могу кончить, ибо дело пахнет Владимиром Соловьевым. Отсылаю тебя к четвертому изданию стихотворений⁷ и остаюсь твой невидимый шафер⁸

Сергей Соловьев

17 августа 1903 г.

А. А. Блоку

Откровенный шумный свиток
 Раскрывался пред тобой,
 И божественный напиток
 Пил ты полною струей.
 Но таинственное знание
 И соблазны мудреца
 Ты отбросил для сиянья
 Благодатного веща.
 Мудрость сердца не смутила,
 Ты один бежал туда,
 Где одна тебе светила
 Заповедная звезда.
 Слышишь: гром тревоги бранной
 В отдалении затих. . .
 Здравствуй, господом избранный,
 Побеждающий жених!
 Вестник радостный домчался
 До страны святой.
 Сонный лотос закачался
 Тихо над водой.

Тихо лилии вздохнули,
 И зараз одно
 Белоснежные шепнули:
 «Ждали мы давно».
 И долиною Соронской
 Ныне твой простерся путь.
 Прилетев с горы Сионской,
 Голубь сел тебе на грудь.
 Там вдали Иерусалима
 Загорелися врата.
 Дверь крылами серафима
 Новобрачным отперта.
 Над тобою тихо веют
 Два небесные крыла. . .
 Слышишь: в страхе цепенеют
 Легионы духов зла.

Сергей Соловьев

1903. Август.

Ответ на письмо 12 и на предшествовавшее ему несохранившееся письмо; на отдельном листе — стихотворение Соловьева, посвященное Блоку.
 На письме помета Блока: 1903.

¹ Софья Григорьевна Карелина (см. прим. 3 на с. 325) собиралась поехать на свадьбу.

² Намек на цвет обложки (ср. символику «лилового» для Блока — V, 428) религиозно-философского и литературного журнала «Новый путь», издававшегося с января 1903 г. при ближайшем участии Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус и В. В. Розанова. Видимо, эта фраза — отклик на слова Блока из несохранившегося письма.

³ Ср. пародийное осмеяние подобных излияний у Белого в разговоре двух московских мистиков: «Оба спускались в теософическую глубину: «Нельзя путать красное с пурпурным. Здесь срываются». — Андрей Белый. Симфония (2-я, драматическая). М., 1902, с. 186.

⁴ См. слова Дмитрия Карамазова «Если уж полечу в бездну, то так-таки прямо, головой вниз и вверх пятами, и даже доволен, что именно в унижительном таком положении падаю и считаю это для себя красотой» (Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч. в 30 томах, т. 14. Л., 1976, с. 99, ср. там же, с. 106). Образ вошел в обиход московских «соловьевцев»: «И случайный проходивец летал вверх пятами, пародируя европейскую цивилизацию». — Андрей Белый. Симфония (2-я, драматическая). М., 1902, с. 172;

ср. там же, с. 198, где подобный полет совершает уже главный и положительный герой; употреблялся образ и в позднейших произведениях Белого.

⁵ Все рассуждение от слов «Не забудь, впрочем. . .» представляет собою парафраз стихотворения Вл. Соловьева «Три подвига» (Владимир С о л о в ъ е в. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974, с. 70—71).

⁶ Учитывая, что письмо С. Соловьева «пахнет», по его собственному выражению, Владимиром Соловьевым, можно предположить, что эти слова — цитата из стихотворения последнего «Пора весенних грез еще не миновала. . .» — ср. его 9—10 строки: «И воздух горный радостно вдыхая, // Я в новый путь готов».

⁷ Четвертое (М., 1901), первое посмертное, вышедшее под редакцией М. С. Соловьева издание стихотворений Вл. Соловьева было в это время настольной книгой «соловьевцев».

⁸ Вопреки принятому решению, С. Соловьев приехал в Шахматово (запись Блока от 15 августа: «Сейчас ворвался в комнату Сергей Соловьев» — ЗК, 54) и был шафером на свадьбе. Его переживания во время венчания Блоков отразились в четверостишии, сохранившемся в тетради беловых автографов стихотворений Блока:

Раскрылась Вечности страница.

Змея бессильно умерла.

И видел я, как голубица

Звизгала во сретенье орла.

Под этими стихами — помета: 17 августа. Тараканово (ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 3, л. 71); как известно, Блоки были венчаны в таракановской церкви; стихи Соловьева развивают тему церковного песнопения «Гряди, голубица. . .», которым встречают невесту. — Ср., п. 17, прим. 7.

14. СОЛОВЬЕВ — БЛОКУ

1 сентября <1903 г.> Москва.

Милый мой Саша,

третьего дня я приехал в Москву и сегодня был в гимназии и «в путь пошел, изнемогая под никому не видимым крестом». За время пребывания в Шахматове ¹ я так много узнал важного и нового для меня, что не сразу пришел в себя в Трубицине и сначала нервничал. Теперь переварил все впечатления, и они сделались прочным фундаментом для спокойной приподнятого отношения к жизни. Знакомство мое с Александром Ивановичем было с начала до конца одною из *предопределенных* встреч и было насквозь мистично, так что «петербургский мистик» вполне оправдал свое наименование ². Бугаева в Москве нет и долго не будет ³, зато с Петровским много видался и узнал интересные известия про чудеса в Сарове, которых он был очевидцем, т. е. видел исцеленных, хотя самого процесса исцеления не видал ⁴. Сейчас я прочел статью Минского «о двух путях добра», напечатанную в «Северных цветах», и по многом с Минским согласен ⁵. Розанова он разбивает совершенно и вполне справедливо говорит, что идеал целомудрия требуется не современной церковью, а современной интеллигенцией, в лице лучших ее представителей ⁶. А Розанов, кроме всего, пошляк и невежа, когда, например, жалеет, что в чине венчания не говорится о звездах, цветах и поцелуях ⁷. Согласно рецепту «цинического мистика» ⁸, великий обряд венчания, весь проникнутый прозрением мистического смысла брака, до удивительных тонкостей (например, призывание мучеников, страдавших и венчавшихся), следует заменить символами Мирры Лохвицкой, или кого-нибудь из компании. Ты просто пошляк, Василий! Я хотел тебе, Саша, дать один совет, но не успел. Почитал бы ты теперь «Теократию» Вл. Соловьева ⁹, именно теперь, ибо теперь в твоей жизни должен быть силен дух церковности: брак — первое основание той церкви, которую «не одолеют врата адавы» ¹⁰. В то время, когда ты венчался, я с поразительной ясностью увидел то «горчичное зерно», которое покрывает весь мир своими ветвями ¹¹. Недавно один мой знакомый женился и после свадьбы уехал куда-то на три дня со своей женой, и они захватили с собой томик. . . Короленки. . . Видишь, как много еще придется делать усилий, чтобы мир преобразился. Ведь все почти после таинства венчания готовы сразу приняться за Короленку. Но все сие есть шутки. Не думаю, чтобы удалось в течение зимы с тобой увидаться, зато летом меч-

таю побывать в Шахматове, где соберутся три идеальных женщины — тети Аля, тетя Маня¹² и Любовь Дмитриевна — и сносный мужчина — Александр Александрович Блок. Твоей жене мое всяческое приветствие.

Преданный тебе московский мистик.

¹ С. Соловьев пробыл в Шахматове с вечера 15 августа до утра 18 августа, после чего вернулся в Трубицино. На письме помета Блока: 1903.

² Александр Иванович Розадовский (1885—1946); (общепринятую дату рождения — 1883 г. — изменяем в связи с указанной в университетском личном деле Розадовского: ЛГИА, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 40357). Студент физико-математического факультета Петербургского университета, товарищ И. Д. Менделеева, брата Любови Дмитриевны; на свадьбе был шафером невесты. О нем см.: К. Н. Суворов. Архивист ищет дату (К изучению архива А. А. Блока). — В кн.: «Встречи с прошлым», вып. 2. М., 1976, с. 122—123; Adam Galis. Osiemnaście dni Aleksandra Błoka w Warszawie. Warszawa, 1976, s. 78—94. О своем общении с Розадовским 16 и 17 августа в Боблове и Шахматове С. Соловьев вспоминал: «Рядом со мною сел шафер невесты, молодой польский граф Розадовский, которого Блок называл «Петербургским мистиком». Мы сразу с ним сошлись. Оба мы были настроены крайне ортодоксально и враждебно к новому религиозному движению, которое возглавлялось тогда Розановым и Мережковским <...> За свадебным столом <...> я опять был рядом с графом Розадовским. Когда его не забуду. Маленький, беленький, худой и невзрачный, но упорный и сильный в своей слабости. Скоро мы уже пили на ты. Он говорил мне, что климат Петербурга ему вреден и что он едет в южные страны. Речь зашла о Польше, о католичестве и пресвятой деве. Граф готовился к пострижению в монахи» («Письма Александра Блока», с. 18, 20).

³ Белый прожил в имении Серебряный колодезь (Тульская губерния, Ефремовский уезд) до середины сентября.

⁴ См. п. 11, прим. 9.

⁵ Н. Минский. О двух путях добра. (Два доклада, прочитанных в Петербургских религиозно-философских собраниях). — «Северные цветы». Третий альманах книгоиздательства «Скорпион». М., 1903, с. 131—147. Статья направлена против выступлений В. В. Розанова по вопросам брака. Ср. аналогичный отклик на спор Минского с Розановым в письме Соловьева к А. Белому от 20 сентября 1903 г.: «Прочел недавно Минского о двух путях добра, и вполне с ним согласен. Розанов он отделяет искусно, и несомненно, что Розанов в споре побежден и выказал себя пошляком и невеждой. Вообще к Минскому у меня душа лежит, а ярость к Розанову все возрастает. Впрочем, в «Новом времени» появилась недавно весьма недурная его статья о Тургеневе. В «Новом времени» он, видимо, подтягивается и не дает простору астартическим кликушествам, зато не так яростен и силен, ибо Розанов силен только в гадости. Мне начинает казаться, впрочем, что успех его в значительной степени есть недоразумение и что он слишком ничтожен, чтобы быть названным «предшественником антихриста». Хотя Ницше я не читал, но мне кажется, что он гораздо сильнее, чем Розанов, и что его философия скорее имеет будущность, чем грязные псевдофилософские размышления Розанова. Алексей Сергеевич Петровский со мной не согласен и находит в Розанове «белость» (ГБЛ, ф. 25, к. 26, ед. хр. 3, л. 18 об. — 19 об.).

⁶ Ср. утверждения Минского в статье «О двух путях добра»: «Хочется спросить Розанова, неужели он не читал ни одного поэта 19 в. и не знает, что все новые поэты воспевают не только радости любви, но и разочарования от любви, что пессимизм европейской литературы не что иное, как отрицание любовничества и жажда целомудрия <...> Не только поэты, художники минутных настроений, но и романисты развенчивают любовь, жаждут девства и целомудрия. Весь французский роман — сплошной обвинительный акт против любовничества» (с. 134).

⁷ Имеется в виду «записка» В. В. Розанова «О некоторых подробностях церковного воззрения на брак», оглашенная на XIII Религиозно-философском собрании в Петербурге. В ней говорится о «влюблении» как главной основе брака: «Введите, однако, этот прекрасный и должный момент в музыку венчания взамен грубого, а главное сухого, как пропись, дьяконского возгласа: «жена да боится мужа своего»: польются звуки мистической любви, слова заговорят о звездах, о цветах, о томлениях влюбления, о лунной ночи и томительных ожиданиях, о завтрашних объятиях и поцелуях» («Новый путь», 1903, № 8, с. 296). Другие выступления Розанова по вопросу о браке были к этому времени собраны в кн.: В. В. Розанов. Семейный вопрос в России, I. СПб., 1903.

⁸ Именование Розанова «циническим мистиком» восходит к «Симфонии» Белого (возможно, только отразившего речение, закрепившееся в обиходе «московских мистиков»): «На всю Россию кричал тогда циничный мистик из города Санкт-Петербурга, а товарищи озаряли крикуна бенгальскими огнями». — Андрей Белый. Симфония (2-я, драматическая), с. 77 (ср. с. 105, где пародируется название альманаха «Северные цветы» — «Полярные узоры»).

Имеется в виду сочинение Вл. С. Соловьева «История и будущность теократии» (1886).

¹⁰ «И я говорю тебе: ты — Петр *, и на сем камне я создам церковь мою, и врата ада не одолеют ее» (Евангелие от Матфея, XVI, 18).

¹¹ См. евангельскую притчу о горчичном зерне (Евангелие от Матфея, XIII, 31—32; от Марка, IV, 30—32; от Луки, XIII, 18—19).

¹² Мария Андреевна Бекетова.

15. СОЛОВЬЕВ — БЛОКУ

29 сентября (1903 г.) Москва.

Милый мой Саша,

спасибо тебе за письмо, доставившее мне *особенно* много радости и послужившее завершением дня, по существу *белого*, наступившего после целого ряда грязновато-серых дней. Стихи твои мне совсем не нравятся, исключая последнюю строфу, которая великолепна. Но и все стихотворение доставило мне по некоторым причинам большое удовольствие ¹. Гимназия стала так омерзительно действовать на мою нервную систему, что я ее бросил, и готовлюсь к экзаменам зрелости дома. Это обстоятельство повергает меня в столь приятное настроение, что я танцую перед умывальником по утрам. Незаменимый Андрей Белый появился окончательно *убеленный* и преисполненный тихой жизнерадостности. Я его осчастливил, подробно изложил метафизику моего пребывания в Боблове ², так что он, одеваясь в передний и надевая калоши, чтобы не погрузить ног в слякоть, говорил: «Спасибо. Ты мне дал такой запас белости». О твоих стихах он такого мнения: вся современная поэзия, до Брюсова и Бальмонта включительно, перед Блоком ступшевывается. Мы часто вспоминаем твои стихи, и особенно мы прыгаем при каждом слове стихотворения: «У забытых могил пробивалась трава» ³. Бугаев очень тонко заметил, что в «ужасах» у тебя есть сродство с Врубелем. Действительно, то впечатление ужаса, которое производят твои стихи, можно сравнить только с картинами Врубеля. Особенно ужасно: «Черный человечек плачет на дворе» ⁴. Недавно была у меня тетя Соня ⁵ и читала твои стихи, напечатанные в «Северных» цветах ⁶, что ее очень огорчило, так что я всячески старался убедить ее, что глупые северные цветы напечатали худшее, что, по-моему, до известной степени справедливо. Профискалю тебе, что по поводу эпитетов, напечатанных с большой буквы (Непостижной, Недостижимой) ⁷, тетя Соня с горечью сказала: «Конечно, Люба очень милая, и все мы ее очень любим, но для того, чтобы писать с большой буквы, для этого есть другие слова», намекая, очевидно, на Бога. Из того, как тетя Соня принимает каждое твое печатное слово к сердцу, видно, до чего она тебя любит.

Напиши мне, что знаешь о Розвадовском, где он теперь.

Тетя Аля писала мне ⁸, но я теперь ей отдельно не пишу, ибо это письмо предназначается и ей. Впрочем, ответ на некоторые ее слова я могу написать ей только отдельно. Целуй от меня тетю Алю и приветствуй Любовь Дмитриевну.

Твой Сергей С о л о в ь е в

P. S. Посылаю тебе стихи. Второе стихотворение я сам считаю окончательно негодным, за исключением третьей строфы.

Ответ на неизвестное нам письмо Блока со стихами (см. прим. 1). Год — по содержанию и помете Блока: 1903. К письму приложены стихотворения Соловьева «Золотой закат» («Молчаливые аллеи. . .») и «Утро. К окну прилетя. . .» с пометой: «оба стихотворения написаны сегодня».

¹ Скорее всего, при неизвестном письме Блока был его «Ответ» («Смотрю сквозь тонкий пар сомненья. . .») на стихи Соловьева о венчании Блоков — см. п. 13 и 17.

² В Боблове (имение Менделеевых) С. Соловьев ездил вместе с Блоком 16 августа и утром в день свадьбы 17 августа. «На другой день я приехал с розовым букетом к не-

* Камень (греч.).

весте, чтобы везти ее в церковь», — вспоминает С. Соловьев («Письма Александра Блока», с. 18—19; ср.: ЗК, 54).

³ Стихотворение «У забытых могил пробивалась трава...» (I, 274), написанное 1 апреля 1903 г., посвящено С. Соловьеву; было послано — без этого посвящения — Белому <4 или 5 апреля> 1903 г. — см.: А. Блок и А. Белый. Переписка, с. 29—30).

⁴ Заключительная строка стихотворения Блока «По городу бегал черный человек...» (I, 278), написанного в апреле 1903 г.: оно также попало в Москву при письме Блока к Белому — от 1 августа 1903 г. («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 46). Ср. отзыв об этом стихотворении в письме Андрея Белого к А. С. Петровскому от 18 августа 1903 г., печатаемом в разделе наст. тома «Блок в неизданной переписке и дневниках современников».

⁵ С. Г. Карелина.

⁶ Цикл Блока «Стихи о Прекрасной Даме», составленный из 10 стихотворений («Северные цветы». Третий альманах книгоиздательства «Скорпион». М., 1903, с. 93—99).

⁷ В стихотворении «Безмолвный призрак в терему...»

⁸ Письма А. А. Кублицкой-Пиоттух к С. Соловьеву нам неизвестны.

16. СОЛОВЬЕВ — БЛОКУ

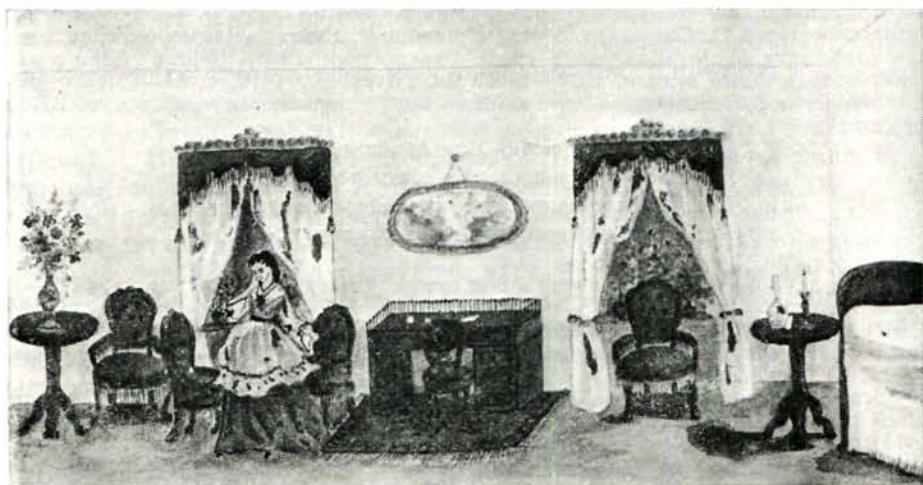
5 октября <1903 г.> Москва.

Милый мой Саша,

хотя недавно я писал тебе, но чувствую потребность написать опять, ибо ты слишком много места занимаешь в теперешней моей жизни. Имею к тебе настоятельную просьбу: перепиши *кучу* твоих стихотворений и пришли мне. Перепиши между прочим «Запевающий сон, зацветающий цвет»¹.

В жизни так перемешаны элементы света и тьмы, что те немногие мгновения, когда свет ярко возносится над тьмою, остаются на всю жизнь в памяти и служат твердой опорой для духа в борьбе с его гордостью и с грехами плоти. Такие мгновения я пережил во время нашего последнего свидания², и понятно, что мысль моя постоянно возвращается к этому прошедшему, а от прошедшего переходит к *моему* настоящему. Ты уже знаешь, что из твоих стихов мне всего больше нравится «У забытых могил пробивалась трава». Теперь я особенно вник в это стихотворение, и оно мне показалось гениальным *все*, до «восковых черт» включительно, которые меня сначала смущали³. Бывают в жизни минуты, которые обостренно блаженны, и они проходят, оставляя «огнистый след»⁴, но только след. «Того мгновенья жаль, что стигло навсегда», как говорит дядя Володя⁵. В твоих стихах я нахожу воскрешение таких мгновений *моей* жизни, которые воскресить я тщетно стараюсь сам. Настроение некоторых твоих стихов мне до того знакомо, что мне делается странно, как будто кто-то забрался мне в душу и изложил письменно то, что там узнал.

Поэтому ты мне особенно близок: помни это. Я все больше и больше разочаровываюсь в людях и расхожусь с ними, но несколько друзей только укрепляются с годами в моей душе: это те, которые умеют пить чай. . . некоторые из них печатают свои стихи и даже мистерии в «Северных цветах»⁶. Я люблю оставаться вечером один в квартире за чаем. Становится совершенно тихо, самовар шипит, кот спит, передо мной лежит приятная книга и «Полны любви мы человеческой, любовью к богу мы полны». Тогда в тишине слышно, как медленно, но верно кладется основа царствия божия и протягивается рука ко всем немногим строителям его. Понятно, что вспоминаешься ты и многие другие, бесплотное присутствие которых особенно ощутительно. Свидания мои с тобой необыкновенно редки, но тем более знаменательны. Когда мы теперь увидимся? Покрыто сие мраком неизвестности. Читаю Вальтера Скотта и получаю громадное наслаждение. Только что кончил «Вудстока»⁷. Я пишу теперь довольно мало. Пробую переводить из Гете⁸. Сегодня у меня был приятный гость: тетя Сена⁹. Завтра утром она уезжает в Петербург, и я сейчас бегу провести с ней вечер. Дядя Всеволод умирает в Москве¹⁰, и тетя Сена говорит, что она — последний из братьев Соловьевых. Тетя Сена, оказывается, знала твою жену, когда она была девочкой. Скоро выйдет 8-й том сочинений дяди Володи¹¹, и я немедленно по получении тебе его пришлю.

ТРУБИЦЫНО. ИНТЕРЬЕР ГОСТИНОЙ

Акварель С. Г. Карелиной, 1871 г.

Литературный музей, Москва

Быть может, я в октябре на неделю поеду в деревню, в Нижегородскую губернию. Жду твоих стихов: они будут лучшим для меня ответом. Приветствую тетю Алю, Любовь Дмитриевну и дядю Франца¹². Мне иногда приходит в голову мысль, что ведь Любовь Дмитриевна мне теперь приходится некоторым образом родней, и, выходя на улицу, я гордо задираю нос. Не могу более писать: сейчас перевел 50 стихов Гомера¹³, и в голове образовался туман, что неприятным образом приводит на память знаменитого автора знаменитого рассказа «В тумане», которого я не читал¹⁴.

Преданный тебе Сергей Соловьев

Год — по содержанию и помете Блока: 1903.

¹ Стихотворение Блока, написанное в сентябре-декабре 1902 г. (I, 257). Соловьев знал его, видимо, по рукописи, посланной Блоком Андрею Белому 3 февраля 1903 г. («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 19, 20).

² Т. е. 15—17 августа 1903 г., на свадьбе Блоков.

³ Заключительная строфа стихотворения «У забытых могил пробивалась трава...»:

Где впервые в мои восковые черты
Отдаленною жизнью повеяла Ты,
Пробиваясь могильной травой. . .
(I, 274).

⁴ См. в стихотворении Блока «Ты — думы вечной, вдохновенной. . .»:

Первоначальных лет счастливых
Остывший огонь, потухший свет!
Ты все еще в сердечных нивах
Огнистый оставляешь след.

Стихотворение (впервые опубликовано в 1909 г.) в раннем варианте, который мы и цитировали, было известно Соловьеву по имевшемуся в Москве автографу. См. с. 239.

⁵ См. стихотворение Вл. С. Соловьева «Опять направились томительные тени. . .» (1895), посвященное памяти А. Ф. Аксаковой (Владимир Соловьев. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974, с. 109).

⁶ Намек на напечатанные в третьем альманахе «Северные цветы» (М., 1903) цикл Блока «Стихи о Прекрасной Даме», драматическое произведение Андрея Белого «Пришедший. Отрывок из ненаписанной мистерии» и его же цикл стихов «Призывы».

⁷ «Вудсток, или Кавалер» — роман Вальтера Скотта (1826). В. Скотт был одним из любимых писателей С. Соловьева. Мотивы романа В. Скотта «Ламмермурская невеста» нашли отражение в его «Балладе о графе Равенсвуде» (1908). (Сергей Соловьев. Апрель.. Вторая книга стихов. 1906—1909. М., «Мусагет», 1910, с. 61—65). Ср. строфу из стихотворения С. Соловьева «К Англии», в которой упоминаются герои романа В. Скотта «Уэверли»:

В твоих горах досель Мак-Айвор и Стюарт
Блуждают на конях при свете ночи лунной,
И славу прошлого поет шотландский бард,
Под елью древнюю, на арфе тихострунной.

(Сергей Соловьев. Возвращение в дом отчий. Четвертая книга стихов. 1913—1915. М., 1916, стр. 126).

⁸ Ранние опыты переводов Соловьева из Гете и Гомера (упоминаемые ниже) нам не известны (быть может, они обнаружатся среди его бумаг в ГБЛ — см. п. 5, прим. 8).

⁹ П. С. Соловьева.

¹⁰ Всеволод Сергеевич Соловьев (1849—1903) — писатель, исторический романист; старший брат Вл. С. и М. С. Соловьевых, дядя С. Соловьева. Скончался в Москве 20 октября 1903 г.

¹¹ Т. е. восьмой том собрания сочинений Вл. С. Соловьева, выпущенного в свет издательством «Общественная польза» в 1901—1903 гг. при ближайшем участии М. С. Соловьева.

¹² Ф. Ф. Кублицкий-Пиоттух.

¹³ См. прим. 9.

¹⁴ «В тумане» — рассказ Л. Н. Андреева, опубликованный в «Журнале для всех» (1902, № 12) и вызвавший многочисленные печатные отклики и бурную полемику (свод данных об этом см. в кн.: «Русская литература конца XIX—начала XX вв. 1901—1907». М., 1971, с. 380).

17. БЛОК — СОЛОВЬЕВУ

«Санкт» «Петербург» 8 окт«ября», 1903.

Милый мой Сережа.

Сегодня получил твое письмо второе. Получил, вернувшись из университета и особенно ощущая в эту минуту отчужденность от людей и злость на толстого и бородастого студента, *ежедневно* спрашивающего меня: 1) что такое декадентство? 2) оправдываю ли я его существование рядом с другими общественными факторами — и т. д. много, долго и все одно и то же. По этой причине (пропуская бездну всех других тебе известных, из которых не последнюю роль играет врожденное и раздуваемое влечение к тебе) был особенно доволен и сменил злость на безмятежное чаепитие. Впрочем, за спиной еще торчали смягчения зубных и гортанных, которые — увы! — будут «сниться на яву» еще два года ¹. Все это, однако, не удручает, а, надеюсь, в скором времени поможет возобновить стихи, редко удающиеся теперь. Ты знаешь, я послал в «Гриф» 15 стихотворений ². Андрей Белый написал мне о предложении Соколова ³ (кстати, я не отвечаю Андрею Белому и отвечаю Соколову ⁴ не потому, что ценю славу больше, чем его, а просто потому, что я «прирожденный скот»; на днях, однако, собираюсь исправлять свою репутацию перед ним и отвечать на длинное письмо и великолепную «Старушку») ⁵. Знаешь ли ты, что «Симфонию» нельзя достать, она вся разошлась, по крайней мере в Петербурге ⁶.

Вчитываюсь в твои стихи и не понимаю, чего нет в них? Прихожу к разным заключениям. Иногда думаю, что они скользят по верху. «Ликуй, Исая» мне совсем не понравилась. «Грех бессилень» сначала чрезмерно логично и «топографично» и «симметрично» и вообще «ично» — и вдруг обрадуешься, когда начинается «Словно лебедь обняла. . .» Но кончается опять как-то не так. А звучат вообще в нем Пушкинские сказки («восхищенья не снесла»), но точно не параллельно им, и как будто вторые их варианты. И оно в сущности не нравится ⁷. Положительно нравится мне: 1) «Долго, долго по балкону» — отсюда и до конца. 2) «Тревога жизни отзвучала» — до 4-ой строфы (из переписанных осенью тобой в красную тетрадь) ⁸. Остальное нравится *все*, но не за стихи, а за *все* остальное. Может быть, я вообще люблю односто-

ронные стихи. Я особенно люблю, когда «только ласковой думы волнение, только сердца напрасная дрожь»⁹ и вместе с тем — не поверху. Впрочем, это, разумеется, в отношении к тому кругу стихов, о которых и которые мы пишем. Твои переводы, напротив, поражают меня и вызывают благодарность, в том числе и «Vita nuova». В последней (Сонет) мне не нравится только «вдруг» (8 строка)¹⁰. Не хочется писать об «ином». Но снова и снова лишь констатирую как «общеизвестное» и «общепонятное»: почтальон все так же взбегает на лестницу к верхней двери. И прячется за шкапами некто и «Критика разума» лежит в *другой* комнате¹¹. Обо всем этом существуют намеки. Недавно мы с женой были на кладбище, искали могилу ее няни. Вместо того нашли. . . могилу студента-самоубийцы, о котором я только слышал, видел его портрет (снятый в день самоубийства) и читал его стихи¹². Это не трудно «распечатать». Но я не распечатываю. О Розвадовском нет слухов. Я предполагал, что вы в переписке. Странное приходит в голову¹³.

Люба тебя приветствует. Сейчас она одна в концерте (а мне «медведь на ухо наступил»). Мы постоянно вместе ходим в учебные заведения, а, кроме этого, почти никуда. Театров мало, а со знакомыми раззнакомливаемся. Начинаются понемногу новые и пока по принципу, формулированному тобой: «Подать сюда мистика!»¹⁴. У мамы сердце скверно, бывают черные мысли. Ты же своими письмами убеждаешь косвенно и ее. Но все прекрасно, о чем, впрочем, я ужасно не хотел бы говорить и даже думать. Обнимаю тебя и целую. Вот тебе стихи, боюсь послать уже известные тебе¹⁵.

Твой Ал. Б л о к

Милый друг!

Напиши мне, пожалуйста, какие у тебя есть из моих стихов, а то я уже все наугад и посылаю тебе, вероятно, известные. Я еще не видал никого из Нового Пути, кроме некторых студентов¹⁶. Собираюсь писать университетское сочинение, вероятно, о письмах Жуковского¹⁷. Пиши и помни, что все сведенья, какие ты даешь, для всех нас драгоценны.

Твой Ал. Б л о к

Ответ на письма 15 и 16.

¹ Намек на университетские занятия фонетикой.

² Цикл из 15 стихотворений Блока, а также его стихотворение «Темная, бледно-зеленая. . .» (с посвящением М. А. Олениной-д'Альгейм) были опубликованы в кн.: «Альманах «Гриф». М., 1904, с. 19—27.

³ 23 сентября 1903 г. Белый писал Блоку: «Сергей Алексеевич Соколов просил меня Вас уведомить, что ему было бы приятно получить от Вас стихи для декабрьского «Альманаха «Гриф» («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 51).

⁴ Цикл из 15 стихотворений Блок выслал Соколову вместе с письмом от 1 октября 1903 г., прося сохранить при печатании обозначенный им порядок стихотворений. Письмо ошибочно датировано Блоком 1 сентября (ошибка осталась не отмеченной в кн.: «Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог», вып. 1. «Письма Александра Блока». М., 1975, с. 369).

⁵ Стихотворение «Старушка» («Задумчивый вид. . .») вместе с рукописями других стихотворений было послано Белым в письме к Блоку от 19 августа 1903 г. («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 50—51). 13 октября 1903 г. Блок писал Белому: «Ваша «Старушка» так изумительна, что я даже откладываю писание Вам о ваших стихах, которые Вы мне прислали» (VIII, 67). В измененном виде, под заглавием «Воспоминание» и с посвящением Л. Д. Блок стихотворение вошло в книгу Андрея Белого «Золото в лазури» (М., «Скорпион», 1904, с. 86).

⁶ Имеется в виду книга: Андрей Б е л ы й. Симфония (2-я, драматическая). «М.», «Скорпион», [1902]. Как распроданная она была указана в объявлениях издательства «Скорпион», помещенных в кн.: Иван К о н е в с к о й. Стихи и проза. Посмертное собрание сочинений. М., «Скорпион», 1904 (вышла в свет в конце 1903 г.).

⁷ Речь идет о стихотворном диптихе Соловьева, написанном под впечатлением венчания Блоков и присланном с одним из предыдущих писем Соловьева. В. Н. Орлов ссылается на неизвестный нам автограф, сохранившийся в бумагах поэта (I, 686, по ср. VIII, 565, где это место оставлено без комментария). Мы приводим текст стихотворений по другой рукописи (ЦГАЛИ, ф. 475, оп. 2, ед. хр. 3, лл. 2—3):

17 августа 1903 г.

1

Грех бессилен. Смерть мертва.
Светит пламя божества.
Вечный знак соединенья —
Золотые блещут звенья,
Два священные кольца,
Два небесные венца.
В круге действия земного
Неподвижная основа
Откровением легла:
Вечность светоч свой зажгла,
И звезда Иммануила
Двум избранным засветила,

Все замкнулось золотой
Неуклонною чертой.
И, склоняясь с амвона
Новой матери на лоно,
Словно лебедь, обвила
Взмахом белого крыла.
Голубь в куполе зареял,
Дух святой чуть слышно веял,
И тогда к моей груди
Что-то нежное прильнуло,
И с улыбкою шепнуло:
Все прекрасно впереди.

Август, Трубицино.

2

Ликуй, Исаяя, ликуй!
Ликуй, пророк Иммануила!
Се дева в таинство вступила:
Пророка, церковь, именуи.

И разверзается могила,
Бредут толпами мертвецы.
На них звезда Иммануила
Свивает новые венцы.

Неизглаголаннх свершений
Полна веков грядущих мгла,
И цепь огнистых откровений
Перед очами залегла.

Ликуй, пророк Иммануила!
Твой вопль исполнен: оживи!
Настанет час, узрится сила
Еще не явленной любви.

Август, Трубицино

Говоря о пушкинских отзвуках в первом стихотворении, Блок цитирует «Сказку о мертвой царевне и семи богатырях».

⁸ Оба стихотворения, строки из которых приводит Блок, были вписаны Соловьевым в тетрадь «Стихи Александра Блока. 1902, 8 ноября — 1903, декабрь». В первом случае поэт говорит о последних строфах стихотворения «Смерклось. Небо потухает. . .» —

Долго, долго по балконе
Я хожу в вечерней мгле.
Ночь ползет по небосклону
И спускается к земле.

Будто нежной женской ласки
В этот час леса полны.
Эти гаснущие краски,
Эта песня тишины.

Стихотворение помечено: 1902. Октябрь, село Лаптево (ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 3, л. 75). Вторая цитата — из стихотворения, помеченного февралем 1903 г., «Кругом покой и мрак глубокий. . .» (там же, л. 77). Именно эти отрывки поэт приводит в позднейшем письме, от 20 декабря 1903 г., для характеристики эпохи, уже отошедшей, наибольшей близости своей к Соловьеву в переживаниях и чаяниях.

⁹ Неточная цитата из стихотворения Фета «День проснется — и речи людские. . .» (1884).

¹⁰ Речь идет ближайшим образом о переводе «Из Vita nuova, Данте. Сонет» (первого сонета «Новой жизни»), записанном Соловьевым в тетрадь беловых автографов Блока (см. прим. 8). — Других переводов Соловьева в этой тетради нет (как и в двух хронологически предшествующих ей, где содержится несколько десятков стихотворений Соловьева). Множественное число у Блока объясняется знакомством с иными опытами друга (б. м., нечеткая надпись — «лучшее» — при одном переводе из Мюссе в тетрадях юношеских стихов Соловьева, упоминаемых в прим. 8 к п. 5, принадлежит Блоку? — см.: ЦГАЛИ, ф. 475, оп. 1, ед. хр. 1, л. 15). Упоминаемая Блоком восьмая строка сонета в контексте четверостишия выглядит так:

Уж был четвертый час. Светил, взнесенных богом,
На тверди голубой сиял лучистый круг,
Когда, предавши дух мучительным тревогам,
Крылатый бог любви ко мне явился вдруг.

¹¹ Намек на следующее место из «Симфонии (2-й, драматической)» Андрея Белого: «1. А в соседней комнате висело огромное зеркало, отражавшее в себе вечно то же и то же.

2. Там был ужас отсутствия и небытия.

3. Там лежала на столе *Критика чистого разума*.

¹² Имеется в виду Владимир Васильевич Лапин. 26 сентября 1902 г. Блок описал в записной книжке «портрет самоубийцы студента Лапина» (ЗК, 42). Ср.: VII, 65.

¹³ Этими «странными» мыслями о Розадовском Блок поделился с Белым в письме от 13 октября 1903 г.: «В эту минуту, как я пишу Вам запоздалые ответы, может быть, один из «нас» (не нас с Вами, а нас нескольких, «преданных Испанской Звезде») идет по австрийской дороге в священнической рясе. Я не имею никаких данных утверждать этого, а если бы имел, то не был бы вправе сообщать об этом даже Вам. Но теперь, теряясь в области предположений, хочу известить о них Вас непременно. Вы могли слышать об этом странном человеке от Сергея Соловьева» (VIII, 65).

¹⁴ Шутка, видимо, восходит к репликам городничего из «Ревизора» Гоголя (действие I, явление 1): «А подать сюда Ляпкина-Тяпкина!», «А подать сюда Землянику!»

¹⁵ Следует пятнадцать стихотворений Блока, о рукописях которых см. в статье Н. В. Котрелева в наст. томе.

¹⁶ Видимо, имеются в виду Л. Д. Семенов, А. А. Кондратьев, А. А. Смирнов — ср. п. 19, прим. 6; п. 22, прим. 6 и 7.

¹⁷ Намерение не было осуществлено. Кандидатское сочинение Блока — «Болоты и Новиков». (см.: Александр Б л о к. Собр. соч., т. XI. Л. Изд-во писателей в Ленинграде, 1934, с. 7—80).

18. СОЛОВЬЕВ — БЛОКУ

«Москва. После 20 октября 1903 г.»

Милый Саша,

из твоих стихов мне всего больше понравилось: «Слышу колокол. В поле весна». Особенно хороша и безукоризненна вторая строфа. Только «все-ленский день» не дает образа и портит впечатление¹. «Скрипка стонет под горой» музыкально и задумчиво. Все портит только скрипка, неизвестно для чего напевающая «живи», что скрипке даже совсем не к чему. Сильно и мучительно «Я был весь в пестрых лоскутьях». Превосходны некоторые места в «Вербной субботе», только относительно «заморских гостей» никуда не годится. «Запевающий сон» — прекрасно и безукоризненно. Бальмонт пришел в восторг от «Проходил я морем клевера» и «Мой месяц в царственном зените»². По-моему, первое слишком темно и запутанно, а второе местами сильно, но строфа относительно воздушного шара смахивает на издевательство над самим собой³. Не могу не упрекнуть тебя за предосудительное ловление девицы по узким площадям. Думаю, что не будь ты в это время «безликий», не миновать бы тебе участка⁴. Не советую тебе злоупотреблять кричащими рифмами, как: «севера—клевера», «ладана—разгадана»⁵. А, черт возьми, какая скверная почтовая бумага! Вот что значит съэкономить! И мне, и Бугаеву кажется, что в твоей поэзии заметен некоторый поворот, за самое последнее время. Я бы мог назвать этот поворот «отрешением от прерафаэлитизма»⁶.

Твои предположения относительно Розадовского, вероятно, справедливы. В Боблове мы с ним расстались, вероятно, навсегда. Он с первого свидания стал для меня «большим человеком», и образ его не только не тускнеет теперь, а озаряется все более ярким светом. Смерть последнего из братьев Соловьевых порядком меня потрепала⁷. Хотя я не был с ним близок, но особенно теперь почувствовал, что мы с ним одной крови, одного родового безумия, смысленности и страстности. Минутами становится жутко и странно. Сегодня вечером собираюсь на репетицию концерта Олениной-Дальгейм, к ней на квартиру⁸. Недавно Бугаев наделал переполох своими Огыгами, Единорогами и т. д. К нему чуть ни призвали психиатра, и много было тяжелого и для него самого, и для нас. Приветствую тетю Алю, Любовь Дмитриевну и дядю Франца.

Твой друг Сергей С о л о в ь е в

Р. S. Зимой непременно буду в Петербурге.

Ответ на письмо 17. Датируется по упоминанию о кончине Вс. С. Соловьева (п. 16, прим. 10); на письме помета Блока: 1903.

¹ Здесь и ниже Соловьев неточно цитирует стихотворение в полученном им раннем варианте — см. п. 17, прим. 15.

² См. там же (первое стихотворение названо неточно, следует — «Погружался я в море клевера...»).

³ Третья строфа стихотворения «Мой месяц в царственном зените...»:

На площадях столицы душной
Слепые люди говорят:
«Что над землею? Шар воздушный.
Что под луной? Аэростат».

⁴ Речь идет о стихотворении «По узким площадям ловил я тень девицы» (см. п. 17, прим. 15). Его седьмая строка: «Я был перед тобой двуликий и безликий». При жизни поэта не публиковалось.

Первая рифма — в первой строфе стихотворения «Погружался я в море клевера...». Вторая — в первой строфе стихотворения «Моя сказка никем не разгадана...» (см. там же), хотя и опубликованного Блоком в 1907 г., но не включавшегося в основное собрание стихотворений.

⁵ См. п. 10, прим. 1.

См. п. 16, прим. 10.

⁶ Мария Алексеевна *Оленина-д'Альгейм* (1869—1970) — выдающаяся камерная певица. С. Соловьев и Андрей Белый восторженно относились к ее выступлениям (см. статью Белого «Певница» — «Мир искусства», 1902, № 11). М. А. Олениной-д'Альгейм, которой С. Соловьев был очарован уже при личном знакомстве в Киеве в январе 1903 г. (ГБЛ, ф. 25, к. 26, ед. хр. 3, л. 7), он посвятил третью книгу своих стихов «Цветник царевны» (М., «Мусагет», 1913).

19. БЛОК — СОЛОВЬЕВУ

«Петербург. 10 ноября 1903 г.»

Милый Сережа.

Написал было тебе письмо в отчаяньи — по поводу Грифов и Скорпионов¹. Часть его уже лежала в столе², когда пришел сам Соколов³. Передал письмо от Бугаева и известие, что он, смущенный было Мережковскими, теперь остается в Грифе. Впрочем, письмо от Бугаева кратко. Он говорит о сложности всего этого и что напишет подробнее⁴. Во всяком случае, я обещал Соколову стихи и участие в Грифе, несмотря на Скорпионов⁵. Завтра поеду с ним к нескольким студентам-декадентам⁶. Соколов был ужасно любезен, показался мне простым, но очень по-редакторски ловким. Вообще сейчас, после его ухода, чувствую себя извинченно, но не слишком тонко. Все было и будет, кажется, довольно громко, голосисто и разговористо. Это ничего и к лучшему. Знаешь, мы с Любой думаем приехать в январе в Москву. Остановиться надо будет у родственников ее — Менделеевых, которых ты видел осенью.

Но это очень близко от всех вас, кажется (тебя и Андр. Белого) — и от Грифа. Ты приедешь, надеюсь, на рождестве⁷. Был я у Мережковских⁸. Он был мил и мягок. Она необычно суха. Я только и делаю, что падаю в ее глазах. Прежде всего женился, а теперь еще участвую в Грифе. Даже не приглашает! Верить ее рассказам я совершенно не в силах после всех ее выкрутасов⁹. Видел и Перцова, который, кажется, молчаливо сидит, погружаясь в корректуры и пр. Тихо и мило спорит с секретарем «Нового» пути, который хохочет животом¹⁰. Но ничего не добьешься и от него. После всех этих посещений я пришел в неподражаемо отвратительное настроение, из которого меня вывела Анна Ивановна Менделеева, вернувшись из-за границы и рассказавшая, как там омерзительно¹¹. Часто подобные рассказы заставляют ликовать. Окончательно развеселил Соколов. Он прочел свое стихотворение, которое мне понравилось.

Ты написал последнее письмо довольно мрачно. Совершенно понимаю чувство после смерти дяди Всеволода Сергеевича. И я чувствовал его последнест из старшего мужского поколения и какую-то тяжесть сквозь

октябрьско-ноябрьскую любовь к декадентству, сквозь пыль университета, дум, комбинаций и посторонней говорильни. И ново-временский некролог покоробил¹². Знаешь ли ты, где и что тетя Сена¹³? Я еще не последовал твоему совету и не прочел «Теократии»¹⁴. Читал осенью «Духовные основы жизни»¹⁵, потом опять оставил. Теократию, впрочем, я читал прошлой зимой, но не достаточно углубленно. Намереваюсь писать сочинение «Сказания об иконах Богородицы» — боюсь наглупить в нем и превысить университетскую норму¹⁶. Даст ли Оленина концерт у нас? ¹⁷ Возобновил частое стихописание. Тебе посылал тогда стихи, какие приходило в голову, б<ольшей> ч<астью> старье. Прилагаю последнее — 7 ноября¹⁸. Люблю тебя по-прежнему, жду тебя сравнительно скоро, все мы тебя приветствуем. Будь здоров, мы все тебя очень хотим увидеть.

Твой Ал. Блок

10 ноября 1903. СПб.

Продолжаешь ли ты не ходить в гимназию? Что пишешь? Пришли, пожалуйста, стихов, много их читаю вообще, распеваются внутри.

Р. С. Люба просит особо передать тебе, что она «очень кланяется».

Ответ на письмо 18.

¹ О столкновении московских символистских издательств «Скорпион» и «Гриф» см. наст. том, раздел «Блок в неизданной переписке современников».

² Первоначальный вариант блоковского письма нам неизвестен.

³ Ср. в записях Блока за ноябрь 1903 г.: «10. Был Соколов. 11. Завтракал у Лейнера с Соколовым» (ЗК, 55). О приезде Соколова Блок предупреждал Белый в письме от «начала» ноября 1903 г. («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 59).

⁴ Речь идет о недатированном письме Белого, опубликованном там же, с. 64. Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус встречались в Москве с Белым; они поддерживали в конфликте «Скорпиона» Брюсова (ср. прим. 9). Сам Белый подробно рассказывал Блоку о своем отношении к двум столкнувшимся издательствам в письме от первой половины ноября 1903 г. — «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 64—65.

⁵ Об участии Блока в «Альманахе «Гриф» см. в наст. томе переписку Блока с С. А. Соколовым.

⁶ В числе «студентов-декадентов» подразумевались, видимо, А. А. Смирнов, Л. Д. Семенов и А. Кондратьев — ср. в стихотворении Блока «Опрокинут, канул в бездну...», которое датируется 10 ноября 1903 г.:

Завтра буду с Соколовым
На извозчике — вдвоем!
Мы Семенова с Смирновым
И с Кондратьевым найдем!

(I, 553)

Три стихотворения Кондратьева и его мифологический этюд «Иксион» были помещены в «Альманахе «Гриф» (М., 1904, с. 114—119).

⁷ См. п. 20, прим. 1.

⁸ Запись Блока, относящаяся к 8 ноября 1903 г.: «Был у Мережковских и в редакции «Нового пути» (ЗК, 55).

⁹ Ср. в письме Блока к Белому от 8 или 9 ноября 1903 г., где упомянута мать Соловьева, О. М. Соловьева: «Сразу я подумал, что тут (т. е. в конфликте «Грифа» и «Скорпиона». — Н. К., А. Л.) замешаны какие-то деньги. «Новый путь» (т. е. З. Н. Гиппиус, в первую очередь, и Д. С. Мережковский, руководители журнала «Новый путь». — Н. К., А. Л.) отрицает это и страшно ругает Грифов <...> Напишите, прошу Вас. Я не верю одной Зип<аиде> Никол<аевне>, потому что имею несчастье знать ее прошлые поступки, напр<имер> с Ольгой Михайловной» («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 59). Более подробно свое отношение к Гиппиус, с ее, как он выражается, «метафизической сплетней» вокруг женитьбы Блока, поэт высказал Белому в письме от 20 ноября 1903 г. (VIII, 68—71).

¹⁰ Ефим Александрович Егоров — секретарь Религиозно-философских собраний, секретарь «Нового пути» с января 1903 по апрель 1904 г.; позже — заведующий иностранным отделом «Нового времени». О нем: «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1973 год.» Л., 1976, с. 47.

¹¹ А. И. Менделеева (1860—1942) — теща Блока, вторая жена Д. И. Менделеева.

¹² Анонимный некролог Вс. С. Соловьеву («Новое время», 1903, № 9926, 22 окт.) «покоробил», по-видимому, Блока своим полным несозвучием отношению С. Соловьева и его собственному к этой смерти.

¹³ П. С. Соловьева.

¹⁴ См. п. 14, прим. 9.

¹⁵ Сочинение Вл. С. Соловьева «Духовные основы жизни» (1884).

¹⁶ Намерение было оставлено.

¹⁷ Блок был на концерте М. А. Олениной-д'Альгейм 30 ноября 1903 г. (ЗК, 58) — Ср. п. 21.

¹⁸ За письмом следует стихотворение Блока «Крыльцо Ее, словно папертъ. . .»

20. СОЛОВЬЕВ — БЛОКУ

23—24 ноября <1903 г.> Москва.

Милый Саша,

я нахожусь в Москве ¹. Сегодня первый раз был в больнице у тети Саши ² и понял, что неразумно было до сих пор к ней не ездить и не обговаривать с ней всего по-человечески. Был на днях у Брюсова, которому делали операции и каждый день причиняют боль, ковыряя где-то внутри лица, между носом и глазами ³. Относительно моего стихотворения «За окошком синеют снега» он заметил, что первые его строфы написаны под влиянием Андрея Белого ⁴. Я узнал, что одна из наиболее талантливых сотрудниц «Северных цветов» Анастасия Минович ⁵ находится «в доме сумасшедших», где Добролюбов ⁶ проводил дни «в свободном славословии».

Читаю повсюду твоё стихотворение «Сижу за ширмой» ⁷ и порчу этим твою репутацию, что мне весьма с руки, ибо мы с тобой занимаемся одной профессией. У бабушки ⁸ провел с приезда два вечера. Занимаюсь алгеброй и Еврипидом. Принимаю души, что весьма полезно для тела. Впечатление такое, как будто несколько палок и кнутов ударяются о спину, живот и т. д., а в ушах свист и шипение, так что «над ними хаос шевелится» ⁹. В результате четыре строчки стихов. Читаю дядю Всеволода.

Приветствую тетю Алю, дядю Франца и Любовь Дмитриевну, карточки которой распространяю среди родных и знакомых. Дядя Витя ¹⁰ спрашивает: «Ну, как тебе нравится *Блочица*?»

Пока я писал письмо, пришел милейший теософ Батюшков и читал мне свою интересную статью по теософии, немогущую появиться в печати, вследствие ее нецензурности ¹¹. Я показал Батюшкову, как человеку опытному, карточку Любови Дмитриевны. Он долго и внимательно смотрел на нее, и наконец вскрикнул «Она что-то знает, но сама не знает, откуда?». Потом зашел разговор о Брюсове, и Батюшков вполне подтвердил, что Брюсов способен раздавить ребенка. Он определил Брюсова так: «Он многое знает, но хочет воспользоваться этим для себя, обратить знания на свою личную пользу, скрыв от других то, что он знает».

Прошу тебя немедленно узнать все, что можно, о Розвадовском и сообщить мне его адрес. Я не хочу верить, что наши с ним отношения кончены. Посвятил ему свое стихотворение «Иосиф», написанное под его непосредственным влиянием ¹². Переписываю папино сочинение о четвертом евангелии ¹³ и готовлю большое стихотворение, заглавие которого «Перед Иерусалимом» ¹⁴. Отыскал свой прошлогодний перевод из книги Стапфера «Jesus Christ» ¹⁵ и пользуюсь им как источником для географии Палестины. Пописываю маленькие стихи < . . . ».

Когда я написал для Л<юбови> Д<митриевны> стихотворение «К Гиппиусу» ¹⁶, то она просила меня подписать, а я забыл. Поэтому прилагаю к письму бумажку, которую ты приклей снизу под стихотворением, купив предварительно *гуммиарабику*.

Л. Д. МЕНДЕЛЕЕВА-БЛОК

Фотография, 1902—1903 гг.

Литературный музей, Москва

В вагоне со мной было странное приключение. Проснувшись и увидев в полусне всклокоченную и седую голову моего соседа, я неистово что-то ему закричал, может быть, весьма непристойное, приняв его за тетю Сену¹⁷. Изумление соседа достигло крайних пределов, когда я быстро проговорил: «Извините, я вас принял за мою тетю». А это был немец, толстый, с большой седой бородой. Вероятно, он подумал, что и меня не мешало бы поместить в «доме сумасшедших». Однако до свидания. У меня скоро экзамены, и я очень боюсь. Сегодня пробовал решать три задачи и не решил ни одной, как это часто со мной бывает.

Для меня стало очевидно, что Гриф заслуживает сочувствия, а Скорпион с ним поступил не по-христиански. Впрочем, какое же христианство у гадов? Странно только, что такая маленькая гадина, как Скорпион, съела большую гадину, как Гриф. Это что-то напоминает сон Фараона¹⁸. . .

Прилагаю стихи и остаюсь Сергей Соловьев

Письмо получено Блоком 26 ноября (ЗК, 57). Год — помета Блока: 1903. При письме — неизданное стихотворение Соловьева «На заре пробудись и взгляни. . .»

¹ С 12 по 16 ноября С. Соловьев был в Петербурге, 14 и 15 ноября он ночевал у Блока (ЗК, 55).

² Александра Михайловна *Марконет* (урожденная Коваленская) — тетка С. Соловьева, старшая сестра О. М. Соловьевой. Блок с женой также навещали ее в больнице во время своего пребывания в Москве (13 января 1904 г. — см.: VIII, 83).

³ Операцию по поводу гайморита Брюсов перенес в четверг 13 ноября — см.: Валерий Брюсов. Дневники, 1891—1910. (М.), 1927, с. 134—135. Сообщая о предстоя-

щей операции, Брюсов писал Андрею Белому: «Мне ужасно жаль, что через это откладывается встреча с С. М. Соловьевым. Завезите его ко мне — проведать больного — после четверга» (ЛН, т. 85, с. 370).

⁴ Этого стихотворения Соловьева мы не знаем.

⁵ В «Северных цветах на 1901 год» были помещены два стихотворения Анастасии Минович (М., 1901, с. 102—103), в «Северных цветах на 1902 год» — ее рассказы «Ящерицы» и «Эльза» (М., 1902, с. 80—83).

⁶ А. М. Добролюбов.

⁷ Стихотворение «Сижу за ширмой. У меня. . .» (I, 294), датированное 18 октября 1903 г.

⁸ Александра Григорьевна Коваленская (1829—1914).

⁹ Имененная цитата из стихотворения Тютчева «О чем ты воешь, ветр ночной? . . .» (1830-е годы).

¹⁰ Виктор Михайлович Коваленский (ум. в 1924 г.) — сын А. Г. Коваленской, дядя С. М. Соловьева; математик, приват-доцент по кафедре механики Московского университета; о нем см.: Андрей Б е л ы й. Между двух революций. Л., 1934, с. 12 — ср. отзыв Блока: VII, 86.

¹¹ О знакомстве Блока с П. Н. Батюшковым см. в наст. томе в разделе «Блок в неизданной переписке и дневниках современников».

¹² По-видимому, речь идет о стихотворении «Иосиф» («Сойдет ли ночь, или денницы. . .»), автограф которого сохранился в бумагах А. Белого (ГБЛ, ф. 25, к. 26, ед. хр. 15, л. 1).

¹³ Эта работа М. С. Соловьева нам не известна.

¹⁴ См.: Сергей Соловьев. Цветы и ладан. М., 1907 с. 19—24.

¹⁵ Речь идет о трехтомном труде французского богослова Эдмонда-Луи Стаффера (1844—1908) «Иисус Христос, его личность; его власть, его дело», напечатанном в 1895—1898 гг. По всей вероятности, Соловьев перевел только часть этого сочинения, в полном объеме составляющего 900 страниц печатного текста. Стафферу принадлежит и специальное исследование по библейской географии.

¹⁶ Этого произведения Соловьева мы не знаем.

¹⁷ П. С. Соловьева.

¹⁸ По библейскому преданию, египетскому фараону однажды приснились «семь коров, хороших видом и тучных плотию» и «семь коров других, худых, очень дурных видом и тощих плотию», и тощие пожрали тучных; приснилось ему также, что семь тощих колосов пожрали семь тучных; по прозорливому истолкованию Иосифа, эти сны предвещали семь лет изобилия, которым на смену пришли семь лет голода — Быт., 41.

21. БЛОК — СОЛОВЬЕВУ

«Санкт»Петербург»ург» 1 декабря—6 декабря 1903.

Милый Сережа.

Вчера вечером мы с Любой истратили порядочно нервов. Был концерт Олениной¹. Со мной делалось сначала что-то ужасно потрясающее изнутри, а после немецких песен я так устал, что с трудом слушал русские². Она пела между прочим «Лесного царя», «Двойника»³ и «Два гренадера». *К счастью*, не было песен и плясок смерти, но была «Детская» Мусоргского⁴. Люба была совсем потрясена, также действовало и на маму. Мы были втроем, и видели тетю Сену⁵, которая с грустью говорила маме, что ты ей не пишешь. Была с Манасеиными⁶. С Олениной что-то делается, когда она поет. Мне кажется, что она не проживет долго. Она кидается глазами на публику. Возвратясь домой, я собирался написать о ней в «Весы», но вместо того вышла рецензия на «Urbī et orbī» в «Новый путь»⁷. Брюсов мучает меня приблизительно с твоего отъезда⁸, ибо тогда я стал читать его книгу. Мне, откровенно говоря, хочется теперь сказать ему какую-нибудь пакость, разумеется, только потому, что обратное плохо говорится. Читать его стихи вслух в последнее время для меня крайне затруднительно, вследствие горловых спазмов. Приблизительно как при чтении Пушкинского «Ариона» или «Ненастный день потух».

6 декабря.

Продолжаю. Начал тебе писать ночью, вне себя от «Urbī et orbī». Бросил и заснул. Не отвечаю тебе долго, потому что очень много дела — штук 10 рецензий, некоторые — к определенному сроку⁹. Сообщу тебе несколько фактов. Я получил от Брюсова очень лестное письмо по поводу моего письма к нему о его книге¹⁰. Вижусь со здешними поэтами, от кото-

рых, в противоположность московским, веет молчанием и холодом. До сих пор не могу оценить этого качества, иногда мне кажется, что это залог будущих действий, а не разговоров. Настроение самое лучшее (у меня), очень деятельное, подвижное, даже без молчания. Хотим непременно приехать в Москву, если будут деньги.

Слова Батюшкова о Брюсове, которые ты мне передал в письме, мне показались настолько важными, что я в ином виде вставил их в рецензию¹¹. Как видишь — на языке до сих пор Брюсов. «Он не змеею сердце жалит, но, как пчела, его сосет»¹². <...>

Фамилия твоя приклеена к твоим стихам. О твоих стихах напишу тебе как-нибудь отдельно, когда упыюсь «Королевной». По-моему, в ней нет подражания Белому. Спешу тебя уверить, что ты мне никогда не представлялся «скромным тружеником», но не пришлось ли тебе быть им относительно задач и экзаменов? — Можно ли писать: «Мальчик на горку уж ввез санки с обмерзлой веревкой»? Ведь это уже написано в «Urbi et Orbi»!»¹³. Не потеряю такой узурпации относительно Брюсова и отомщу тебе кинжалом — в свой час¹⁴. Впрочем, надо полагать, что скоро сам напишу стихи, которые все окажутся дубликатом Брюсова. Пока скажу тебе, что, по-моему, кроме классической «Королевы», лучше всего «Мы шли в последней темноте», «Дымка прозрачного пара» и струнный голос¹⁵. Кончаю письмо, сейчас выйду не без приятности на улицу, где иллюминация. Люба в симфоническом концерте, где поминают Берлиоза¹⁶.

Твой Ал. Блок

Ответ на письмо 20.

¹ Ср. запись Блока, относящуюся к 30 ноября 1903 г.: «Концерт Олениной. Стихотворение «Темная, бледно-зеленая...» посвятить Олениной» (ЗК, 58; об упомянутом стихотворении см. п. 23). — Оленина выступала в зале Санкт-Петербургского Кредитного общества в воскресенье, 30 ноября 1903 г., начался концерт в 8 ч. 30 мин. вечера («Новое время», 1903, № 9964, 29 ноября).

² В программе концерта были произведения Ф. Листа, Р. Шумана, Ф. П. Шуберта (первое отделение) и М. П. Мусоргского (второе). — См. рецензии, напр.: анонимная — там же, 1903, № 9967 (2 декабря); А. К. — «Санкт-Петербургские ведомости», 1903, № 337 (2 декабря).

³ Произведения Ф. П. Шуберта на слова, соответственно, И. В. Гете и Г. Гейне.

⁴ Названы вокальные произведения М. П. Мусоргского на слова А. А. Голенищева-Кутузова.

⁵ П. С. Соловьева.

⁶ Семья детской писательницы, редактора журнала «Тропинка» Натальи Ивановны Манасеиной (1869—1930), с которой П. С. Соловьева состояла в дружеских отношениях.

⁷ Первая рецензия Блока на «Urbi et Orbi» Брюсова была послана Блоком не в «Новый путь», а в начавший выходить с 1904 г. журнал «Весы»; Брюсов, фактический руководитель «Весов», не считал возможным напечатать рецензию из-за ее восторженного, лирически-приподнятого тона. Рецензия была опубликована уже после смерти Блока — см.: V, 532—534, 771. Для «Нового пути» Блок написал вторую, более сдержанную рецензию на книгу Брюсова, которая была опубликована в № 7 журнала за 1904 г. (написана в начале мая 1904 г.; см.: V, 540—545, 772—773).

⁸ С. Соловьев выехал из Петербурга в Москву 16 ноября.

⁹ Рецензии, предназначенные для январского номера «Нового пути» за 1904 г. В нем были помещены три рецензии Блока (см.: V, 528—532).

¹⁰ 26 ноября 1903 г. Блок отправил Брюсову письмо с восторженным отзывом об «Urbi et Orbi» (VIII, 72). Ответное письмо Брюсова, в котором он благодарит Блока за оценку книги и выражает мнение о его стихах, см. в наст. томе публикацию переписки Блока с Брюсовым.

¹¹ Ср. с приводимыми С. Соловьевым в п. 20 словами П. Н. Батюшкова слова в рецензии Блока о «важнейшей черте книги»: «что-то начатое должно быть окончено мной без участия других — близких ли, далеких ли?» (V, 533).

¹² Из стихотворения Тютчева «Не верь, не верь поэту, дева...»

¹³ Блок цитирует стихотворение Соловьева «Утро. К окну прилети...»

Мальчик на горку уж ввез
Санки с обмерзлой веревкой.

«Не отморозь себе нос...»

Экий неловкий!

В снеге валяться нельзя!»

Блок, несомненно, сопоставляет стихи Соловьева со стихотворением Брюсова «Мальчик» («В бочке обмералой вода колыхается. . .») из раздела «Картины», «Urbi et Orbi» (В. Брюсов, Собр. соч., в 7 томах, т. 1. М., 1973, с. 330); в более широком смысле Блок говорит о брюсовской установке на поэтический прозаизм, сильно повлиявшей и на развитие поэтики самого Блока.

¹⁴ Намек на последнюю строку стихотворения Брюсова «Андрею Белому» («Я многим верил до иступленности. . .»): «И мстил неверным в свой час кинжалом».

¹⁵ Можно предположить, что «Королевна» — это стихотворение «За окошком синее снега. . .» (ср. отзыв о последнем Брюсова — п. 20 — и утверждение Блока в настоящем письме независимости «Королевны» от Андрея Белого). Приводим три упоминаемых в этом и других письмах стихотворения Соловьева по рукописи из его архива (ЦГАЛИ, ф. 475, оп. 2, ед. хр. 3, л. 4, ед. хр. 4, лл. 1—1 об.).

* * *

Золотой качался колос,
Гасли облака. . .
Небо гасло. Струнный голос
Звал издалека.

И раздавленной лежала
Древняя змея,
Тело билось и дрожало,
Блекла чешуя.

Золотой качался колос. . .
Ночь была близка.
Замирая, струнный голос
Звал издалека.

1903. Август.

(Посвящается Б. Бугаеву)

Дымка прозрачного пара,
Вымыты белые чашки.
Дремлет вблизи самовара
Мальчик в матросской рубашке.

Мальчик сидит не тревожен
С кроткою девочкой рядом.
Хлеб по корзинам наложен,
Ваза стоит с виноградом.

Дети устали немножко,
Верно, езда закачала. . .
Ночь в небольшое окошко
Вдруг постучала.

Кто там стоит на пороге?
Думать об этом не надо.
Вам показалось с дороги. . .
Тихо сияет лампада.

Там зашептались тени.
В темном углу, точно в сказке.
Руку сестре на колени
Брат положил в тихой ласке.

Тихо сияла икона
В розовом свете лампадки.
Что вы так смотрите сонно?
Верно пора вам в кровати?

Дети спокойно сидели,
Нежно прижавшись друг к другу,
Тихо и сонно глядели
Слушали зимнюю вьюгу.

* * *

Мы шли в последней темноте,
Далекий путь белел в тумане. . .
Уже на огненной черте
Свивались траурные ткани.

Не знали мы, что ждет нас там,
Какие сбудутся надежды,
Какие новым божествам
Готовы новые одежды.

Иль суждено нам изнемочь,
Не перейдя заветной грани?
Редела мгла, светлела ночь,
Свивались пурпурные ткани.

¹⁸ 24/11 декабря 1903 г. исполнялось сто лет со дня рождения Г. Берлиоза (1803—1869), в Петербурге состоялись памятные концерты; однако уточнить, что за концерт имеет в виду Блок, нам не удалось.

22. БЛОК — СОЛОВЬЕВУ

〈Петербург. 20 декабря 1903 г.〉

Милый Сережа.

К тебе и стихам твоим я чувствую глубокую нежность. Люба необыкновенно точно представляет, как ты читаешь «Королеву» ¹. Настолько близко, что мне стало «чуть-чуть страшно», как говорится в Писании («Симфония» 1-ая героическая) ². В эту минуту я вдруг опять вспомнил все прошлогоднее с новой силой. Очень и слишком часто приходит в голову эти дни, что было бы теперь, как было бы, если бы все осталось по старому.

Долго, долго по балкону
Я хожу в вечерней мгле.
Ночь ползет по небосклону
И спускается к земле ³.

Все перемены жизни, и мои лично, и твои, и наши, и те, и другие, и еще, и еще. . . все обвили меня белой пеленой, обязали к *чему-то*. Все, что было, отрезало пути к отступлению в детство жизни. И это прекрасно, и к лучшему. Прежде *когда-то* мне удавалось прожить твою строфу:

Тревога жизни отзывчала
И замирает далеко.
Змеиной страсти злое жало
В душе уснуло глубоко ⁴.

Теперь я почти поручусь, что это когда-то стоящее рядом, навсегда остановилось в воспоминании только, и я бессилён понять такую близкую минуту. Тем более, мне издали поется это каждый день теперь. И рядом с этим, например, Врубель, который меня затягивает и пугает реально, особенно, когда вспомнишь, что с ним теперь ⁵.

Еще одна разгадка твоих стихов: они требуют отдельного «настроения». Кроме того, часто требуют твоего голоса. Они не гибки, или, выражаясь чисто современным декадентским языком, не «изысканны». То же самое в стихах Владимира Соловьёва: они требуют любви, а не любовь — их. Когда им отдашь любовь, они заполнят годы жизни и ответят во сто раз больше, чем в них сказано. Может быть, заполнят и целую жизнь. Твои стихи (хотя далеко не все) тоже необходимо полюбить через кого-нибудь: иногда — через твой голос, через однозвучность и скандированье, а иногда — через собственную мысль или собственный образ, перехваченный по дороге. Тогда «Королевна» говорит во сто раз больше, чем сказано словами. Также — «Мы шли в последней темноте» и «Золотой качался колос». Эти три — самые любимые мной — из последних. «Дымка прозрачного пара» ещё под сомнением, там ужасно портит чередование настоящего и прошедшего времени (даже perfectum и imperfectum), — и еще кое-что, что я тебе говорил, особенно — «Брат положил в тихой ласке».

«Королеву» (я для краткости) я читал на днях Семенову (автору драмы и стихов в «Новом пути») ⁶ и Смирнову (постоянному сотруднику «Нового пути») ⁷; оба — студенты и поэты. Они отнеслись равнодушно. По этому поводу мне приходит в голову нечто о прерафаэлитстве (ибо ты к нему

в последнее время, кажется, близишься, в противоположность мне, удаляющемуся; «Королеву» я нахожу в большой степени прерафаэлитской). Оно не может быть забыто теперь, но оно не к лицу нашему времени. Лицо искажено судорогой, приходит постоянное желание разглаживать его морщины, но они непременно опять соберутся. Это чересчур просто сказано у меня, но я не чувствую надобности усложнять, потому что это действительно просто до угнетения. Потому же особенно ясно, что теперь именно труднее всего рассказать другому свой самый светлый сон (это отчасти говорит Гиппиус в предисловии к «Собранию стихов») ⁸. Чтобы его поняли, нужно чтобы любили, а так как все заняты своим делом, — то современнее (более ли *вечно* — не знаю) действовать кинжалом, как Брюсов ⁹, как Врубель.

Скоро для поэзии наступят средние века. Поэты будут прекрасны и горды, вернутся к самому обаятельному источнику чистой поэзии, снизут нити из всех жемчугов — морского дна, и города, и ожерелья девушек каждой страны. Мне кажется возможным такое возрождение стиха, что все старые жанры от народного до придворного, от фабричной песни до серенады — воскреснут. Но при этом повторится и кочевая жизнь с оружием в руках и под руками, стилеты под бархатными плащиками, целая жизнь пажы или трубадура, или крестового рыцаря, или дуэны, или «дамы сердца» — всех в целостности и полной индивидуальности — на всю жизнь. Это как реакция на место богословия, с одной стороны, вздыхающей усталости — с другой. Сологуб и сквозь усталость увидал звезду Маир, реку Лигой, землю Ойле ¹⁰. Что же мы-то, желающие жизни? Я лично хочу, сойдя с астрологической башни, выйти потом из розового куста и спуститься в ров непременно в лунную голубую траву, пока не появился в зеркале кто-нибудь сквозь простыню. Трудно будет с моими «восковыми чертами» ¹¹, но тем не менее попробую. А пока я болен (простудился) и сижу дома. У мамы — головные боли, у дяди Франца — флюс. О Любе не говорю, чтобы не слезать. Пожалуйста, напиши о себе.

У меня к тебе одна нескромная просьба. Скажи пожалуйста, живет ли у тебя кто-нибудь? Дело в том, что у меня тайное желание ночевать у тебя, когда мы будем в Москве. Люба должна остановиться у своих родственников, которые очень милы, но тем не менее мне бы очень хотелось самому не стеснять их и быть в отношении к ним не слишком в зависимости, чтобы осталось больше времени на мистическую Москву. Предупреждаю тебя, что: 1) ты прежде всего *должен* совершенно обдуманно и искренно сообщить мне, помешаю я тебе или нет; 2) что мы не наверное поедим в Москву; 2) что, если поедим, рассчитаем так, чтобы, проведя дней десять, быть в Москве в день 16 января ¹², притом лучше, чтобы этот день оказался одним из последних дней пребывания в Москве; 4) что я *могу* остановиться у Любиных родственников, которые даже приглашают меня, и обращаюсь к тебе скорее по собственному капризу.

Напиши, мой милый, целую тебя и обнимаю крепко. Все мы тебя любим.

Твой Ал. Блок

Вот два последних стихотворения ¹³.

Пришли мне твои последние стихи.

20 декабря 1903 г. Петербург

¹ См. п. 21, прим. 15.

² Ср.: «Летел на меня кентавр Буцентавр <...> улыбался молниевой улыбкой... чуть-чуть страшной» (Андрей Белый. Северная симфония (1-я героическая). М., «Скорпион», 1904, с. 13).

³ См. п. 17, прим. 8.

⁴ См. там же.

⁵ Намек на симптомы психического заболевания М. А. Врубеля, впервые обозначившиеся весной 1902 г. Лето, осень и часть зимы Врубель провел в психиатрической клинике в Москве (см.: «Врубель. Переписка. Воспоминания о художнике». Л., 1976, с. 335).

⁶ В «Новом пути» были опубликованы драма Л. Д. Семенова «Около тайны» (1903, № 5, с. 1—33) и цикл его стихотворений (ср. п. 23, прим. 1).

⁷ Александр Александрович Смирнов (1883—1962) — университетский товарищ Блока, впоследствии — литературовед, специалист по европейским литературам Средневековья и Возрождения, профессор Ленинградского университета. Его заметки и рецензии постоянно печатались в «Новом пути» с апреля 1903 г.

⁸ Ср. заключение З. Н. Гиппиус в предисловии «Необходимое о стихах»: «Виноваты ли мы, что каждое «я» теперь сделалось особенным, одиноким, оторванным от другого «я» и потому непонятным ему и ненужным? Нам, каждому, страстно нужна, понятна и дорога наша молитва, нужно наше стихотворение — отражение мгновенной полноты нашего сердца. Но другому, у которого заветное «свое» — другое, непонятна и чужда моя молитва. Сознание одиночества еще более отрывает людей друг от друга, обособляет, заставляет замыкаться душу. Мы стыдимся своих молитв и, зная, что все равно не сольемся в них ни с кем, — говорим, слагаем их уже шепотом, про себя, намеками, ясными лишь для себя» (З. Н. Гиппиус. Собр. стихов 1889—1903 г. М., «Скорпион», 1904, с. III; книга вышла в свет в октябре 1903 г.).

⁹ См. п. 21, прим. 14.

¹⁰ Образы «далекого мира» из стихотворного цикла Ф. Сологуба «Звезда Маир» (Ф. Сологуб. Собр. стихов, кн. III и IV. 1897—1903 г. М., «Скорпион», 1904, с. 57—60; книга вышла в свет в октябре 1903 г.). Блок очень ценил этот цикл. Сохранилась его надпись на «Стихах о Прекрасной Даме» (1904): «Федору Кузьмичу Сологубу — автору Звезды Маир — Утешения — Сказок в знак глубокого уважения и благодарности» (приведено М. И. Дикман в примечаниях к кн.: Ф. Сологуб. Стихотворения. Л., 1975, с. 599).

¹¹ См. п. 16, прим. 3.

¹² Годовщина смерти М. С. и О. М. Соловьевых.

¹³ Приложены рукописи стихотворений «Мне гадалка с морщинистым ликом. . .» и «Плачет ребенок. Под лунным серпом. . .». См. наст. кн., с. 235.

23. СОЛОВЬЕВ — БЛОКУ

«Москва. 24 декабря 1903 г.»

Милый Саша,

Сегодня я получил твое письмо. Узнав, что Семенову не понравилось мое стихотворение, я преисполнился чувством негодования против него, тем более, что изо дня в день собирался написать тебе самую свирепую критику его стихов. Особенно поразил меня загадочный образ «тетки, собирающей васильки»¹. Очевидно, эта тетка должна соответствовать «матери варящей черешни», но на деле она приводит на память мать, «уходящую под портик»². В общем Семенов довольно бесцветен и напоминает «смесь г. . .» с недоумением.

Я приобрел «Только любовь»³ и нашел много хорошего; особенно: «Есть в русской природе усталая нежность», «Влад. Соловьев», некоторые строчки в «Гимне солнцу», «Возвращение», две первые строфы в «Ручейке», «Разлученные», «Птички», «У моря ночью» и особенно «Прилив». Это стихотворение отличается от прочих цельностью, чеканкой формы, особенно последняя строфа, которая прямо совершенна <. . .>

Твой отзыв о сущности моих стихотворений, мне кажется, неверен, ибо односторонен. Поговорим об этом при свидании. «Магдалина», мне кажется, именно «изыскана»⁴. А последние стихи и подавно. Много пишу и не хочу посылать, а читать тебе в Москве. Что вы не приедете в Москву — я слышать не хочу.

В ответ на ваше гостеприимство прямо говорю: и не воображай у меня останавливаться! Если хочешь, остановись в квартире Марконет. Там, вероятно, завелись привидения, но авось на твоё счастье, будут вести себя сдержанно. Во всяком случае ты — «обстрелянный»⁵.

Из твоих последних стихов⁶ мне очень понравились «Темная, бледно-зеленая» и «Ты больна прозрачной белизной»⁷. «Роковая цыганка» не нравится⁸.

«Фабрика» — так себе. «Плачет ребенок» нравится местами. Вторая строфа превосходна, третья тоже. . . Э, да как стал разбирать, все хорошо кроме: «к познанию, к молчанью» и «ожиданию», «дыханию»⁹.

Моя «Королевна» мне самому нравится, хотя меньше «Магдалины»; ну а «Золотой колос» — не очень. Это стихотворенье коряво.

Брюсов заметил, что из-за твоей свадьбы подняли «слишком много шума». Мне совсем перестало нравиться стихотворение «Откровенный шумный свиток», слишком многим оно нравилось¹⁰.

Брюсов не понимает шуток. Кажется, он обиделся, когда я заметил, что не ожидал, что Валерий Яковлевич во время твоей свадьбы в растрепанном виде прибежал в Тараканово¹¹, бесновался у дверей, прильнув на этот раз к болтам, и пропечатал обо всем этом в сборнике¹².

Сегодня я сдал русский экзамен, причем учитель спрашивал очень долго и вытянул всю душу. Я отвечал хорошо, только в баснях путался и на слово учителя: «а еще?» произносил мычащие звуки среди гробовой тишины и наконец выговаривал: «Лев на воеводстве». А учитель поправлял «не лев, а слон. А еще?»¹³. И опять тишина, и опять мычание.

По математике получил двойку и три четверки. Одним словом, все обстоит как следует. Теперь остается пустяк: немецкий экзамен после праздников. Все трудное отделал.

У Коваленских похоже на ад. Дядя Витя в состоянии близком к безумию или к самоубийству. Каждый день он ко мне приходил, и я его успокаивал. Бегал, чтобы уладить его дела. Имел аудиенции у незнакомых людей, где говорил с цитероновским красноречием. В результате я должен был принести дяде Вите известие, относительно которого он мне сказал накануне: «Этого я не выдержу. Или умру, или сойду с ума». Едва я вошел в переднюю, дядя Витя, бледный, с горящими глазами, стоит у дверей и гробовым голосом говорит: «Да или нет?» Я отвечаю: «нет». Тогда дядя Витя с криком выбегает с свой кабинет и затворяет дверь. Я жду, что сейчас раздастся выстрел. Все-таки удалось немного его успокоить и взять с него обещание, что он будет сдержан¹⁴. Во время этого разговора дядя Витя походил на тетю Сашу¹⁵. Вероятно, тети Вера и Маруся¹⁶ собираются меня окончательно возненавидеть за сочувствие дяде Вите. Я очень рад. Они думают, что после папиной смерти им из «Соловьевского угла» больше не будет неприятностей. Вот и ошиблись¹⁷. Когда вы приедете, во-первых, Любочка подвергнется строгой критике, заочно. Это будет значить, что я помогал дяде Вите.

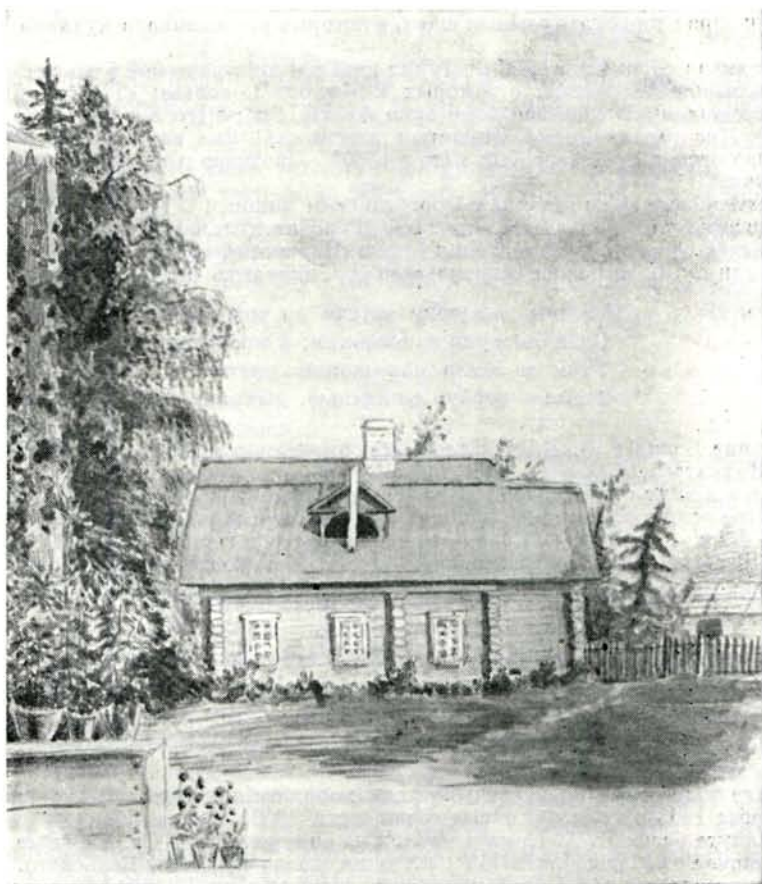
Дядя Коля¹⁸, вероятно, приедет на днях, и извозчик услышит: «Претерпевый до конца спасется»¹⁹, а дядя Витя, пожалуй, не претерпит до конца. Впрочем, я верю, что он с собой справится. Тетю Алю и дядю Франца приветствуй. Милую Любочку от меня целуй и передай ей, что моя к ней любовь скоро примет определенно греховный оттенок, и Коваленские скажут: «этого давно надо было ожидать», а бабушка будет делать вид, что ничего этого нет²⁰.

Тогда я усиленно стану бранить твои стихи, и в обществе будут шептать: «это он из ревности». А самый злой язык скажет: «Ну, хороша Любовь Дмитривна! Двух поэтов подцепила!».

А когда Любовь Дмитривна явится к моему гробу, украшенному венком с надписью: «Какой светильник разума угас»²¹, то скажут: «вот видите!» Однако начертанная мною картина столь привлекательна, что у меня явилось желание, дабы все это случилось. Однако я дьявольски заболтался. Непременно приезжайте. Я жду вашего приезда, как в детстве ждал подарка. Замираю от удовольствия при мысли, что сведу вас с Бугаевым, Кобылинским, Рачинским²² и т. д. А главное: Любовь Дмитривна будет у меня пить чай! Пим-пам-пам! Тралили-лилю! Ой, как хорошо!

Сергей Соловьев

Р. С. Недавно крестил ребенка с дочерью министра Боголепова²³ «Куда эгот Соловьев метит?»

ДЕДОВО. ФЛИГЕЛЬ

(Здесь бывали Вл. С. Соловьев, С. М. Соловьев, А. Белый и Блок)

Акварель С. Г. Карелиной, 1900-е гг.

Литературный музей, Москва

¹ Имеется в виду цикл из десяти стихотворений Л. Д. Семенова, напечатанный в «Новом пути» (1903, № 11, с. 143—154). Заключительные строки входящего в него стихотворения «Я шел с нею рядом. . .»

Даже тетка и та отставала:
Она собирала в тот день васильки.

² См. начало «Новогреческой песни» Козьмы Пруткова («Сочинения Козьмы Пруткова». М., 1955, с. 70):

Спит залив. Эллада дремлет.
Под портик уходит мать
Сок гранаты выжимать. . .

³ Книга К. Д. Бальмонта «Только любовь. Семицветник» (М., «Гриф», 1904) вышла в свет в начале ноября 1903 г. Далее называются входящие в нее стихотворения.

⁴ По-видимому, речь идет о стихотворении Соловьева «Мария Магдалина» («Чья это песня во мраке доносится. . .»), позже вошедшем в его книгу «Цветы и ладан» (М., 1907).

⁵ Пустовавшая тогда квартира семьи Марконет (А. М. Марконет — тетка С. Соловьева) на Спиридоновке, где Блоки и останавливались в их приезд в Москву в январе 1904 г. Судя по «Воспоминаниям» Соловьева, в его семье многие были убеждены в том, что в доме Марконетов «завелись привидения» после смерти его хозяина, А. Ф. Марконета. Летом 1901 г. Соловьев провел там ночь, о которой вспоминал: «Я чувствовал себя переутомленным: на диванчике, в гостиной, где стоял когда-то гроб дяди Саши, спалось плохо.

Ночью в коридоре я как будто слышал шаги, о которых рассказывала кухарка Марья». — Ср. п. 28 и 29.

⁶ Из архива Соловьева в ГЛМ поступил двойной лист почтовой бумаги с автографом четырех стихотворений Блока, о которых и говорит Соловьев: «Темная, бледно-зеленая. . .»; «Фабрика» («В соседнем доме окна желты. . .»); «Что с тобой — не знаю и не скрою. . .»; «Мне гадалка с морщинистым ликом. . .». См. наст. кн., с. 236.

⁷ Вторая строка стихотворения «Что с тобой — не знаю и не скрою. . .» — см. предыдущее прим.

⁸ Стихотворение «Мне гадалка с морщинистым ликом. . .» (см. прим. 6) названо по его последней строке в начальном варианте: «Роковая цыганка моя» (I, 626).

⁹ Соловьев говорит о стихотворении Блока «Плачет ребенок. Под лунным серпом. . .» (См. п. 22, прим. 13), выражая недовольство его четвертою строкой:

Бледные девушки встали из трав.
Подняли руки к познанию, к молчанью.
Ухом к земле неподвижно припав,
Внемлет горбун ожиданью, дыханью.

¹⁰ См. п. 13.

¹¹ Венчание Блока и Л. Д. Менделеевой состоялось в церкви села Тараканово, недалеко от Шахматова.

¹² Имеется в виду стихотворение Брюсова «Младшим» («Они Ее видят! Они Ее слышат! С невестой жених в озаренном дворце! . . .»), обращенное к «младшим» символистам-мистикам — Блоку, Белому, С. Соловьеву (Валерий Б р ю с о в. *Urbi et Orbi*, с. 167). С. Соловьев шутливо связал со свадьбой Блока его заключительные строки:

Дойдя до ворот, на железные болты
Горячим лицом прикипаю — и жду.
Там, там, за дверьми — ликование свадьбы,
В дворце озаренном с невестой жених!
Железные болты сломать бы, сорвать бы! . .
Но пальцы бессильны и голос мой тих.

Стихотворение было написано до свадьбы Блока: оно опубликовано под заглавием «За оградой» в апреле 1903 г. («Ежемесячные сочинения», 1903, № 4, с. 242).

¹³ Упомянута басня И. А. Крылова «Слон на воеводстве». — Ср. в письме Соловьева к Т. А. Рачинской от 22 декабря 1903 г.: «Сегодня сдавал экзамен у Бельского, и он спрашивал меня ужасно много. Я знал почти все, только басни Крылова путал» (ЦГАЛИ, ф. 427, оп. 1, ед. хр. 3222).

¹⁴ Возможно эту ситуацию имеет в виду А. Белый. (Андрей Б е л ы й. Между двух революций, с. 16, ср. с. 15: «Приоткрывались семейные тайны; несло разбитыми жизнями»).

¹⁵ А. М. Марконет.

¹⁶ Вера Владимировна Коваленская (урожд. Конщина) — жена В. М. Коваленского — и Мария Викторовна Коваленская — их дочь.

¹⁷ Ср. в записи мемуариста: «Сережа мне клялся: — Кровь Коваленских во мне — упадок; доброе — от Соловьевых; от Коваленских — большие фантазии чувственности, которые должно замаливать» (Андрей Б е л ы й. Между двух революций, с. 16; тут же сам Белый последственность Коваленских распространяет и на линию А. А. Блок — Кублицкая-Пиоттух — Блок).

¹⁸ Николай Михайлович Коваленский — дядя С. Соловьева, брат В. М. Коваленского, председатель Виленской судебной палаты.

¹⁹ Контаминация славянского и русского переводов слов Христа: «Претерпевый же до конца, той спасен — будет» и «претерпевший же до конца спасется» (Евангелие от Матфея, X, 22).

²⁰ Ср. в воспоминаниях А. Белого об А. Г. Коваленской: «Но мне претили: <...> несение «чести рода», переходящее в сделки с совестью; то, что она не желала видеть, она — не видела; и, стоя перед коровьей лужей, сказала б, вздохнув: «Здесь пахнет розами» (А. Б е л ы й. Между двух революций, с. 17).

²¹ Из стихотворения Н. А. Некрасова «Памяти Добролюбова» («Суров ты был, ты в молодые годы. . .»).

²² О Г. А. Рачинском см. ниже.

²³ Николай Павлович Боголепов (1847—1901) — юрист и государственный деятель, с 1898 г. — министр народного просвещения.

24. БЛОК — СОЛОВЬЕВУ

«Петербург. 28 декабря 1903 г.»

Милый Сережа, поздравляю тебя¹. Твое письмо произвело на меня сразу довольно тяжелое впечатление. Если удастся, мне хотелось бы с тобой поговорить о разном. Утешаюсь тем, что мои стихи с арлекинами и т. п. обыкновенно пишутся мной по случаю рождения и именин ближайших родственников. Потому, это мне знакомо. К тому же в последнее время я часто чувствую какую-то угнетенность и даже желание «развлечься»². У нас была елка с подарками. Присутствовали: мама, тетя Маня³ и дядя Франц. Если поедem в Москву, то, вероятно, около 7 января⁴.

Твой Ал. Блок

28/XII 1903. «Петербург».

Ответ на письмо 23.

¹ Поздравление с рождеством.² По всей вероятности, Блок имеет в виду опыты бытовых арлекинад и масок (в сублимированном виде определявших и многие черты литературной поэтики «младших символистов» — Белого, Соловьева, Блока, из «старших» — Брюсова), что было вызвано ощущением собственной чуждости жизненной, даже семейной среде.³ М. А. Бекетова.⁴ Блоки приехали в Москву утром 10 января 1904 г. и остановились в квартире Марконетов. В тот же день они встретились с Соловьевым и лично познакомились с Андреем Белым.

25. СОЛОВЬЕВ — БЛОКУ

«Москва. 14 января 1904 г.»

Заходил в 3 часа пополудни и не застал никого. Тем не менее, необходимо вас увидеть в близком будущем и сговориться относительно свидания с бабусей, которое желательно было бы устроить завтра¹. Постараюсь завтра притти пораньше. Надо поговорить относительно графа: у меня явились новые комбинации². Занимаюсь Вергилием и геометрией, и дело идет на лад. Собираюсь купить «четки» и «вздеть рясу и клобук»³, а также потащить вас обедать в «Славянский базар», имеющий мистическое значение⁴.

Ὁ σκάνδαλα ἀεὶ ποιεῖς καὶ ἐντὶ κόνην τὰς χαλὰς γυναικας ἀδικῶν.⁵

На обороте записки — помета Блока: 1904, в Москве. Датировка определяется на основании блоковских записей: 14 января Блоки, с утра ездившие (без Соловьева) в Донской монастырь, а затем обедавшие у Тестова одни, с Соловьевым встретились только вечером; тогда и определились сроки тех посещений, о которых идет речь в письме, так как 14 и утром 15 января Блок сообщал об них матери (VIII, 84—85; ЗК, 59).

¹ У А. Г. Коваленской Блоки были 18 января (VIII, 86).² Имеется в виду А. И. Розвадовский.³ Возможно, слова, взятые Соловьевым в кавычки, представляют собой аллюзию к образу монахини Новодевичьего монастыря из «Симфонии» Белого: «Неподвижная, как изваяние, она стояла в черном клобуке, и в воздетых руках виднелись вечные четки» — Андрей Белый. Симфония (2-я, драматическая). М., 1902, с. 197. Для времени пребывания Блоков в Москве, с неоднократным посещением соловьевских могил в Новодевичьем, такая реминисценция характерна. — Символичность этого образа из «Симфонии» для Блока видна по его письму к Белому от 3 января 1903 г., где он спрашивает: «Есть ли эта последняя музыка — яблоня, обсыпаящая монашку белыми цветами забвения (2-я Симфония, 4 часть) <...>?» (VIII, 54).⁴ Ср. в письме Блока к матери от 14—15 января 1904 г.: «Скоро будем обедать в «Славянском базаре» <...>, где происходил роман Владимира Сергеевича Соловьева и Софьи Петровны Хитрово и где Соловьевы (братья и Ольга) собирались в важных разговорах» (VIII, 85). — Вл. С. Соловьев в последние годы жизни обычно останавливался в «Славянском базаре», когда наезжал в Москву.⁵ «Соблазны (игра слов, т. к. заимствованное слово «скандал» соответствует тому же греческому и латинскому слову, что и «соблазны». — Н. К., А. Л.) всегда творящий и на конке нехороших женщин обижаящий» (греч.). — Соловьев отсылает к эпизоду, так опи-

санному Блоком в письме к матери: «12-е, понедельник. Утром приходит Сережа. Мы втроем едем на конке в Новодевичий монастырь. Сережа кричит на всю конку, скандалит, говоря о воскресении нескольких мертвых на днях, о том, что антихрист двинул войска из Бельгии. Говорим по-гречески. Все с удивлением смотрят <. . .> Возвращаемся не без прежних скандалов в город» (VIII, 82—83).

26. СОЛОВЬЕВ — БЛОКУ

«Москва. В ночь с 22 на 23 января 1904 г.»

Милый Саша,

Среди ночи, во время неспанья от сильной зубной боли, мне внезапно пришла в голову важная мысль: не говорите завтра у Коваленских, что я простудился¹. Если вы это сообщите, то может случиться, что бабушка придет вечером справиться о моем здоровье, а между тем мне необходимо беседовать с вами наедине, хотя бы дело шло только о «борще»².

Жар у меня самый маленький: 37,1. А вот зубная боль — неожиданное свинство, боюсь, что не отпустит до утра. Для развлечения мечтаю о том, как буду умирать в Шахматове и пошлю телеграмму Бугаеву, чтобы он приезжал. Подробности завтра за обедом.

Сергей Соловьев.

На обороте рукой С. Соловьева: «Александру Александровичу Блоку. Прошу читать без отлагательства». Датируется по содержанию следующей записи Блока, относящейся к 23 января: «С утра — визиты: тетя Саша, Бугаев <. . .> Обедали и вечером — у Сережи (с Бугаевым)» (ЗК, 59), хотя на письме — помета Блока (ошибочная): 1903.

¹ С. Соловьев заболел скарлатиной. 24 января (в день отъезда из Москвы) Блок написал: «у Сережи — скарлатина» (ЗК, 60). Ср. воспоминания Белого: «Сережа <. . .> раздувая все более пафосы к идеологии с Блоком <. . .> под северным ветром, схватив скарлатину, внезапно свалился в постель» (Андрей Белый. Начало века, с. 303).

² Это был намеченный заранее «конфиденциальный, последний» (VIII, 87) вечер Блока с С. Соловьевым.

27. БЛОК — СОЛОВЬЕВУ

29/I—1904 г. «Санкт-Петербург»

Милый Сережа!

1) По дороге к Николаевскому вокзалу¹ мы с Любой ясно поняли, почему твоя скарлатина — болезнь мистическая: она прикует тебя к одру на время пребывания в Москве Мережковских, которым ты при случае не затруднился бы нанести физические повреждения²; между тем последние (повреждения) должны притти как следствие нравственных, которыми они уже страдают, в чем я сомневаюсь менее, чем когда бы то ни было, под влиянием *Москвы вообще*, тем более что:

2) Приехав в Петербург, я нашел на столе *письмо от графа*, которое передаю тебе целиком. Вот оно³:

«адрес: Autrich, Dalmatie
Raguza.

poste restante.

23/I 1904

Многоуважаемый А. . . А. . .

L'homme propose, Dieu dispose *. К сожалению, нам не пришлось увидеться. Случилось так, что я покинул Петербург и, вероятно, навсегда. Петербурга я не люблю, и мне его не жаль. Слишком в нем много холода, слишком много эгоизма. А я все искал в людях сердца. — Однако сохранились и приятные воспоминания. Мы познакомились с вами очень недавно, тем не менее с величайшим удовольствием я вспоминаю теперь наши длинные разговоры и прогулки в светлые майские вечера. — И вот теперь

* Человек предполагает, а бог располагает (*франц.*).

я пишу Вам, чтобы у нас не порывались отношения с Вами. О себе я не имею ничего почти сообщить, разве только, что Запад мне гораздо более по душе, чем Восток.

Здоровье мое было довольно плохо, так что меня повезли на юг. Теперь с матерью и сестрой мы находимся в Рагузе. Какой прелестный уголок! Через месяц едем в Рим. Здесь я ничего не делаю, отдыхаю, целыми часами греюсь на солнце на берегу моря и наслаждаюсь. О себе больше нечего рассказать. Зато с величайшим нетерпением буду ожидать известий от Вас; меня живо интересует все, что делается в Петербурге, особенно в известном направлении. Итак, что делает «Новый путь», что Мережковские, что Розанов и их последователи? Расширяется ли власть тьмы?

Скажите пожалуйста, Сережа Соловьев в Петербурге ли? Он, кажется, намеревался приехать. Кланяйтесь ему от меня, о нем я сохранил наилучшее воспоминание. Пишите, пожалуйста, обо всем, все меня интересует, и что особенно, это Вы более меня знаете. Правда ли, что в Петербурге обнаруживается некоторое тяготение в Западу, мистическое. Это крайне меня интересует. Прощайте, дорогой Ал. Ал., как здоровые Любови Дмитриевны! Дай бог счастья ей и Вам, от души желаю Вам этого. — А. Розвадовский».

Переписал буквально. Еще не отвечал. Да поможет это тебе переносить скарлатину. Кланяйся от нас Александре Степановне и Варе⁴. Люба кланяется и желает тебе поправиться.

Твой Ал. Блок

¹ Николаевский вокзал в Москве, откуда отправлялись поезда на Петербург. Блок с женой уехали из Москвы домой вечером 24 января.

² Отношение Соловьева к Мережковским в это время характеризует следующий эпизод пребывания Блоков в Москве: «Обсуждались «Весы», пробный номер которых с портретами Брюсова, Гиппиус тут же лежал; Соловьев, ненавидевший Гиппиус, вырвав портрет поэтессы со свойственной ему способностью все доводить до конца, ставя даже не точки над «и», а огромные дыры, колом пробиваемые (он шутил монструозно), топтал каблучищем портрет поэтессы — во славу супруги поэта «т. е. Л. Д. Блок» — (потом с Гиппиус дружил); Блок, отметив единственность Гиппиус, иронизировал над ее слабостью: «ссорить людей» (Андрей Белый. Начало века, с. 291). В Москве, под впечатлением «всего, что здесь лучшее и самое чистое» (VIII, 88), в Блоке крепнет неприятие Петербурга и его людей (от которых «ничего не жду, кроме литературных разговоров в лучшем случае и пошлых издевательств или «подмигиваний о другом» — в худшем». — Там же); отсюда меняется и тонус высказываний о Мережковских: от «сдержанного юмора», с каким «он излагал свои домыслы о Мережковских» (Андрей Белый. Начало века, с. 291), и защиты «единственности» Гиппиус к признанию матери в письме от 14—15 января: «Видеть Мережковских слишком не хочу. Тоже всех петербургских «мистиков»-студентов» (VIII, 88); и наконец — к резкости комментируемой фразы. — Ср. юмористические стихи Соловьева при письме 28.

³ Оригинал этого письма сохранился в архиве Блока (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 381). Кроме того, сохранилось еще одно письмо А. И. Розвадовского к Блоку, посланное из Неаполя 14 марта 1904 г.; из его текста можно составить некоторое представление о содержании письма Блока, отправленного в ответ на письмо Розвадовского, сообщенное им С. Соловьеву. «... Отсюда едем в Рим, — извещал Розвадовский. — Подумайте, какое счастье! Впрочем, не знаю, разделяете ли Вы мое мнение, не знаю, испытывает ли Вы обаяние Рима. Вы говорите, что на мой коренной вопрос о тяготении к Западу Вы не можете ответить: или не понимаете его, или не осведомлены. Однако это вопрос действительно важный, который живо меня интересует. Буду говорить ясно. Религиозный вопрос, я думаю, теперь вообще на очереди ... Но для России, я думаю, этот вопрос имеет совершенно особенное значение. Россия нация молодая и сознание ее младенческое по сравнению с остальной Европой. Поэтому, мне кажется, ложь рационалистов, материалистов и позитивистов была гораздо искреннее, т. е. бессознательнее в России, чем на Западе ... Мне кажется, в России сильнее, чем где бы то ни было, чувствуется потребность новой религиозной правды. Вопрос, где ее найдет русская интеллигенция? Быть может, в чистом, нетронутом православии русского народа. Весьма возможно. Однако я не могу не выразить одного сомнения: в состоянии ли удовлетворить эта вера, столь, по-видимому, здоровая и крепкая в народе, всем требованиям полного сознания и всем трудностям практической жизни. Чем объяснить, с одной стороны, это поразительное безверие русской интеллигенции, с другой, еще более удивительное сектантство. Ведь сектантство не случайное и не спорадическое явление в русском народе, а общее и постоянное. Очевидно, есть что-то в православии, что не удовлетворяет более чуткие души, которые

более искренне ищут правды, для которых религия не остается отвлеченностью, но которые стремятся воплотить ее в практическую жизнь. По той же самой причине в лоне православия мы не находим таких истинных и всемирно прославленных и известных святых, каких производила и производит западная церковь. Не говорю уже о тех многочисленных примерах в течение всего XIX века, которые представляет русская аристократия, приходящая в столкновение и близко знакомящаяся с западом. — Можно что угодно говорить против аристократии, однако, несомненно, она представляет элемент с наименее свежим, наименее молодым и наименее незрелым сознанием <...> Сереже Соловьеву кланяйтесь, пожалуйста, от меня» (там же).

⁴ С Варварой Борисовной Новиковой и Александрой Степановной Любимовой (Зязой) Блок встречался в Москве (VIII, 83). А. С. Любимова, прежде бывшая воспитательницей в семье Коваленских, жила при С. Соловьеве после смерти его родителей.

28. СОЛОВЬЕВ — БЛОКУ

<Москва.> 18 февраля <1904 г.>

Милый Саша,

вчера я встал с постели, омылся, и сегодня лежу на диване, одетый. Занимаюсь порядочно. Несмотря на намерение «не писать», я писал, не переставая, с первого дня болезни¹. Все, что было перед болезнью, для меня осталось неизменным, хотя сделалось «Бескрылый дух, землею полоненный»². Но все же «слышится далекий голос тени: верь несказанному, люби и не забудь»³ и «одна лишь сон, и в тяжком пробуждении...»⁴. Боря уже заколебался и стал думать, «не поспешили ли мы» поверить моим комбинациям⁵. Для меня же очевидно, что я тогда не заблуждался, хотя из этого еще не следует, чтобы признание моей правоты сделалось обязательным для всех. Вообще искушения тяжелы и постоянны, но все вместе более, чем прежде, ясно, просто и хорошо.

Тетя Гриф оскандалилась еще хуже, чем я в конке⁶. Почти весь альманах хочется положить в печку. «Последняя ночь» Нины Ивановны очень симпатично, но окончательно бездарно⁷. Борину сказку⁸ трудно понять, а где поймешь, так не рад, что понял: много неестественного, выдуманного, натянутого. Как и всегда, есть великолепные места: например, старик в пенсне, со стекающей лентой⁹, очевидно *хаос*, и столь старый, что даже не «шевелится»¹⁰. «Битва исполинов» совершеннее, чем «Предание»¹¹. Из твоих стихотворений¹² я поставил пятерки (5) следующим №№ 2, 5, 15 и 16¹³; четверки (4) — №№ 1, 3, 4, 7, 9, 10, 11, 12, 13 и 14¹⁴ и тройки (3) — 6 и 8¹⁵.

Но что за безобразие — сонет Бориса Койранского¹⁶, рассказ Ремизова «Иван Купал» и прочее¹⁷! Совершенные бездарности подражают посредственным из стихотворений Брюсова и скверным стихам Бальмонта. А сам Бальмонт, наконец, окончательно истощившись, написал стихотворение на назидательный сюжет, что убивать на войне — нехорошо, и побеждены те, которые победили¹⁸. Хорошо его первое стихотворение «К Елене» и «Мандолина»¹⁹, а все прочее мне не по вкусу. В «Вакханалии» Кобылинского слишком много реминисценций и местами пресно²⁰.

Думал много о твоих стихах, читал, выучивал. Мне кажется, что у тебя центр тяжести в *эпитетах* и поразительной *красочности* образов, причем и то, и другое не зависит от движения стиха и рифмы. «Там голубое окно Коломбины, розовый вечер, уснувший карниз»²¹. «Рождество голубого ручья»²² и т. д. У Валерия, наоборот, вся сила в движении стиха и в рифме. Он не любит эпитетов, определений, прилагательных. Любит замыкать в один стих большое количество одиноких существительных. Например: «С нимфой, с зверем, с богом, с бесом»²³. Лучшие твои стихи — нежно расплывчатые, а Брюсовские — резко скованы, и эту особенность он подчеркивает, когда сам читает свои стихи. Представь себе тонкость бабушки²⁴! Она не могла примириться с Марконетовской квартирой, когда жила там весной. А теперь говорит, что когда увидала на окне кучу забытых Любой шпилек, то ей сразу стало легко. И старушка смекнула! Каково?²⁵ Излагал

Рачинскому мои потуги создать философию, основанную на любви, как начале гносеологическом, несколько часов мы рвали друг друга на части, кричали, он бегал и прихлебывал вино, я потел. В результате я был очень счастлив. Рачинский, строгий, спуску не дающий, сказал: «Может быть это так. Мне кажется, что этим ничего нового не вносится в философию. А впрочем, пытайтесь».

Основная моя мысль: Любовь есть *существо*, вечное, созидающее, хранящее и ведущее к воссоединению с собой. К берегу любви философская мысль текла, минуя многие острова. Имя одного острова «слепая воля» (Шопенгауэр), затем «бессознательное» Гартмана²⁶. Но об этом поговорим в Шахматове, даст бог.

Графов письмо не особенно сильно на меня подействовало. Значительно то, что он едет в Рим, но ведь дальнейшее покрыто мраком неизвестности. Я первое время болезни все время держал на столике, у кровати, календарь, раскрытый на той странице, где станция Барановичи²⁷. С громадным интересом прочел начало романа Мережковского²⁸. Стихи Сологуба в январской книжке окончательно бездарны, кроме: «Лобзай ее пернатые края» и т. д.²⁹ Я писал много, и под сильным влиянием Бори, тебя и Брюсова. Бабушка прочла мне вслух «Анну Каренину». Любе скажи, что я был ужасно рад ее письму и ответу на него, как только соберусь с мыслями, ибо она задает два вопроса³⁰. Я сильно верю в тебя как мистика, особенно после нашего последнего свидания. Ты не стесняешься внешностью и, мне кажется, равно признаешь богочеловека, будь он в сюртуке или каких-нибудь древних тряпках и плаще багрового цвета. Это замечательно у Достоевского. Меня всегда радовало, что сверхчеловек Ставрогин «проходит в буфет» и это ничему не мешает³¹.

Я начинаю чувствовать настоящую потребность вернуться в Дедово. Может быть, весной на один день съезжу с Борей. А следующим летом, может быть, поселюсь во флигеле, живя и обедая независимо от Коваленских³². Всего лучше было бы поселить с собой Алексея Петровского, ибо он — «пассивный и знающий»³³. А вы на недельку приедете погостить. Вот когда начнется «козловак»³⁴. Надеюсь, что у тети Али прошло скверное настроение, я ей напишу на днях³⁵. Ее, Любу, дядю Франца и Крабба³⁶ и тетю Маню³⁷ приветствую. Тетю Маню я поместил после Крабба не только потому, что ставлю Крабба выше в нравственном отношении, но также и потому, что имею привычку сначала перечислять лиц, живущих в одной квартире, а уж потом переходить за пределы дома.

Сергей Михайлович Соловьев

Разговор Бога с Бальмонтом

«Благодарен будь мне, Бог!
Я дарю тебе мой вздох».
— Отвечал Бальмонту Бог:
«Эх, Бальмонт, и так ты плох.
Ну на что мне нужен вздох?
Поправляй-ка лучше слог!
Я моргну, и ты издох».

«Злюсь на Сына твоего!
Только это — ничего!
Знают все теперь на свете,
Что и не было его».

— Бог сказал на речи эти:
«Прожил много я столетий,
Где ж поспеть за вами, дети,
Сам был в университете —
Знаешь лучше моего».

«Отчего скажи мне, Бог,
Ты жену создать не мог,
Не пустивши в ход ребро?
Что молчишь? Или оглох?».
Но почтенный, старый Бог
Больше выдержать не мог
И промолвил: «Non, c'est trop*».
Прекратите этот лай,
Чудотворец Николай».

* Нет, это чересчур (франц.).

* * *

Мережковскому отдыха нет:
С Зинаидой трепещут, как листики.
Зимней ночью, в доме Марконет
Собрались христианские мистики.
«Сердце подыдем горе!
Адское пламя, потухни!»
Марья стучала: пюре
Стряпала в кухне.

Черти подымали злее и злее вой,
Но, жены Блока испугавшись, Любы,
Урожденной Менделеевой,
Улетели в трубы.
В прах распростерты враги:
Кончилась мистика.
Блок закричал: «сапоги,
Марья, почисти-ка!»

Р. С. Варя тронута вашими поклонами и кланяется. А также Зязя³⁹
и бабуся. Сплетня: <...>³⁹.

Год — помета Блока: 1904.

¹ См. п. 26, прим. 1.

² Первая строка одноименного стихотворения Вл. С. Соловьева (1883) (Владимир Соловьев. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974, с. 71).

³ Сознательно неточно, в духе чаяний «соловьевцев», преданных «несказанному», цитируются заключительные строки стихотворения Вл. Соловьева «Какой тяжелый сон! В толпе немых видений. . .» (1885—1886): «И еле слышится далекий голос тени: // «Не верь мгновенному, люби и не забудь!» (Там же, с. 77).

⁴ Строка из стихотворения Вл. Соловьева «Бескрылый дух, землю полоненный. . .» (Там же, с. 72).

⁵ Подразумеваются темы «мистических» бесед, происходивших между Соловьевым, Блоком и Андреем Белым в январе 1904 г.

⁶ Имеется в виду «Альманах «Гриф» (М., 1904), выпущенный в свет в начале февраля 1904 г. (цензурное разрешение — 31 января 1904 г.) — С. Соловьев «оскандалился» в конце 12 января 1904 г. — См. п. 25, прим. 5.

⁷ Рассказ Н. И. Петровской (1884—1928) — писательницы, жены издателя «Грифа» С. А. Соколова (Кречетова). См.: «Альманах «Гриф», с. 51—53 (рассказ посвящен Андрею Белому).

⁸ «Световая сказка» Андрея Белого (Там же, с. 11—18).

⁹ Ср.: «Кто-то седой и скорбный сидел за столом, вперив серые очи в одну точку <...> широкая, черная лента его пенсне непрерывно стекала со скорбного лица» (Там же, с. 12).

¹⁰ Из стихотворения Тютчева «О чем ты воешь, ветер ночной? . . .»:

О, страшных песен сих не пой
Про древний хаос, про родимый!
.....
О, бурь заснувших не буди —
Под ними хаос шевелится! . . .

¹¹ Стихотворения Андрея Белого («Альманах «Гриф», с. 2, 5—8).

¹² В «Альманахе «Гриф» было помещено 16 стихотворений Блока (с. 19—27).

¹³ «Ты отходишь в сумрак алый. . .» (I, 81); «Сны раздумий небывалых. . .» (I, 164); «Вот они — белые звуки. . .» (I, 529) — с посвящением Л. Д. Менделеевой, в основное собрание не включено; «Темная, бледно-зеленая. . .» (I, 301) — с посвящением М. А. Олениной-д'Альгейм.

¹⁴ «В полночь глухую рожденная. . .» (I, 71) — без двух последних строф; «Ночью сумрачной и дикой. . .» (I, 85) — с посвящением Ольге Михайловне Соловьевой; «Одинокий, к тебе прихожу. . .» (I, 93); «Там — в улье стоял какой-то дом. . .» (I, 192); «Дома растут, как желанья. . .» (I, 238); «Сбежал с горы и замер в чаще. . .» (I, 206); «Свет в окошке шатался. . .» (I, 210); «Я был весь в пестрых лоскутках. . .» (I, 277); «Мне страшно с Тобой встречаться. . .» (I, 237); «День был нежно-серый, серый как тоска. . .» (I, 284).

¹⁵ «Я просыпался и всходил. . .» (I, 219); «По городу бегал черный человек. . .» (I, 278).

¹⁶ «Сонеты о встречах» — цикл из трех сонетов («Альманах «Гриф», с. 97—99) молодого литератора из круга «Грифа» Бориса Арнольдовича Койранского.

¹⁷ Три прозаических этюда А. М. Ремизова — «Молитва», «Последний час», «Иван-Купал» (Там же, с. 39—46).

¹⁸ Десятое стихотворение из цикла К. Д. Бальмонта «Земля» — «Да, я помню, да, я знаю запахи пороха и дыма. . .» (Там же, с. 158).

¹⁹ «К Елене» («Когда тебя я увидал. . .») и «Мандолина» («Светлый голос мандолины сладкой лаской прозвучал. . .»; посвящено Нине Петровской) (Там же, с. 139, 142; под псевдонимом: Лионель).

²⁰ Стихотворение Элліса (Л. Л. Кобылинского) «Вакханалия» («И звон амфор, и запах нарда...») (Там же, с. 128—130).

²¹ Из стихотворения Блока «Двойник» («Вот моя песня — тебе, Коломбина...»), датированного 30 июля 1903 г. и известного С. Соловьеву в рукописи.

²² Из стихотворения Блока «Облака небывалой улады...», датированного 21 ноября 1903 г. и известного С. Соловьеву в рукописи.

²³ Из стихотворения В. Я. Брюсова «In hac lacrimarum valle» (1902), вошедшего в его книгу «Urbi et Orbi» (см.: В. Брюсов. Собр. соч. в 7 томах, т. 1. М., 1973, с. 307).

²⁴ Т. е. А. Г. Коваленской.

²⁵ Намек на будто бы благое мистическое значение, которое С. Соловьев придавал пребыванию Л. Д. Блок в январе 1904 г. в квартире семьи Марконет, ср. п. 23.

²⁶ Ср. названия основных произведений упомянутых философов: А. Шопенгауэра — «Мир как воля и представление» (1818) и Э. фон Гартмана — «Философия бессознательного» (1869); теории последнего были известны Соловьеву из ранних работ Вл. Соловьева.

²⁷ Местечко Баравовичи (ныне город в Белоруссии) наделяется такой важностью, возможно, потому, что там жили родители Розадовского (см. Adam Galiś. Osiemnaście dni Aleksandra Błoka w Warszawie. Warszawa, 1976, s. 91). и именно там, по предположениям или каким-то сведениям Соловьева, мог находиться Розадовский.

²⁸ Роман Д. С. Мережковского «Петр и Алексей» был начат печатанием в первом номере журнала «Новый путь» за 1904 г.

²⁹ «Лобзай ее пернатые края» — строка из стихотворения «Благословлять губительные стрелы...», напечатанного в составе цикла стихотворений Ф. Сологуба «Гимны страдающего Диониса» («Новый путь», 1904, № 1, с. 138).

³⁰ Переписка Соловьева с Л. Д. Блок нам неизвестна.

³¹ Ср.: Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч., т. 10. Л., 1974, с. 237, 20—29; ср. там же, с. 407, 38; 515, 23—24.

³² О пикировке двух бытов при внешне «добром» сожительстве в Дедове Коваленских и Соловьевых см.: Андрей Белый. Между двух революций, с. 11—12.

³³ Дается прямое отождествление А. С. Петровского с положительным персонажем второй «Симфонии» А. Белого Алексеем Сергеевичем Петковским, чье знание и действие противопоставлены «крайностям мистицизма». Тема этого героя вводится так: «4. Над туманным городом играли вечные упражнения. И скука, как знакомый, милый образ, танцевала на семи холмах. 5. И там... на верху... кто-то пассивный и знающий изо дня в день повторял «сви-нарня». 6. Все то же и то же повторял изо дня в день» (Андрей Белый. Симфония (2-я, драматическая), с. 17; развитие этой темы — с. 18, 74, 187, 218; иногда дается вариация — «спокойный и знающий» — с. 75, 217).

³⁴ «Козловак» на жаргоне семьи Соловьевых и московских «аргonautов» — гротескное отражение в бытовом поведении мистических уровней бытия; участие в нем могло не сознаваться человеком (как это часто бывает в мемуарах и «симфониях» Белого, где московские «профессора», «приват-доценты» и т. п. представляют фигурами «козловака» постольку, поскольку находятся в соприкосновении с «посвященными»), но могло быть и шутейно-сознательным, как «прикровенное» выражение «несказанного». Ср. в письме О. М. Соловьевой к А. А. Кублицкой-Пиоттух от 11 декабря 1902 г.: «Напиши мне о Сашином вечере у Мережковских». Такие вечера мы называем «козловак». Прошлого года как раз в это время у нас должен был быть козловак <...> Впрочем, у нас и без Мережковских таки бывают изрядные козловаци».

³⁵ Письма С. Соловьева к А. А. Кублицкой-Пиоттух нам неизвестны.

³⁶ Такса Ф. Ф. Кублицкого-Пиоттух.

³⁷ М. А. Бекетова.

³⁸ Варя и Зязя — см. п. 27, прим. 4.

³⁹ Следует почти страница нечитаемого, нарочно залитого чернилами текста.

29. СОЛОВЬЕВ — БЛОКУ

1904 г. 26 февраля. Москва.

Милый Саша,

сию минуту я накричал на бабушку и тетю Соню¹ по вопросу о браке. Я резко провел границу между двумя путями, говоря, что вне брака, понимаемого как церковное таинство, во образе Христа и церкви, существует только блудодеяние. Я все это подтвердил столь наглядными примерами, говоря, что нехристианин имеет право менять жен в громадном количестве, что бабушка и тетя Соня почти упали в обморок. Тетя Соня стала нести толстовщину в самой невозможной редакции, а бабуся была совсем огорчена. Я стоял на строго церковной точке зрения и побивал тетю Соню свидетельствами писания. Вдруг тетя Соня сказала: «вот, еще только в будущем году будет студентом, а говорит в таком роде», очевидно, разумея, что я по-студенчески либеральничая. Тогда я накричал. Действительно, не выношу

я этого жеманства, этой безнравственной нравственности и смеси «г...» с недоразумением».

Из того, что я изобразил в самых ужасных чертах картину половых отношений вне таинства, говоря даже: «и ему хорошо, и ей хорошо. Кому же от этого плохо?» собеседницы вывели заключение, что я и в теории и на практике апостол разврата. Наконец тетя Соня сказала, что я вследствие моей юности верю в брак как таинство, а скоро перестану в это верить, и что самое лучшее — жить по природе, а священники выдумали, что это грех. Одним словом, старая каша. Когда же я рискнул сказать, что влюбленность и взгляд на женщину с вожделением ² не имеют ничего общего, бабуся сказала, что это — одно и то же. А я ответил: «влюбленность есть главное средство богопознания».

Сегодня я первый раз вышел на двор, и было похоже на сон, и хорошо. Неспроста бог поверг меня в болезнь, это — несомненно. Милый мой и дорогой, я нашел твои письма, писанные в марте прошлого года ³. Сколько радости они мне доставили! Ты в них говоришь прямо то, что никогда мне в лицо не говорил, — о «многодумных свершениях писаний» ⁴. Но знай, что если б и ты стал глумиться надо мной, я не перестал бы утверждать того же. Одиночество для меня дело привычное. Ты скорее меня можешь не видеть теперь истину. Диск солнца может быть виден только благодаря свету, им разливаемому, но если слишком близко приблизиться к диску (т. е. шару, виноват), то луч ослепляет и ты сам перестаешь от обилия света видеть то солнце, которое другим видно только благодаря этому самому свету. Со стороны виднее.

Помни, что царствие божие подобно зерну горчичному ⁵: зерно горчичное легко проглядеть, если только всю жизнь не отдать его исканию. Еще царствие Божие подобно купцу, ищущему, который, найдя одну истинную жемчужину, продает остальные ⁶. Все это — крайне любопытно и (знаешь?) умно! Не глуп был галилейский плотник ⁷ и даже умнее нас с Андреем Белым и Вл. Соловьевым включительно. Мне очень ясно вспомнилась та ночь, почти выходившая из границ мира времени, пространства и причинности, та ночь, когда мы с тобой ехали из Боблова ⁸ <...>. Мне кажется, тогда я сказал вкратце все, что говорил тебе теперь в Москве. Во всяком случае, объективная достоверность истины, ее извне навязанная необходимость была признана мной тогда же. Ты верил сам (по твоим письмам) во вселенское значение Блочки ⁹, веришь ли теперь, я точно не знаю. Тебе, как мистику и человеку с Кантовскими мозгами, я не боюсь говорить прямо, но для людей неопытных тут соблазн, и надо молчать. Перед всеми я могу без колебаний заявить только одно: «Любовь Дмитриевна есть божье знамение», и больше ничего. Понимать это можно в разных смыслах. Зязя ¹⁰ со мной не соглашается, и я пыряю в нее ножом. Да! да! удивительная эта была дорога от Боблова до Шахматова!

Скоро я буду почевать на Спиридоновке ¹¹, вероятно, в одиночестве: я не хочу туда никого пускать. Боюсь, как бы не пришлось опять бороться там с чертями à la Валерий Брюсов и т. д. ¹² Они отступают только «до времени».

Я повторил 15 билетов по геометрии. Б-я-да!

Тирские б<...>, живущие в доме Пегова ¹³, все более и более мне противеют. Баяяда!

Ужасно рад тому, что выздоравливаю. Это имеет и некоторое особое значение.

Чувствую легкомысленное влечение к обществу молодых девиц, и вероятно, «припущусь во всю», прикрываясь мидианкой ¹⁴. Не думаю, чтобы вскорости мог влюбиться *comme il faut* *. К старым берегам иногда потягивает, но оттуда веет смертью, а жизнь обличается в форму астартическую.

* Как подобает (франц.).

Против астартизма теперь чувствую в себе запас сил. Думаю, что приеду в Шахматово только в июне, хотя хотелось бы раньше. Прочел Гишпиус. Все хорошо, но не терплю я этого блудодеяния по теории, которое рекомендует тирская Зинаида¹⁵. Кстати, не думаешь ты, что в 21-м веке в учебнике венерических болезней болезни будут перечисляться так: сифилис, триппер, гишпиус и т. д. Прости за это сквернословие. Я сказал тете Соне, что моя посмертная биография будет называться так: «блудник XX-го века»!

Сергей Соловьев

Блок получил это письмо 28 февраля 1904 г. — ЗК, 60.

¹ С. Г. Карелина.

² Евангельская реминисценция: «... Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» (Евангелие от Матфея, V, 28).

³ Из этих писем сохранилось только письмо Блока от 20 марта 1903 г.

⁴ Цитата из письма Блока от 20 марта 1903 г.

⁵ Евангельская притча: «Царство небесное подобно зерну горчичному, которое человек взял и посеял на поле своем, которое, хотя меньше всех семян, но, когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его» (Евангелие от Матфея, XIII, 31—32; ср.: от Марка, IV, 31—32; от Луки, XIII, 18—19).

⁶ Ср.: «Еще: подобно Царство небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел, и купил ее» (Евангелие от Матфея, XIII, 45—46).

⁷ Подразумевается Иисус Христос (см.: Евангелие от Марка, VI, 3).

⁸ Ночь в канун свадьбы Блока — с 16 на 17 августа 1903 г. 16 августа Блок и С. Соловьев ездили в имение Менделеевых Боблово, где Соловьев познакомился с невестой Блока. О возвращении вместе с Блоком в Шахматово Соловьев писал в воспоминаниях о нем: «Уже стемнело, когда подали лошадей. Блок, низко поклонившись, поцеловал руку своей невесте, и мы отъехали. Еще раз, в эту знаменательную для него ночь, ехал он через тот лес, через который привык проезжать верхом, глухою ночью» («Письма Александра Блока», с. 19).

⁹ Т. е. Л. Д. Блок.

¹⁰ См. п. 27, прим. 4.

¹¹ Т. е. в квартире Марконетов, в которой останавливались Блок с женой в январе 1904 г.

¹² Брюсов в это время в восприятии Андрея Белого и С. Соловьева наделялся «темной» «демонической» личиной и воспринимался как «служитель тьмы»; себя же они считали представителями «светлых» начал, выдерживающими психологический натиск со стороны Брюсова. О характере этих мифологизаций реальных событий и о перипетиях «умственной дуэли» между Брюсовым и Белым, в обстоятельства которой был посвящен и С. Соловьев, подробнее см.: ЛН, т. 85, с. 332—338; С. С. Г р е ч и ш к и н, А. В. Л а в р о в. Биографические источники романа Брюсова «Огненный ангел», — «Wiener slawistischer Almanach», 1978, Bd. 1, S. 83—99.

¹³ Подразумеваются преподаватели гимназии Поливанова, в которой в этом году заканчивал обучение Соловьев (она размещалась в дома Пегова на Пречистенке).

¹⁴ По-видимому (хотя в тексте стоит «мидианкой», но это, скорее, описка), шуточная аллюзия к стихотворению Вл. Соловьева «Неопалимая купина» («Я раб греха. Во гневе яром. . .»), написанному на библейский сюжет; Моисей, бежав из Египта, живет у мидианского священника Рагуила и женат на его дочери:

И вот в пустынном Мидиане
Коснею долгие года.

В трудах бесславных, в сонной лени,
Как сын пустыни я живу
И к Мидианке на колени
Склоняю праздную главу.

Последние две строки из приведенных Блок взял эпиграфом к своему стихотворению «Через песчаные пустыни. . .» (I, 472) — Для культуры, в рамках которой развивалось «соловьевство», вставшее в платонические и куртуазные основания европейского культурного предания, важно отметить, что, казалось бы, проходная фраза Соловьева по сути дела косвенно восходит к эпизодам с «дамой-завесой» из «Новой жизни» Данте, к аналогичным сюжетам в обиходе трубадуров.

¹⁵ Возможно, речь идет о «Собрании стихов» З. Н. Гишпиус, выпущенном московским издательством «Скорпион» в конце 1903 г.

30. БЛОК — СОЛОВЬЕВУ

«Петербург. 8 марта 1904 г.»

Милый Сережа.

Несмотря на получение двух твоих писем, я до сих пор не мог выбрать *настоящей* минуты для ответа. Все было что-то беспокойно. Между тем я имею сообщить тебе многое.

Прежде всего, приехав из Москвы¹, мы с Любой совершенно пришли в отчаянье от Петербурга. Въезд наш был при резком безнадежном ветре — без снега, так что порошинки неслись по мостовой взад и вперед без толку, и весь город как будто забыл число и направление своих улиц. Через несколько дней впечатление было еще пострашнее. Мы встретились в конке с чортом, и, что всего ужаснее, — *не* лицом к лицу. В погоду, подобную вышеописанной, сидела в конке против нас «симфоническая» (А. Белый) фигура женщины² (или — нет), по-видимому, на подложенном кругу (какой кладут больным от геморроя и т. п.), в бесформенной шубе, с лицом, закрытым белой вуалью, под которой вместо глаз и носа виднелись черные впадины. Она говорила вульгарно сипловатым дамским баском с несчастной и преждевременно состарившейся (!) женщиной-поводильщицей. По-видимому, последняя от рождения *раба*. Всего ужаснее, что мы с Любой до сих пор не знаем, клевета ли это на больную старушку (впрочем, исполинского роста), или правдивый рассказ о «нем». Но «он» был близко, ибо в тот же день мы не узнали одной из самых примечательных для нас улиц.

Еще через несколько дней стали приходить «петербургские мистики»³. Один целый вечер хихикал источным голоском. Другой не знал, что ему предпринять ввиду важности своего положения, и говорил строгим уклончиво дипломатическим тоном. Третьего (и самого замечательного — Иванова *Евгения*) «коряжило» от Медного Всадника всю зиму, — представь, что с ним к весне!⁴ Он вполне и безраздельно пылает Розановым и Мережковскими. В тот вечер получил я впервые в этом году приглашение в «Новый путь» от Зинаиды — крайне любезное, с подписью «душевно ваша»⁵. После долгих разговоров, в которых Люба была против «Нов<ого> пути», я внезапно решился и написал сдержанно и вежливо, что я не приду, потому что «пока молчу и пишу стихи», а потому не имею права *молча* присутствовать на собрании, с которым несогласен⁶. Опускал письмо сам, ночью, причем внезапно (и единственный раз) на лестнице потухло все электричество, и было страшно итти с напряженными нервами. Но я принял это за диавольское препятствие и прошел до ящика ощупью.

Все это описываю тебе так подробно, потому что чувствую, что тут наступает что-то важное для меня, и именно после наших мистических встреч в Москве. Во всяком случае могу формулировать (до нельзя осторожно) так: во мне что-то обрывается и наступает новое в положительном смысле, причем для меня это *желательно*, как никогда прежде. Я чувствую неразрывную связь с Мережковскими *только* как с *прошлым* и в смысле *отлучения от пошлости* и пр. Теперь меня пугает и тревожит Брюсов, в котором я вижу, однако, неизмеримо больше света, чем в Мережковских. Вспоминаю, что апокалиптизм Брюсова (т. е. его стихотворные приближения к Откровению) не освещены исключительно багрянцем, или исключительно рациональной белизной, как у М<ережков>ских. Что он *смятеннее* их (*истинный* безумец). Что у него есть *детское* в выражениях лица, в неуловимом. Что он может быть *положительно добр*. Наконец, что он, без сомнения, носит в себе *возможности* многого, которых М<ережков>ский совсем не носит, ибо *большее* уже не скажет. Притом, мне кажется теперь, что Брюсов всех крупнее — и М<ережков>ского. Ах, да! Отношение Брюсова к Вл. Соловьеву — *положительное*, а М<ережков>ского — вполне отрицательное. Как-то М<ережков>ский сказал: «Начитались Соловьева, что же — *умный* человек» (!?!). Вообще я могу припомнить много словечек Дм. Сергеича, не говорящих в его пользу. Но он важен и считаться с ним надо.

На днях приезжал С. А. Соколов ⁷. Вышло глупо и скверно. Я *думаю*, что он *добрый* человек. Но я *знаю*, что он *совсем ничего не понимает*. Прежде всего он развязно спросил: как нам нравится альманах? Я замямлил (ибо мое убеждение сходится с твоим — относительно печки, за исключением Бугаева, напрасно тебе не нравится «Световая сказка») ⁸. Он уже слегка обиделся. Из долгих и бесплодных разговоров в продолжение двух дней и скитаний по совершенно ненужным местам выяснилось, что мы совсем разных мнений. К тому же я раскис, и Люба не была в духе поддерживать расклеившийся разговор. Наконец перед отъездом (за обедом у нас) добрый Сергей Алексеевич разбух от грусти и всем живо напомнил Крабба ⁹. Стало совсем отвратительно, примешалась жалость к нему. Он уехал грустный и обиженный на вокзал. Через несколько минут я сорвался с места и поскакал за ним. Приехал к нему в номер, проводил его на вокзале, каялся, просил прощенья, он слегка растрогался. Вообще, конец оказался удачнее. Но в конце концов у меня чувства следующие:

1) Гриф выпустил два альманаха, Бальмонта и Уайльда ¹⁰. Все издано более или менее скверно. 2) Редактор ничего не понимает. 3) Скорпион сделал бы все это гораздо лучше. 4) Гриф не имеет никакой реальной почвы под ногами. 5) Я попал в грязную историю, и мне ужасно не хочется печатать сборник в Грифе ¹¹. 6) Самое ужасное: Грифы (особенно совершенно бездарная Нина Ивановна) — очень хорошие люди и искренно не понимают и не видят, что им гораздо лучше не издавать ничего; 7) мало того — Гриф — *положительная* подделка и большой грех против искусства по отношению к людям (публике): публика не различает дурного от хорошего и будет ругать без разбора «Гриф» и «не Гриф». В последнее время подделки фабрикуются в неопикуемых дозах — на картинных выставках (вся Академия! Художеств) ¹² и . . . в Грифе. — Все это заставляет грустить и предвидеть какие-то дурные последствия.

О, позволь мне отругаться (по алфавиту)! ¹³. Какая скотина Бальмонт ¹⁴! Что он печатает! Твои стихотворения о нем (кстати, и «Мережковскому отдыха нет») — превосходны, я уже читал их Семенову, который совсем не понимает смешного (!) и послал в Сибирь Гиппиусу (Александру, который очень хорошо понимает смешное). Мы же все в восторге ¹⁵. — Сергей Кречетов вполне бездарен ¹⁶. А. Ремизов неудобочитаем от скуки ¹⁷. А. Койранский еще менее нужен чем Б. Койранский ¹⁸. Нина Ивановна нарушила всякую женскую скромность, проявила крайнее отсутствие целомудрия ¹⁹, Вяч. Иванов красиво врет о кипарисах, а в остальном бездарен ²⁰. О Миропольском не следует говорить ²¹. Дурнов думает, что он сын Брюсова, но зачат последним, скорее, в минуту ожесточения от игры в карты по воскресеньям ²². Курсинский — сволочь ²³. (По)Ярков — пуговица от Бальмонтовых панталон! ²⁴ Кондратьев — безвкусица последнего сорта ²⁵. Смородский (!) *лучше* других! ²⁶ Эллис (извини, пожалуйста) никогда поэтом не был и не будет, Бодлэра *совсем* не понимает (мама читала мне стихотворение) из альманаха по-французски) ²⁷. П. Н. Батюшкова надо читать

А. БЕЛЫЙ

Фотография, 1904 г., Москва
Литературный музей, Москва

в кантианскую минуту²⁸. А. Белый — изумителен. «Тор» совершенно нигде не уместается²⁹. Александр Блок — свинья, ибо поместил половину стихотворений — скверных, старых, подслеповатых.

Твои замечания о моих стихах (ср<а>внительно с Брюсовым), мне кажется, очень тонки, но не применимы к моим стихам теперешним. Кроме того, я совершенно не могу надеяться вырасти до Брюсова, даже теперешнего. А что будет его *будущая книга*! Буду ждать с восхищением и надеждой.

Сведения о графе³⁰ — из третьих рук: он в Риме и поступил в Краковский университет. Я не имею писем от него. Недавно нам с Любой было неопишное и нерассказываемое знамение.

Верю в Любу без колебаний по-прежнему, между прочим потому, что знаю о ней более, чем кто-либо на Земном шаре. Твоя вера в нее еще более сближает меня с тобой и все, что касается наших с тобой отношений в этой и будущей жизни, кажется мне привлекательным и полным тайного смысла. Поэтому на первый случай, несмотря на твой отказ, мы ждем тебя в Шахматово весной³¹, когда будем там одни, а также летом, когда не одни — и т. д.

Пишу стихи длинные, часто совершенно неприличные, которые, однако, нравятся мне больше прежних и кажутся сильнее. Не ругай за неприличие, сквозь него во мне *все то же*, что в прежнем «расплывчатом»³², но в формах крика, безумий и часто мучительных диссонансов. В этом отношении ведь и у Брюсова *то же*. Сверх того, мне кажется, что у Брюсова в окошке *светает*, сравнительно с прежним.

Письмо начинает походить на краткие заметки в «Весах». Потому, кончаю.

Пожалуйста, кланяйся от нас с Любой, мамой, дядей Францем, Краббом и тетей Маней: 1) себе; 2) Зязе; 3) Варе; 4) Григорию Алексеевичу³³; 5) Борису Николаевичу; 6) Татьяне Анатольевне³⁴.

Когда же выйдет «Золото в лазури»³⁵? Мы с Любой хотим читать, я буду читать всем достойным по ночам, когда «чернь» ложится спать, а «белизна» заставляет пробалтываться самых оргиастических молчаливиков.

Целую тебя крепко и обнимаю, мой милый друг и кузен, пиши мне, пожалуйста, без особенно скверных слов, чтобы Люба могла читать беспрепятственно³⁶.

Твой Александр Б л о к

марта 1904. <Санкт><петер><бург>.

Покажи, пожалуйста, Борису Николаевичу те стихи, которых он не знает. Я пошлю ему следующие, эти не в силах больше переписывать, хотя и обещал ему³⁷. Напиши, пожалуйста, твое мнение о прилагаемых стихах.

Пришли мне непременно твоих стихов!

Ответ на письма 28 и 29.

¹ Блок с женой возвратились в Петербург 25 января 1904 г.

² Намек — по контрасту — на эпизод из «Симфонии (2-ой, драматической)» Андрея Белого:

1. И тогда демократ увидел свою сказку, сказку демократа.

2. По улице ехал экипаж, а на козлах сидел окаменелый кучер в цилиндре и с английским кнутом.

3. В экипаже сидела сказка, сказка демократа.

4. У нее были коралловые губы и синие, синие глаза, глаза сказки.

³ Блок рассказывает о вечере 24 февраля, когда к Блоку пришли (судя по его записи об этом дне — ЗК, 60) Л. Д. Семенов, А. А. Смирнов, Е. П. Иванов и Н. С. Цулукидзе (студент юридического факультета).

⁴ В «Воспоминаниях об Александре Блоке» Е. П. Иванов писал, характеризуя свои встречи с Блоком этого времени: «Л. Семенов говорил о Всаднике-Петре с Александром Блоком, говорил и я <...> Относительно себя я только скажу, что «Медный Всадник» был «мой конек», на которого если я вскакивал, так наговаривал такого, что только головой потрясешь и прочь отойдешь. В феврале месяце Ал. Блок сказал мне, что разговоры наши с ним (Семенова и мой) о «Всаднике-Петре» побудили и его написать о нем стихи. Он вынул написанную еще начерно свою «Петербургскую поэму» <...>» («Блоковский сб.», 1, с. 376—377). Первоначальная редакция «Петербургской поэмы» с посвящением

Е. П. Иванову опубликована в кн.: «Письма Ал. Блока к Е. П. Иванову». М.—Л., 1936, с. 99—102; впервые «Петербургская поэма» была опубликована в альманахе «Белые ночи» (СПб., 1907); в Собрании стихотворений Блока «Петербургская поэма» разделена на стихотворения «Петр» (II, 141) и «Поединок» (II, 144). Е. П. Иванов развил свои размышления и фантазии о Медном всаднике в прозаическом этюде «Всадник. Нечто о городе Петербурге», опубликованном также в альманахе «Белые ночи». В одном из вариантов воспоминаний Е. П. Иванов писал: «...» Меня страшно увлекала идея «Медного Всадника», связанного с наводнением в Петербурге. Этот образ Медного Всадника связывается у меня с образом Демона мятежного, ищущего бури <...> Образ Медного Всадника связывался у меня с бурей и революцией. Под простертою дланью Всадника поднимаются бурные воды и народы» («Блоковский сб.», 1, с. 387).

⁵ 24 февраля 1904 г. З. Н. Гиппиус писала Блоку: «Дорогой Александр Александрович, мы так давно вас не видели, ни у себя, ни в «Новом пути». Не приедете ли завтра вечером (среда) в редакцию? По средам мы там часто собираемся. Ваша душевно З. Гиппиус» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 26, л. 26; на почт. бум. журнала «Новый путь»).

⁶ Текст этого письма Блока неизвестен.

⁷ Блок встречался с С. А. Соколовым 2 и 3 марта 1904 г. (ЗК, 60). 3 марта Соколов обедал у Блока.

⁸ См. п. 28, прим. 8.

⁹ См. п. 28, прим. 36.

¹⁰ Имеются в виду издания: Альманах книгоиздательства «Гриф». М., 1903; «Альманах «Гриф». М., 1904; К. Д. Б а л ь м о н т. Только любовь. Семицветник. М., «Гриф», 1904; Оскар Уайльд. Саломея. Перевод В. и Л. Андрусон. Под редакцией и с предисловием К. Д. Бальмонта. М., «Гриф», 1903.

¹¹ Первая книга Блока «Стихи о Прекрасной Даме», принятая к печати издательством «Гриф».

¹² Имеется в виду в первую очередь выставка «Нового общества художников» в Академии наук в Петербурге. Блок осмотрел ее 17 и 24 февраля (ЗК, 60) и написал о ней отзыв для «Весов» (V, 673—674).

¹³ Далее характеризуются произведения участников «Альманаха «Гриф» (1904). Ср. аналогичный отзыв Блока о нем в письме к А. В. Гиппиусу от 23 февраля 1904 г. (VIII, 91).

¹⁴ «Альманах «Гриф» открывается стихотворением К. Д. Бальмонта «Просвет», посвященным С. А. Соколову (с. 1); кроме того, в нем напечатаны четыре его стихотворения под псевдонимом «Лионель» (с. 139—142) и цикл из 12 стихотворений «Земля» (с. 149—161).

¹⁵ Шуточные стихотворения Соловьева см. в п. 28. Блок переписал оба и выслал их в письме к А. В. Гиппиусу от 23 февраля 1904 г., сделав помету на втором стихотворении: «Описано наше пребывание в Москве» («Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог», вып. 1. «Письма Александра Блока». М., 1975, с. 150).

¹⁶ С. Кречетов (С. А. Соколов) поместил в «Альманахе «Гриф» 7 своих стихотворений (с. 31—38).

¹⁷ См. п. 28, прим. 17.

¹⁸ См. п. 28, прим. 16. Брат Б. А. Койранского, поэт, художник и журналист Александр Арнольдович *Койранский* (р. 1884) опубликовал в альманахе четыре стихотворения (с. 47—50).

¹⁹ См. п. 28, прим. 7.

²⁰ В альманахе помещено 4 стихотворения Вяч. Иванова — «Фуга» («Пышные угрозы. . .»), «Темница» («Кипарисов строй зубчатый. . .»), «На чужбине» («Мое томление, светила темной ночи. . .»), «Кармил» («Из мест, где знойный сон чужого небосклона. . .») (с. 64—68).

²¹ Имеются в виду стихотворения «На поле», «Древнее заклание» и рассказ «Пришлец» (с. 69—73) поэта и прозаика, участника трех брюсовских сборников «Русские символисты» А. Л. Мировольского (один из псевдонимов Александра Александровича Ланга, 1872—1917).

²² Имеется в виду стихотворение поэта, художника и архитектора Модеста Александровича Дурнова (1868—1928) «Слезы» (с. 74—75). Обложка «Альманаха «Гриф» была выполнена по рисунку Дурнова. — Говоря об «игре в карты», Блок имеет в виду регулярную игру В. Я. Брюсова в преферанс с отцом.

²³ Три стихотворения и рассказ «Возвращенное зрение» (с. 76—82) поэта-символиста Александра Антоновича Курсинского (1873—1919).

²⁴ В альманахе напечатаны четыре стихотворения и прозаический этюд «Пустыня» (с. 88—96; под псевдонимом: Н. Ярков), поэта, прозаика и критика-символиста Николая Ефимовича Пояркова (1877—1918).

²⁵ Три стихотворения и «Иксион» (переложение древнегреческого мифа) А. А. Кондратьева (с. 114—119).

²⁶ «Два стихотворения» (с. 120) Федора Александровича Смородского (псевдоним — Ф. Ладо-Светогорский; 1883—?) — поэта, в 1904 г. — студента юридического факультета Петербургского университета. Блок был знаком с ним по университету и состоял в переписке. В январском номере «Нового пути» за 1904 г. он поместил сочувственную рецензию на сборник стихотворений Смородского «Новые мотивы» (V, 530—531).

²⁷ В альманахе были опубликованы два оригинальных стихотворения Эллиса («Вакханалия», «Мироздание») и два перевода с французского — «Непокорный» (из Бодлера) и «Из Роденбаха» («Фонтаны кружатся, как будто веретена. . .») (с. 128—134).

²⁸ Имеется в виду статья «Карма» (с. 143—148) Павла Николаевича Батюшкова (1864 — ок. 1930) — теософа, близкого к московскому кружку «аргонавтов».

²⁹ Кроме рассказа «Световая сказка», в альманахе были помещены стихотворения Андрея Белого «Битва испиринов», «Поединок», «Предание» и «Осень» (с. 2—10). Тор — образ из стихотворения «Поединок».

³⁰ А. И. Розвадовский. После отъезда Розвадовского за границу осенью 1903 г. Блок с ним более не встречался. Ср.: «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 54.

³¹ По-видимому, под отказом Блок подразумевает фразу Соловьева из письма 29: «Думаю, что приеду в Шахматово только в июне, хотя хотелось бы раньше». Против ожиданий, Соловьев побывал в Шахматове в конце апреля и в начале мая еще раз (ЗК, 62; см. также: там же, с. 64; «Письма к родным», I, с. 117—118; и в воспоминаниях Соловьева — «Письма Александра Блока», с. 27—30).

³² См. характеристику стиля Блока в письме 28: «Лучшие твои стихи — нежно распливчатые».

³³ Г. А. Рачинский, который произвел на Блока при знакомстве в Москве «впечатление небывалое, равно как и вся обстановка их дома, обед и пр.» (VIII, 86).

³⁴ Т. А. *Рачинская* (1863—1920) — жена Г. А. Рачинского.

³⁵ Книга Андрея Белого; вышла в свет в апреле 1904 г.

³⁶ К письму прилагались стихотворения Блока, из которых ныне при нем сохранилось только «Жду я смерти близ денницы. . .», см. наст. кн., с. 235.

³⁷ Речь идет об устном обещании, данном в Москве. Блок выслал Белому большие подборки своих стихов при письмах от 9 апреля и 5 июня 1904 г. («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 82—86, 95—102).

31. СОЛОВЬЕВ — БЛОКУ И Л. Д. БЛОК

«Москва. 1904 г., март?»

Милые Саша и Люба,

поздравляю с праздником, помню, надеюсь, люблю. Действуйте в прежнем духе.

Сергей Соловьев

Открытое письмо, фоторепродукция: *Madonna del Granduca. Rafael*. Год — помета Блока: 1904. Сохраняем отнесение к марту, данное в кн.: «Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог», вып. 2, с. 430, хотя не видим никаких оснований для уточнения блоковской датировки.

32. СОЛОВЬЕВ — БЛОКУ

«Трубицyno. Июнь 1904 г.»

Милый Саша,

созвездия сгруппировались так, что мне не пришлось приехать в Шахматово со Щукиным в мае ¹. Полагаю, что им жадно будет в скорости направить меня в Шахматово в сообществе с тетей Соней ². Я хожу в черной тужурке с золотыми пуговицами и в фуражке с синим околышем и белым чехлом. Стал опять романтиком до такой степени, что готов писать статью, цель которой — доказать превосходство Жуковского над всеми русскими поэтами. Но эта статья — только прихоть великого человека! (так же, как необходимо должна быть противоестественность великого человека). Анне Николаевне я не пишу и не буду писать до последней крайности ³. Рачинский и Петровский считают ее злой и достойной тюремного заключения. Боря Бугаев поправляется нервами в деревне ⁴, чему едва ли способствует визит Левы Кобылинского, приехавшего к нему. . . недели на две. . . чтобы вести. . . *центральные* разговоры (вероятно, ночные). Щукин уже в Дании, куда я шлю ему послание à la Италия Брюсова ⁵. А как хорошо стихотворение «Помню вечер, помню лето, Рейна полные струи». Тютчевым пахнет, ей Богу! ⁶ Повторяю иногда твоё стихотворение: «Солнце, света не тая, Праздно бьет в пустые окна» ⁷. Из всего этого, вместе взятого, ты вправе заключить, что я видел номер «Журнала для всех». Стихотворение Фофанова «Две царевны» мне очень нравится, напоминает несколько «Царь Девицу» Полонского ⁸. Собираюсь писать Курс по философии в размере десяти

чтений для прочтения их Кате Шукиной⁹ или кому-нибудь другому. Замысел читать лекции по философии дочери Мецената — по существу романтичен. Приветствую Любу и всех.

Serge

¹ Блок с женой жил в Шахматове с 22 апреля. Иван Сергеевич Шукин — друг Соловьева, сын фабриканта и известного коллекционера живописи Сергея Ивановича Щукина.

² С. Г. Карелина. В июньском письме к Андрею Белому (из Трубицына) Соловьев сообщал: «К Блокам я раньше июля, вероятно, не соберусь» (ГБЛ, ф. 25, карт. 26, ед. хр. 13).

³ Имеется в виду Анна Николаевна Шмидт (1851—1905) — сотрудница нижегородских газет, автор мистического трактата «Третий Завет» и других сочинений религиозно-эстетического характера (см.: «Из рукописей Анны Николаевны Шмидт». <М.>, 1916). Ознакомившись с произведениями Вл. Соловьева, она «вообразила себя воплощением Софии, инспирировавшей Вл. Соловьева» (Андрей Белый. Воспоминания о Блоке. «Эпопея», 1922, № 1, с. 156). В апреле 1900 г. Шмидт встречалась с Вл. Соловьевым и затем — с М. С. Соловьевым и С. Соловьевым. «Я лично хорошо знал А. Н. Шмидт, — вспоминает С. Соловьев. — Она производила впечатление доброй, глубоко несчастной и помешанной женщины, отталкивала в ней какая-то сектантская самоуверенность и назойливость. Весь ее «Третий Завет» стар, как все произведения подобного рода, представлял амальгаму из гностиков и каббалы. Интересно в писаниях Анны Николаевны только то, что она создала все это сама, не читая ни гностиков, ни каббалы, ни даже Соловьева, с которым ознакомилась позднее» (С. М. Соловьев. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. Брюссель, 1977, с. 400—401). — 12 марта 1904 г. Шмидт отправила Блоку обстоятельное письмо (ошибочно датированное 1903 г. — «Переписка. Аннотированный каталог», вып. 2, с. 489), начинавшееся словами: «Пишу Вам, хотя не знаю полного вашего имени. Но мы друг о друге слышали от Сергея Соловьева. Он мне даже читал отрывок вашего письма к нему, который мне памятен. Читала я и некоторые ваши стихотворения в «Новом» пути» <...> Давно собираюсь я Вам написать, но, помимо моего большого недосуга, все как-то не приходила настоящая для этого минута. Теперь, узнав от Сережи, что Вы в своих стихах, обращенных к таинственному женскому лицу, глубоко проникли в таинство Премудрости, я решила не откладывать далее своего намерения» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 466). Далее А. Н. Шмидт спрашивала, какого взгляда на Софию придерживается Блок, и утверждала, что «София живет не только на небесах, но имеет и близкую связь с землей». Шмидт касалась также вопроса о «цели христианских усилий» — «преображение наших тел по примеру Христа на Фаворе, сперва на мгновения, потом на век» — и об условиях этого грядущего преобразования: «Кто бы ни достиг первым до этого берега, — не двинется к нему история человечества, пока не достигнет его одна земная женская личность, составляющая крайнюю низшую степень Софии, связанная с нею таинственно, и конечная цель развития которой есть образование с ней, с Софией, одного лица, в двух «естествах» <...> Несовершенный двойник Софии живет в каждом поколении лишь в одном экземпляре — эту истину я утверждаю непоколебимо». Из письма Блока к матери от 4 мая 1904 г. известно, что он не ответил на письмо Шмидт и что она в новом письме к нему (не сохранившемся в архиве Блока) просила о личной встрече («Письма к родным», I, с. 120). Встреча эта состоялась в Шахматове 12—13 мая 1904 г. (ЗК, 64). Л. Д. Блок, в присутствии которой происходила беседа Блока и Шмидт, свидетельствует: «Очевидно, поведение Блока сразу показало А. Н. Шмидт, что из ее попытки завязать с ним сношения ничего не выйдет. Блок не признал ее «душою мира» и не заинтересовался ни ее личностью, ни ее теориями» («Письма к родным», I, с. 326). Впрочем, в письме к Андрею Белому от 16 мая 1904 г. Блок признавался, что Шмидт «впечатление оставила смутное, во всяком случае, хорошее — крайней искренности и ясности ума <...> Говорила много тонких вещей, которые мне только понятны» (VIII, 102).

⁴ В июне 1904 г. Андрей Белый жил в своем семейном имении Серебряный Колодезь (Ефремовский уезд Тульской губернии). В это время он находился в состоянии внутреннего кризиса, вызванного в значительной степени развитием отношений с Н. И. Петровской (см.: ЛН, т. 85, с. 334). Вспоминая о своих переживаниях в этом месяце, Белый писал: «Лейтмотив бегства подготавливается, бегства из уз плоти», «чувственности», городской пыли московской болтовни и нестроицы <...>» (Андрей Белый. Материал к биографии (интимный), предназначенный для изучения только после смерти автора (1923). — ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 2, ед. хр. 3, л. 47).

⁵ «Италия» («Страна, измученная страстностью судьбы...») — стихотворение Брюсова, вошедшее в его книгу «Urbi et Orbi» (1903). См.: В. Брюсов. Собр. соч. в 7 томах, т. 1, с. 300—302. «Послание» С. Соловьева — стихотворение «И. С. Щукину», датированное маем 1904 г. см.: С. Соловьев. Цветы и ладан. Первая книга стихов. М., 1907, с. 81—82.

⁶ «Помню вечер, помню лето...» — стихотворение Брюсова, опубликованное в составе цикла «Вечеровые песни» («Журнал для всех», 1904, № 5, с. 259); вошло в книгу Брюсова «Stephanos» (1905). Эпиграф из стихотворения Тютчева «Я помню время золотое...», предпосланный стихотворению Брюсова в «Stephanos», в журнальной публикации отсутствовал.

БЛОК. НОЧНАЯ ФИАЛКА

Рисунок П. Филонова (тушь), 1908 г.

Литературный музей, Москва

⁷ Неточная цитата (в оригинале «слепые окна») из стихотворения Блока «Золотистою долиной. . .» (I, 212), впервые опубликованного в «Ежемесячном журнале для всех» (1904, № 5).

⁸ К. Фофанов. Две царевны («В дни, когда так задушевен. . .») — «Ежемесячный журнал для всех», 1904, № 5, с. 258. — «Царь-Девница» («В дни ребячества я помню. . .»). — Я. П. Полонский. Полн. собр. стихотворений в 5 томах, т. 2. СПб., 1896, с. 201—203. В статье «Поэзия Я. П. Полонского» Вл. Соловьев писал, что в этом стих. Полонский яснее всех почувствовал «женственную Тень» (Собр. соч. Вл. С. Соловьева. Изд. «Обществ. польза», т. VI, с. 620). Блок в письме к Белому от 1 августа 1903 г. отмечал, что Соловьев «не усумнился в «бесплотности» «Царь-Девницы» Полонского» («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 45).

⁹ Дочь С. И. Щукина. Ср. свидетельство Андрея Белого: «Сережа, учившийся с сыном Щукина, одно время дружил и с Катей Щукиной, барышней бойкой, способной на все» (Андрей Белый. Между двух революций, с. 51).

33. СОЛОВЬЕВ — БЛОКУ

10 июля <1904 г.> Лаптево.

Милый Саша,

Скоро ли наконец я к вам попаду? День моего приезда все более и более становится темным¹. Я попал в положение функции, изменения которой происходят в зависимости от множества сложных аргументов. Из Лаптева² я хотел ехать раньше, но остался до дня именин Ольги Егоровны Венкстерн³. Но теперь оказывается, что Щукин вернулся из Дании⁴ и ожидает в Москве смерти своей бабушки. Со дня на день, если бабушка умрет или выздоровеет, он может приехать в Лаптево. Если я не получу от него известий, до 13-го, то, вероятно, 13-го выеду в Москву и в соединении со Щукиным поеду в Дедово и Лаптево. Затем, подавши прошение в университет, явлюсь в Шахматово. Если не застану там Боря, буду огорчен. Одним словом, ничего не знаю и предоставляю событиям разверстывать свой свиток. Пишу много и иногда хорошо, но часто не только не хорошо, но даже с пошловатостью <. . .> Я в Петров день говел. Третьего дня, на спиритическом сеансе, имел необыкновенно интересный и страшный разговор с дьяволом, после

чего «убоялся» и хочу разведывать адрес графа ⁵. Все лето упиваюсь ядовитыми для меня вещами: Шопенгауэром ⁶ и Мережковским. Особенно второй сильно действует, уж очень он гениален и о главном говорит. Представь себе, что я после «Отверженного» перечел повесть об антихристе и она мне показалась поверхностна ⁷. Прodelал две корректуры дяди-Володиных стихов и жду выхода книжки ⁸. Пишу столь неразборчиво потому, что в пузырьке иссякли чернила. Мечтаю об осеннем свидании с Брюсовым и постоянно откладываю в уме вещи, которые ему следует сообщить. Впрочем, значительную часть осени и отчасти зимы думаю проводить здесь же, в Лаптеве, только наезжая в Москву. Любу, тетю Алю, Крабба и прочих всех, а главное Катю ⁹ (demain *) приветствую. Постараюсь приехать скоро, ибо очень хочу вас видеть и Борю.

Твой Сергей Соловьев

Год — по содержанию.

¹ О летнем посещении Соловьевым Шахматова в 1904 г. см. в разделе «Блок в неизданной переписке и дневниках современников» (кн. 3 наст. тома).

² Лаптево — подмосковное имение Венкстернов, друзей Соловьевых, под Каширой, на границе Московской и Тульской губерний.

³ Жена Алексея Алексеевича Венкстерна, владельца имения Лаптево, цензора, автора биографии Пушкина и переводчика «Ночей» А. де Мюссе, и сестра Владимира Егоровича Гнациントва — искусствоведа, профессора Московского университета. Именины Ольги — 11 июля.

⁴ См. п. 32, прим. 1.

⁵ Имеется в виду А. И. Розвадовский.

⁶ Ср. сообщение Соловьева в июньском письме к Андрею Белому: «Нюхаю Шопенгауэра и восхищаюсь» (ГБЛ, ф. 25, карт. 26, ед. хр. 13).

⁷ «Отверженный» — первоначальное название романа Д. С. Мережковского «Смерть богов (Юлиан-Отступник)», под которым он был опубликован в 1896 г. Этому замечанию о «Краткой повести об антихристе» Вл. Соловьева соответствует признание С. Соловьева в недатированном письме к Андрею Белому, написанном около того же времени, что и письмо к Блоку: «Мне хочется выпрыгнуть из дядюшкиной философии, а главное, доказать, что ученики Влад. Соловьева — это самый непригодный народ» (ГБЛ, ф. 25, карт. 26, ед. хр. 4, л. 3).

⁸ Речь идет о книге: «Стихотворения Владимира Соловьева». Изд. 5-е С. М. Соловьева. М., тип. А. Мамонтова (б. г.). Книга представляет собой перепечатку 4-го издания «Стихотворений Владимира Соловьева», вышедшего под редакцией М. С. Соловьева в 1901 г.

⁹ Видимо, Екатерина Михайловна Манасеина — дочь детской писательницы, редактора журнала «Тропинка» Н. И. Манасеиной, приятельницы матери Блока; впоследствии — драматическая актриса.

34. СОЛОВЬЕВ — БЛОКУ

(Середина августа 1904 г.) Лаптево

Милый Саша,

поздравляю тебя и Любу с семнадцатым, буду в этот день вспоминать вас и графа ¹. Нарыв мой достиг громадных размеров, так что его с сильной болью разрезали ². Теперь подживает. Читаю второй том Мережковского о Толстом и Достоевском ³. Написано скверновато, а содержание интересно, хотя до некоторой степени — «смесь <...> с недоразумением». На всем — неприятный налет, что-то неблагородное, неоткрытое и подло смиренное. Мысли иногда — блестящи и верны. Но рядом — мысли прямо противоположные. Много натяжек, убивающих живой смысл романа, подменяющих его искусственной и мертвой аллегорией. Напутано о Христе немилосердно, и чертовщина облечена в плед «благовидной лжи» и хамского смирения. Хочется возражать и написать такой же объемистый том, как кирпич Мережковского. Как Брюсов кажется мил, легок и невинен после Мережковского! Прямо отдыхаешь на Urbi et Orbi. Мережковский повергает в продолжительное уныние, беспокойство и недовольство. Погода стоит хорошая. Нина Владимировна ⁴ говорит по-прежнему: «антихрист». Я благодаря Мереж-

* завтра (франц.).

ковскому убедился, что во мне мало антихристовского, что мне неинтересна компания человекобогов, что я питаю к оным отвращение. Напротив того, срыв для меня может быть в вопросе не о Христе, где все ясно для меня и просто, а в вопросе о Богородице, о женском начале божества. Мережковский прямо искажает Достоевского, не говоря о смысле «Братьев Карамазовых», который дает решение всей трагедии Достоевского, всем вопросам, поставленным в «Преступлении и наказании». Виделся в Москве с Алексеем Петровским и говорил о Ницше. Не могу согласиться с тем, чтобы Ницшеанское «По ту сторону добра и зла» совпадало с Христианской свободой в благодати. Со стороны Петровского это — недоразумение⁵. Целую тетю Алю и прочих. Желаю верить во все хорошее и надеяться преодолеть гадкое. 19-го вечером думаю быть в Москве.

Твой Сергей Соловьев

Написано после пребывания в Шахматове в начале августа 1904 г.

¹ Имеется в виду годовщина свадьбы Блока. Граф — А. И. Розвадовский.

² 12 августа 1904 г. А. Г. Коваленская писала Андрею Белому о С. Соловьеве из Дедова: «Он был здесь три раза и в последний раз 7-го августа, уехал к доктору, в Москву, у него прорезали большой нарыв под мышкой, и он с этим уехал к Венкстернам» (ГБЛ, ф. 25, карт. 17, ед. хр. 15).

³ См.: Д. С. Мережковский. Лев Толстой и Достоевский, т. I—II. СПб., 1903.

⁴ Лицо неизвестное.

⁵ «По ту сторону добра и зла» — книга Ф. Ницше. Сообщая в недатированном письме к Г. А. Рачинскому, что А. С. Петровский отходит от «церковной узости», Соловьев отмечал также, что тот «иногда и перехватывает, например», когда ступшеывает разность между Ницше и христианством» (ЦГАЛИ, ф. 427, оп. 1, ед. хр. 2903).

35. СОЛОВЬЕВ — БЛОКУ

«Первая половина октября 1904 г.» Москва.

Милый друг,

так много все время было надо сказать тебе, что я уже предпочитал ничего не говорить. Весь месяц я провел в неприятнейшей борьбе с «великим магом»¹, который пустил несколько бомб, необыкновенно разрушительных: одна из них «Медая», другая «Орфей», а третья «Ариадна» (еще не напечатана)². Я уже два раза попадал в положение Куропаткина³, но оба раза вывернулся. Временами я совсем погрязал в этих проклятых «выгибах рук», «алчных губах», «ужасных ласках»⁴, но тогда раздавался голос:

От родных многоводных халдейских равнин,

От нагорных лугов Арамейской земли⁵ и т. д.

План кампании мага Валерия был следующий, поистине блестящий: обезоружить меня, заставив меня влечь в бездну за собой ту особу, роль которой в моей жизни я считал конченной⁶. Таким образом, зараз гибли три: я, она и *εὐ χαὶ πᾶν*⁷. Я встретил М. Д. Я был весь заряжен Брюсовым и Пшибышевским, Ницше и Шопенгауэром. Меня раздавливал образ слепой, жестокой природы (Хаос). Я вдруг увидел, что Брюсов следит за всем. М. Д. смотрела на меня совсем нестерпимо. Я ощутил разбитость во всем теле и полное отсутствие разума. В довершение греха я, ничего не понимая и не видя, начал говорить «Орфея и Евридику», чувствуя, что сжигаю последние корабли и ясно видя, что каждым словом затягиваю проклятое магическое кольцо. Чувствовал себя зараз и жертвой, и палачом. М. Д. была только жертвой; маг — только палачом. Ты понимаешь, что такое все это? Сказав раз, я повторял стихотворение еще раз, с начала до конца, и каждое слово — было для меня — восторг и боль, жизнь и смерть. На прощанье, я задержал ее руку в своей руке, и было назначено свидание в Третьяковской галерее. Когда пришел домой, то увидел, что не могу ничего делать. Но вдруг

вспомнил, что нужно переводить для экзамена «Электру» Софокла ⁸. Перевод на меня подействовал целительно. Затем я облекся в длинный, чистый сюртук с золотыми пуговицами и пошел в дом герцога. Я застал вдвоем молодого герцога и мать его герцогиню ⁹. Герцогиня, поправив прическу, сказала: «отчего мы с вами никогда не говорим о философии». Затем открыла Канта и спросила: «Что, например, это значит: «Как возможны синтетические суждения а priori?» Я провел рукой по голове и начал излагать. Дело дошло до Гегеля и Шопенгауэра. Я начал себя хорошо чувствовать, особенно надеясь увидеть за чаем молодую герцогиню. В довершение всего герцогиня и мисс Холь ¹⁰ согласились поиграть на рояли и органе, и я имел удовольствие прослушать Бетховена и Моцарта. Мир как воля сменился миром как представление ¹¹. Вечер закончился разговором о художественном театре, причем я обличал односторонность реализма и бессилие художественного театра в символических пьесах ¹². В то же время я пил чай и ел виноград. Но ведь это все только на время. Предстоит свидание с М. Д., а у меня в отношении к ней уже не осталось никакого романтизма. Несколько дней провел я в брюсовщине и начал сходиться с ума. Все предметы были покрыты каким-то слоем ужаса, милые лица становились чуждыми, новыми, холодными. Я *один* проваливался в черную пропасть, а надо мной выкрикивал маг: Вспомни, вспомни луг зеленый. . . ¹³. О, этот луг зеленый, чтобы чорт его побрал. Два слова всего, а сколько сказано! Я понял, что впервые сознательно и последовательно отхожу от Христа. Я молился ему, но сознавал, что теперь уже не имею права требовать от него помощи, что он может покинуть меня, как и я покинул его. Все основание моей жизни начало шататься. Ведь если так, то и вся моя проповедь не будет иметь силы, если есть какая-нибудь истина вне христианства, чуждая ему, несогласимая с ним. Где же тогда бой со Скорпионом, с Новым путем. Значит, самому мне идти по Новому пути? Я доходил почти до отрицания духовного мира. Я решил говорить М. Д. тогда буквально то, что Фальк говорит Марит. Я хотел стать *сознательным соблазнителем* ¹⁴. Вдруг внезапно сел и написал ей, что все между нами кончено и что на свидание не приду. Все вокруг изменилось и стало по-старому. Тогда маг пустил еще несколько бомб.

Но в результате одолело то, что я лучше всего назову «теократическим принципом», т. е. заветное, Соловьевское. А было очень темно и трудно. Первая победа была 14-го сентября, вторая — 1-го октября. Здесь теть Сена ¹⁵ и бабушка. Вчера Боря читал три главы четвертой симфонии ¹⁶ мне, тете Сене и Сергею Щукину (брату) ¹⁷.

В университете много злых, бородатых и глупых людей. Стараюсь держаться особняком. Часто езжу в духовную семинарию, где слушаю лекции еврейского языка и библейской археологии. Бываю у почти святого старца Исидора, который живет в двух верстах от Троицы ¹⁸.

Твои стихи непростительны: Брюсов, Брюсов и Брюсов. Впрочем, ты вправе мне сказать: «что видишь с жецъ в глазу брата твоего, а в своем глазу бревна не чуюшь» ¹⁹. Поистине, я ничего не пишу кроме брюсовских стихов и скоро выпущу «Me eum esse» ²⁰. Теряю надежды писать в близком будущем оригинально. Если у тебя написано «Помню вечер, помню лето» ²¹, то у меня найдется «Медая», «Орфей и Евридика» и многое другое.

Очередь за «Конем бледом» ²². Читаю Ренана ²³, гностические сочинения, Гаусрата ²⁴, Шопенгауэра и Герике ²⁵. Голова мутится от первых веков христианства, тем более, что кругом появляются люди, как будто из этих самых первых веков. Прочел «Ното sapiens». Дало мне очень много и помучило. Мережковские на заднем плане. Брюсов — Куроки, Розанов — Ояма (кажется есть такой?) ²⁶. Привет мой Любе, тете Але, дяде Францу, тете Мане, Краббу, Пику ²⁷ и т. д.

Любящий и помнящий Сергей Соловьев

Датируется по связи с ответом Блока — п. 36.

¹ Подразумевается В. Я. Брюсов (ср. п. 29, прим. 12). Н. И. Петровская пишет в «Воспоминаниях»: «Смешных легенд в те годы о Валерии Брюсове ходило множество, и все они почему-то окрашивались в один цвет: черный. Всего больше этому способствовали А. Белый и С. Соловьев» (ЛН, т. 85, с. 785).

Образ Брюсова в поэзе «вселенского мага» запечатлен в стихотворениях А. Белого «В. Я. Брюсов» («Я в свисте временных потоков...») — «Альманах «Гриф», М., 1903, с. 35) и «Одиноким» («Бегут года, летят планеты» — 1904 г., переработано в 1908 г.). Первое стихотворение под заглавием «Маг» вошло в кн. «Золото в лазури», второе см.: Андрей Белый. Урна. Стихотворения. М., «Гриф», 1909, с. 18—19.

По свидетельству Белого, С. Соловьев способствовал такому восприятию им образа Брюсова: «Он укрепляет меня в мысли, что в Брюсове есть нечто *магическое*» (в это время Брюсов увлекается спиритизмом, дурного сорта магией, телепатией и т. д.) (Андрей Белый. Материал к биографии (интимный)..., л. 43 об.). «Борьбе» С. Соловьева с «великим магом» соответствует в это же время кульминация «умственной дуэли» между Брюсовым и Андреем Белым, мифологизировавшейся как противоборство «мрака» и «света».

² Стихотворения Брюсова «Медея» («На позлащенной колеснице...»), «Орфей и Эвридика» («Слышу, слышу шаг твой нежный...»), «Тезей Ариадне» («Ты спишь, от долгих ласк усталая...»). Первое опубликовано в «Журнале для всех» (1904, № 9, с. 516), второе — в «Новом пути» (1904, № 8, с. 168—170), третье — в «Беседе» (1905, № 1, с. 231—232). Все три стихотворения вошли в книгу Брюсова «Stephanos» (1905).

³ Т. е. попал в опасное положение. Генерал Алексей Николаевич Куропаткин (1848—1925) — главнокомандующий вооруженными силами на Дальнем Востоке (с октября 1904 до марта 1905 гг.), смещенный после разгрома русской армии в Мукденском сражении.

⁴ Образы из названных стихотворений Брюсова.

⁵ Из стихотворения Вл. Соловьева «В землю обетованную» («Покинь скорей родимые пределы...»). — Владимир Соловьев. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974, с. 75—77.

⁶ Т. е. М. Д. Ш. — М. Д. Шепелеву (см. п. 9, прим. 2).

⁷ «Единый и все» (греч.) — в различных мистических и философских учениях одно из наименований мирового начала, единого в себе и в то же время содержащего в себе всю полноту мировой жизни в ее разнообразии и множественности. — Ср. юношеское (1902, не опубликовано) стихотворение Соловьева под таким названием: ЦГАЛИ, ф. 475, оп. 1, ед. хр. 1, л. 9 об.

⁸ В 1904 г. Соловьев поступил на словесное отделение ист.-филол. факультета. С осени 1907 г. перевелся на классическое отделение. 22 июля 1907 г. он писал из Петровского Г. А. Рачинскому: «Я очень рад моему переходу со словесного отделения на классическое, хотя благодаря этому переходу не кончу ранее, чем через два, а то и три года» (ЦГАЛИ, ф. 427, оп. 1, ед. хр. 2903).

⁹ Шуточные намеки, не поддаются расшифровке.

¹⁰ См. предыдущее прим.

¹¹ Каламбур: «Мир как воля и представление» — основной философский труд Шопенгауэра.

¹² Видимо, имеются в виду такие постановки Московского художественного театра, как «Михаил Крамер» Г. Гауптмана, «Когда мы, мертвые, пробуждаемся» Г. Ибсена и др.

¹³ «Вспомни, вспомни луг зеленый» — цитата из стихотворения Брюсова «Орфей и Эвридика».

¹⁴ Эрик Фальк — герой романа польского писателя-модерниста Станислава Пшибышевского (1868—1927) «Номо Sapiens» (вышедшего в русском переводе в издательстве «Скорпион» в 1902 г. и затем неоднократно переиздававшегося), воплощающий собой тип «сверхчеловека»-иммориалиста. Во второй части романа («Мимходом») Фальк соблазняет провинциальную девушку Марит Кауэр, которая после этого кончает с собой.

¹⁵ П. С. Соловьева.

¹⁶ Одна из ранних ненапечатанных и несохранившихся редакций четвертой «симфонии» Белого. Отвержки из первоначальной редакции четвертой «симфонии» (1902) были опубликованы в «Альманахе «Гриф» (М., 1903, с. 52—61). «Считаю нормальной 4-ой Симфонией эти не существующие первые две редакции...», — утверждал Андрей Белый в письме к Р. В. Иванову-Разумнику от 1—3 марта 1927 г. и сообщал далее, что эта «симфония» «не напечатанная лежит года, перезревает в сознании; и потом уже в 1906 и 1907 годах *изламывается* 3-ей и 4-ой редакцией в многослойный, пере-пере-мудренный «Кубок метелей» («Cahiers du Monde russe et soviétique», vol. XV, 1974, N 1—2, p. 55).

¹⁷ Брат И. С. Щукина (см. п. 32, прим. 1).

¹⁸ По всей вероятности, речь идет о иеромонахе Исидоре (Иване Андреевиче Грузинском-Козине, 1824—1908), высоко чтимом в кружке П. А. Флоренского, В. Ф. Эрнста и др.: см. о нем: П. А. Флоренский и др. Соль земли, то есть Сказание о жизни Старца Гефсиманского скита иеромонаха Аввы Исидора, собранное и по порядку изложенное недостойным сыном его духовным Павлом Флоренским. Сергиев Посад, 1909 (отд. отт. из журнала «Христианин», 1908, № 10—12; 1909, № 1, 5). По-видимому, старца Исидора Соловьев имеет в виду ниже, когда говорит о людях «первых веков» христианства:

¹⁹ Контаминация славянского и русского текста Евангелия: «И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь?» (Евангелие от Матфея, VII, 3; от Луки, VI, 41).

²⁰ «Me eum esse» («Это — я») — книга стихов Брюсова (М., 1897).

²¹ Стихотворение Брюсова, опубликованное (в составе цикла «Вечеровые песни») в «Журнале для всех» (1904, № 5, с. 259).

²² Стихотворение Брюсова, опубликованное в «Новом пути» (1904, № 5, с. 146—147). С. Соловьев воспринял его восторженно. 19 марта 1904 г. Брюсов писал П. П. Перцову: «Хотел было предложить Н^{овому} пути свое апокалиптическое стихотворение, лучшее, что мной пока написано (А. Белый и юный С. М. Соловьев, когда я им его прочел, повскакали со стульев)» («Печать и революция», 1926, № 7, с. 42).

²³ Эрнест Ренан (1823—1892) — французский философ, историк религии.

²⁴ Адольф Гаусрат (1837—1909) — немецкий протестантский богослов, известный исследователь раннего христианства.

²⁵ По-видимому, речь идет о Генрихе Эрнсте Фердинанде Герике (1803—1878), немецком протестантском богослове, авторе ряда трудов по первым векам христианства, солидных по фактической оснащенности, но рассчитанных на широкого читателя.

²⁶ Генерал Тамемото Куроки (1843—1923) — командующий 1-й японской армией в русско-японской войне 1904—1905 гг.; Ивао Ояма (1842—1916) — маршал, во время русско-японской войны главнокомандующий сухопутными вооруженными силами Японии в Маньчжурии и на Ляодунском полуострове.

²⁷ Пик — такса М. А. Бекетовой.

36. БЛОК — СОЛОВЬЕВУ

21.X.<19>04. П<етер>Б<ург>.

Милый друг.

Почему ты придаешь такое значение Брюсову? — Я знаю, что тебя несколько удивит этот вопрос, особенно от меня, который еле выкарабкивается из-под тяжести его стихов. Но ведь «что прошло, то прошло». Год минул как раз с тех пор, как «Urbi et Orbi» начала нас всех раздирать пополам. Но половинки понемногу склеиваются, раны залечиваются, хочешь другого. «Маг» ужасен не вечно, а лишь тогда, когда внезапно в «разрыве туч» появится его очертание. В след<ующий> раз в очертании уже заметишь частности («острую бородку»), а потом и пуговицы сюртука ¹, а потом, наконец, начнешь говорить: — А что этот черноватый господин все еще там стоит? ²

Конечно, это жестокий цинизм. Но мне и не хотелось бы, чтобы было иначе. Если бы было вечно так, то мы бы представляли из себя вечно и стойко сражающихся с упрямым, круторогим и постоянно разозленным быком. Вследствие привычки бык стал бы казаться только задорным петухом, и наша стойкость упала бы в собственных наших глазах, стала бы «декадентской».

Мне искренно кажется, что «Орфей» и «Медей» далеко уступают «Urbi et orbi». Почти так же, немного выше — «Конь блед». И так должно быть всегда — после затраты чудовищных сил (а ведь Брюсов иногда тратил же их «через силу»). После сильного изнурения пища сразу в рот не полезет.

Конечно, при М. Д. ³ «Орфей» разросся перед тобой, но... прислушайся к его «субстанциям»: много перебоев, словом, то, что пишется «внешним нутром», на «авось»; много перепетого у самого себя. Тоже — в «Медее», которая, однако, выше.

На днях я закончил большое университетское сочинение ⁴, которое лишило меня возможности читать интересное. Стихов почти не пишу, с декадентами очень затрудняюсь говорить, не вижу никакого сколько-нибудь продолжительного выхода из наук до конца сезона.

Конечно, после всех наших споров о Мережковском мне продолжает быть близко и необходимо «Соловьевское заветное», «Теократический принцип». Чтобы чувствовать его теперь так исключительно сильно (хотя и односторонне), как прежде, у меня нет пока огня. Кроме того, я не почувствую в нем, вероятно, никогда того, что есть специально — Христос. Но иногда подходит опять близко и напевает.

Недавно читал твои стихи Е. и А. Ивановым ⁵, которым они очень понравились (особенно Бернгард-первый). Очень досадовал, что не имею «Beato», прошу очень прислать мне его, он — из ряду вон ⁶.

Только что мама получила твой адрес от бабушки. В конце концов ждем тебя все сюда в ноябре. Как хороши последние стихи Б. Н. ?? Я совсем научился писать длинно. Скоро пришлю тебе, наконец, собрание своих сочинений, боюсь, что в ультра-декадентской обложке, которую Соколов от меня утаил благоразумно; уж одну я похерил ⁸.

Приветствуем тебя все.

Твой Александр Б л о к

Ответ на письмо 35.

¹ Ср. образ Брюсова в стихотворении Андрея Белого «Одинокый»: «Грустен взор. Сюртук застегнут», «Плещет черная борода» (см. п. 35, прим. 1). Рукопись стихотворения была послана Белым Блоку в конце марта 1904 г. («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 75—76).

² Иронический намек на образ Брюсова в стихотворении Андрея Белого «Маг» (см. п. 35, прим. 1):

И вот — утес, и вы стоите
В венце из звезд упорным магом,
С улыбкой вещью глядите.

³ В комментарии В. Княжнина-Ивойлова к первой публикации писем Блока и Соловьеву указывалось, что М. Д. настоящего письма — Мария Дмитриевна Менделеева, сестра Л. Д. Блок («Письма Александра Блока», с. 87; в новейшем издании блоковского сокращения безоговорочно раскрыто, и принята конъектура первой публикации — VIII, 110, 692—693). Однако контекст предыдущего письма не оставляет сомнений, что речь идет о «М. Д. Ш.» — М. Д. Шепелевой (см. п. 9, прим. 2).

⁴ Кандидатское сочинение «Болотов и Новиков».

⁵ Александр Павлович Иванов (1876—1933) — брат Е. П. Иванова; математик по образованию, прозаик, искусствовед.

⁶ Видимо, либо стихотворение «Видение святого Бернарда» (декабрь 1903 г.), либо «Пресвятая дева и Бернард» (март 1904 г.) — см.: Сергей С о л о в ь е в. Цветы и ладан, с. 30—31, 36—37. — Стихов Соловьева под названием «Beato» мы не знаем.

⁷ В октябре 1904 г. Андрей Белый прислал Блоку рукописи стихотворений «Бегство», «На железнодорожном полотне», «Меланхолия», «На вольном просторе» (напечатаны в этих предварительных редакциях в кн.: «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 109—110). 21 октября 1904 г. Блок писал Белому: «Твои стихи по-новому прекрасны, особенно первые три («Бегство», «На полотне», «Меланхолия»). В них и не то, что было летом, и не то, что в «Золоте в лазури» (там же, с. 111).

⁸ Историю обложки первой книги Блока см. в его переписке с С. А. Соколовым и прим. к письму Белого к Метнеру от 9 сентября 1904 г. (см. кн. 3 наст. тома).

37. СОЛОВЬЕВ — БЛОКУ

31 октября <1904 г.> Москва

Спасибо тебе, милый друг,

книжку получил ¹ и очень ей доволен. Она не только оправдала ожидания, но превзошла их. За исключением *Urbi et orbi*, я не видал книги такой цельной истройной. Она вкусна с начала до конца и от нее не получается никакого осадка, как от Брюсова. И знаешь что: она не только производит, несмотря на карликов и арлекинов, светлое и мирное впечатление, но прямо христианское и потому противоположное Брюсову. Стихотворение «Вот он ряд гробовых ступеней» прямо контр-Орфей и Евридика ², и потому, конечно, немногими будет понято. Одного этого стихотворения довольно для принятия тебя в лоно христианской церкви: ведь это прямо христианская трактовка вопроса о жизни, смерти и любви. Как раз то самое, что у Брюсова трактуется язычески. Владимир Соловьев, видно, одолел. Я все не могу бросить читать этого стихотворения ³ и почти плачу от радости. От него веет тем самым, тем, что мы ощущали, когда ночью мы ехали из Боблова в Шахматово ⁴. И вдруг еще твоя надпись о несказанной встрече ⁵. Я опять почувствовал себя официальным лицом, хотя на этот раз не шафером, а служителем похоронного бюро.

Я пробую объяснить, почему с твоим браком сразу не кончилось все трудное и темное, как я это ожидал раньше. Есть Афродита Площадная, есть Афродита небесная — Урания ⁶ и есть Дева Мария. Если Брюсов гиб-

нет от Афродиты Площадной, то тебе она теперь не страшна. Но я упустил из вида Уранию, ту борьбу начал, которая возникает в глубочайших безднах, когда Афродита Площадная, грубая материя и чувственность (некоторая) уже превзойдены. Так мне кажется, но не буду настаивать. А, пожалуй, это все просто вздор. Вообще я почти утратил способность рассуждать, и когда спорю, то мне представляется, что я отстаиваю один вздор, а мой противник — другой, а тем не менее за свой вздор надо держаться крепко. Я очень редко думаю о Любе, но чем меньше думаю, тем она как-то прочнее устанавливается, подобно невидимому, мыслимому центру, без которого не может быть проведен круг жизни. Совершенно трогаюсь отношением к ней бабушки Александры Григорьевны. Не смотря на твое старое ухаживание за Марусей ⁶, такая справедливая любовь — прямо высока и удивительна. Как можно скорее вы должны переправляться в Москву ⁷, по крайней мере через два года, когда откроются первые действия и заварится борьба не на жизнь, а на смерть; надеюсь, что тут будет не без вас. В двух письмах, которые я писал Любе ⁸, очень много ненужных славянизмов, глупых мыслей, и одним словом: «хотя Александр Македонский» великий человек и т. д.» ⁹ Но такой тон оправдывается моим критическим положением, когда только неприличные выходки могли помочь мне, и я решил писать вольно. Вероятно, Люба положила эти письма в «шкатулку», и я надеюсь, что они потонули в лазурных волнах озера Саймы ¹⁰, где тонет всякая моя неровность, брюсовщина и т. д. Впрочем, от основных положений не отказываюсь нисколько и живу ими. Никакой эмпирический факт расстроить их не может, ибо они вполне метафизичны и составляют подкладку всякого явления.

Я третьего дня вернулся из деревни и начал работать. Похваляю: читаю апостола Павла по-гречески и выписываю слова. Часто радуюсь, что теперь еще ты и Люба не в Москве, а в Петербурге. Сила, чтоб приподнять тело, должна быть отдалена от него (рычаг). Только в отдалении все приходит в порядок, уясняется истинный смысл и отбрасываются крайности увлечений. Писал тете Але ¹¹. Боюсь, что твоя книжка испортит мои отношения со многими, если будут спрашивать о смысле стихов и требовать от меня, как от родственника, толкований. Григорий Алексеевич ¹² великопепен, нервничает, говорит о Боге и читает гостям «Орфея и Эвридику». По поводу М. Д. он мне сказал: «Любви бывают только две. Если вы мне когда-нибудь скажете, что хотите жениться, то я вас спрошу: так же ли вы любите свою невесту, как Блок любил свою, и если не так — то надо все бросить». Борис Николаевич действует и остается единым, незаменимым. Еще немножко, и я возвышенно увлекусь (не рассказывай чужим) Катей Щукиной. Приветствуй всех.

Сергею Соловьеву
на память о лучших днях
и в залог нашей любви

Александр Блок

Май 1911.
С. С.

БЛОК. СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ.
КН. I. «СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ». М.,
«МУСАГЕТ», 1911

Шмунцитул с дарственной надписью
С. М. Соловьеву от мая 1911 г.

Собрание Е. Л. и Л. А. Соломоновых, Москва

Сергей Соловьев

Ответ на письмо 36. Год — по содержанию и помете Блока на письме: 1904.

¹ А. Б л о к. Стихи о Прекрасной Даме. Первый сборник стихов. М., «Гриф», 1905 (цензурное разрешение — 9 сентября 1904 г.).

² Стихотворение «Вот он — ряд гробовых ступеней» (I, 323), завершающее «Стихи о Прекрасной Даме»; основа для сопоставления с «Орфеем и Эвридикой» Брюсова — тема смерти и образ запредельной подруги.

³ См. п. 29, прим. 8.

⁴ Надпись Блока на книге помечена 29 октября 1904 г. См. с. 330.

⁵ Греческая философская традиция различает Афродиту Уранию (Небесную) — источник возвышенной, чистой любви в людях и Афродиту Пандемос (Площадную, Всенародную) — божество грубой чувственной любви и сладострастия.

⁶ Мария Викторовна Коваленская (р. 1882) — переводчица, троюродная сестра Блока, внучка А. Г. Коваленской. Блок «неприлично и парнисто ухаживал за Марусей» (согласно его позднему признанию в дневнике — VII, 341—342) летом 1899 г. в Дедове.

⁷ Намерение переехать на жительство в Москву возникло у Блока во время его пребывания там в январе 1904 г. С. Соловьев вспоминает: «В январе Блок вернулся в Петербург завязитым москвичем. Петербург и Москва стали для него символами двух непримиримых начал. Все в Москве ему нравилось: и Белый, и Брюсов, и Рачинский, а Петербург продолжал олицетворяться «астартическими» Мережковским и Гишпиус» («Письма Александра Блока», с. 24).

⁸ Письма Соловьева к Л. Д. Блок, видимо, не сохранились.

⁹ Имеются в виду слова городничего («Ревизор» Н. В. Гоголя, действие I, явление 1) об «учителе по исторической части»: «Оно, конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать? от этого убьют казней».

¹⁰ Озеро в юго-восточной Финляндии. Вероятно, С. Соловьев намекает здесь на стихотворения Вл. Соловьева о Сайме («Сайма», «На Сайме зимой», «Июньская ночь на Сайме»), в которых пейзажная лирика облекает мистически-возвышенные обращения к «Душе мира» (см.: Владимир С о л о в ъ е в. Стихотворения и шуточные пьесы, с. 105, 107, 112—113).

¹¹ Письма Соловьева к А. А. Кублицкой-Пиоттух, видимо, не сохранились.

¹² Г. А. Рачинский; он был опекуном Соловьева.

38. СОЛОВЬЕВ — БЛОКУ

22 января 1905 г. Москва

Милый друг,

прости, что навьючу на тебя поручение. Сходи, ради Бога, к Булгакову¹, сообщи ему о моем существовании и предложи напечатать мои переводы из Мюссе. Я могу ему доставить: «Августовскую ночь», «Декабрьскую ночь», «Воспоминание» (Souvenir) и «Rappelle-toi». Скажи еще, что у меня переведены две первые главы поэмы «Ролла», которые я могу прислать на рассмотрение, и что, если он обещает напечатать всю поэму, я берусь кончить ее месяца в три². Прибавь, если это может иметь значение, что мой перевод «Декабрьской ночи» Брюсов считает лучшим из ее русских переводов. Если Булгаков откажет, придется связаться с проклятой «Русской мыслью». Имени своего под переводом я подписывать не буду, а только буквы. Ты спросишь, зачем я устраиваю это? А вот: вчера прочел я статью Волошина о Дункан, и все мне опротивело, кроме Греции³. Сегодня пошел за билетом на второй концерт, и не нахожу дешевле 10 рубл. А изображаться будет «Prima vera» и Орфей!⁴ Ну, я сразу покорился, а потом решил бросить 10 рубл. Но придется должать за квартиру и питаться у знакомых, и вот я решаю торговать своим гением! Утешаю себя отчасти мыслью, что Дункан оплодотворит меня в такой мере, что я смогу в будущем продать сотню антологических стихотворений, написанных сафической строфой, где будут действовать люди, окончательно распоясанные относительно одежд⁵. Милочка моя, какое счастье находить себя самого! Как мерзкий кошмар, я прячусь с себя пыль учебных заведений и Критику чистого разума⁶. Будем жить с нимфами, ангелами, фавнами и святыми анахоретами. Зло — только в смерти, только в хаосе. А неужели хаоса больше в песнях Гомера, чем в трансцендентальной аналитике? А кругом все — трупы, заседания, шарады, в которых изображают слово «Святополк Мирский»⁷, а надо всем — «голос злобы, крик невежды». Жду с нетерпением Борю⁸. Хочу сговориться с ним и грянуть на пролом о Любе в Астровском кружке⁹. Пишу много. Занимаюсь Еврипи-

дом и Жуковским. В феврале опять в Трубицыно. Представь себе, что я часто думаю о Нине Ивановне и что ее существо мне очень стало дорого, явившись сквозь призму Андрея Белого¹⁰. Когда я мечтаю о белом братстве, нищенствующем, собирающем цветы и влюбленном, я думаю, что она могла бы быть в нем. Когда я сказал ей, что надо, чтобы вся жизнь насквозь стала любовью, чтобы не было ничего, кроме любви, она сказала: «мне странно слышать это от вас. Это мои слова».

Итак, не забудь Булгакова.

Твой всегда Сергей Соловьев

Р. С. Любу приветствуй.

На письме помета Блока: 1906? Но контекст следующих писем однозначно разрешает сомнение Блока в пользу 1905 г. !

¹ Федор Ильич *Булгаков* (1852—1908) — искусствовед, редактор-издатель «Нового журнала иностранной литературы, искусства и науки». Блок был знаком с ним по многолетнему сотрудничеству его матери и тетки в журнале; у Соловьева были денежные претензии к журналу — см. п. 40, прим. 1 и п. 43, прим. 1.

² Выполненные Соловьевым переводы стихотворений Альфреда де Мюссе (1810—1857) в «Новом журнале иностранной литературы, искусства и науки» опубликованы не были и, насколько известно, вообще не увидели света. О двух ранних его переводах из Мюссе см. п. 5, прим. 7. Цикл Мюссе «Ночи» и поэмы «Воспоминание» и «Ролла» Соловьев анализирует в позднейшей — 1915 г. — статье «Альфред Мюссе и его «Ночи» (Сергей Соловьев. Богословские и критические очерки. Собрание статей и публичных лекций. М., 1916, с. 209—220).

³ Видимо, имеется в виду раздел об американской танцовщице Айседоре Дункан (1876—1927) в статье М. А. Волошина «Письмо из Парижа» («Весы», 1904, № 5, с. 33—39). Другая статья Волошина на ту же тему («Айседора Дункан») была одновременно напечатана в газете «Русь» (1904, № 144, 7 мая). Это были первые русские статьи (появившиеся до гастролей Дункан в Петербурге и Москве), в которых давалась подробная характеристика танца Дункан и, в частности, отмечалась преемственность ее искусства по отношению к древнегреческому.

⁴ Первый концерт Айседоры Дункан в Москве состоялся в Большом зале консерватории 24 января 1905 г. (исполнялись танцы на музыку Шопена), второй концерт — там же 27 января (Dances idylles). После этого Дункан выступала дважды — 31 января и 3 февраля — в театре Солодовникова.

⁵ Это выражение использовано Блоком в шуточном стихотворении «Корреспонденция Бальмонта из Мексики», автограф ранней редакции которого сохранился в бумагах Соловьева. См. с. 241.

⁶ «Критика чистого разума» — основной философский труд Иммануила Канта.

⁷ Петр Дмитриевич *Святополк-Мирский*, князь (1857—1914) — министр внутренних дел (1904—начало 1905 гг.).

⁸ Андрей Белый находился в Петербурге с 9 января по 4 февраля 1905 г.

⁹ Кружок, собиравшийся по средам в квартире Павла Ивановича Астрова (1866 — ?) — члена Московского окружного суда и лектора гражданского процесса на Высших женских курсах Полторацкой, автора статей на церковные и судебные темы. У него собирались «аргонаты» (Андрей Белый, Эллис, С. Соловьев, М. И. Сизов, М. А. Эртель и др.), а также знакомые Астрова и его двух братьев и члены их семей. См.: Андрей Белый. Начало века, с. 357—363; Андрей Белый. Воспоминания о Блоке. — «Эпопея», 1922, № 2, с. 156—157. В намерениях С. Соловьева входило провозглашение мистического культа Л. Д. Блок.

¹⁰ Речь идет о Н. И. Петровской и ее сложных личных отношениях с А. Белым.

39. БЛОК — СОЛОВЬЕВУ

«Петербург. 23 января 1905 г.»

Милый друг.

Все складывается так, что тебя очень не хватает. Несколько дней мы с Борисом Николаевичем собирались писать тебе, наконец, выяснилось, что надо послать телеграмму¹. Деньги найдутся, и ты после нам отдашь, только приезжай. Относительно места остановки мы придумали, что у тети Мани есть очень удобная, совсем отдельная комната, которая стоит без жильцов только случайно. Тетя Маня теперь живет от нас на расстоянии пяти минут ходьбы. Ты приезжай прямо к нам в казармы, откуда уж устроим тебя у тети Мани². Таким образом, внешние препятствия устраняются, найди только деньги

доехать. Если поедешь в III классе (это удобно, мы в прошлом году с Любой ездили и в Москву и обратно так), то это будет стоить 6 рублей (неспальный), а со скидкой для учащихся, которую можно взять в Университете — 5 рублей, а спальный — 6. Для II класса скидки не дают, и он стоит, кажется, рублей 9 (неспальный).

С Б<орисом> Ник<олаевичем> видимся почти ежедневно³. Он живет у Мережковских, которые совсем другие, чем когда-то. Дм<итрий> Серг<еевич> и говорить нечего — ничего кроме прозрачной белизны нет. Зин<аида> Никол<аевна> тоже бела, иногда (часто) — совсем. Все происходящее ежедневно описывать долго, настолько это исторически и мистически важно. Давно Петербург не был таким, может быть — никогда. Б<орис> Ник<олаевич> уже читал 4-ую Симфонию (первые 3 части⁴), а потом уже несколько раз принимался за изложение Ларан⁵. Но, так как начинается с «эмпирической психологии», гегельянства, вещей в себе и других вещей, которых мама не понимает, — изложение самой системы все еще не состоялось, но предполагается в скором времени⁶. Спасибо за твои великолепные письма маме и мне. Относительно Дункан ты прав, что взял место в 10 руб. Мы с Любой и Бор<исом> Никол<аевичем> в положительном восторге. Бор<ис> Никол<аевич> говорит, что в Дункан — один, но строго и до тонкости проведенный «цвет» Ларан⁷. Все чрезвычайно хотим тебя видеть. Если II-ой конц<ерт> Дункан не скоро, приезжай теперь, если на днях — после. Думаю, что Борис Николаевич останется дольше, он решил ввиду важности событий (между прочим в русской церкви и государстве) плюнуть на университет пока⁸. Наш университет тоже закрыт на неопределенное время⁹. Самое приятное — если выедешь завтра, получив это письмо. К Булгакову непременно пойдешь скоро; но ведь это не обеспечит немедленных доходов. Мы с Любой боимся, что ты влюбишься в Дункан. Это соблазн, который должно преодолеть, необходимо — она требует совершенного бескорыстия. Особенно опасно, пожалуй, то, что ты будешь смотреть вблизи, издали — сначала — лучше. — Приезжай непременно во всяком случае. Точно объяснить важность твоего присутствия, конечно, нельзя, как вообще невозможно объяснить важнейших пунктов. Итак, приезжай прямо в казармы. Пишу так скверно, потому, что только что вернулись с выставки «Союза», где возбуждается съизнова нежность к Врубелю и другим¹⁰. Целую крепко, все целуют. Приезжай, ждем все.

Твой Ал. Блок

23 янв<аря>.

Ответ на письмо 38.

¹ Телеграмма нам не известна. Однако она, по всей вероятности, была отправлена, возможно, даже, что их было две. Первая содержала в себе приглашение приехать, и именно о ней говорят Блок — иначе трудно мотивировать его следующую фразу, как бы продолжающую текст телеграммы («Деньги найдутся» и т. д.); она могла быть дана 23 января, поскольку комментируемое письмо написано вечером этого дня, после посещения выставки (см. прим. 10) и получения отправленного накануне письма Соловьева. Можно предположить, что на следующий день Блок побывал у Булгакова и неожиданно выяснилась необходимость иметь доверенность на получение гонорара покойной О. М. Соловьевой, а также готовность издателя рассмотреть переводы Соловьева: тогда была дана вторая телеграмма, без которой необъяснимы начальные слова письма 40.

² С. Соловьев тогда в Петербург не приехал. Блок жил в квартире отца, Ф. Ф. Кублицкого-Пиоттух — в офицерском корпусе казарм лейб-гвардии Гренадерского полка (на набережной Большой Невки у Гренадерского моста). В 1905 г. М. А. Бекетова поселилась на набережной Большой Невки (дом 22), куда она переехала с Большой Монетной улицы (дом 16) — также неподалеку от квартиры Блока.

³ Наиболее подробно свои встречи с Блоком в январе 1905 г. Андрей Белый описал в «Воспоминаниях о Блоке» («Эпопея», № 2, с. 159—232).

⁴ См. п. 35, прим. 16.

⁵ Лапан — вымышленный исследователь «секты блоковцев» из XXII в.; С. Соловьев, придумавший и изображавший его в Шахматове летом 1904 г., пародировал таким образом, по словам Белого, «собственную приподнятость чувств» и мистические устремления «соловьевцев». С этим именем были связаны и другие разнообразны игровые, юмористические моменты в общении С. Соловьева, Андрея Белого, Блока и членов его семьи. См.:

Андрей Б е л ы й. Воспоминания о Блоке. — «Эпопея», № 1, с. 215—216; Андрей Б е л ы й. Начало века, с. 343—347. М. А. Бекетова в связи с этим заключает: «Очень забавны были шаржи Сергея Соловьева: философы Ларан и Ратран и будущие споры филологов XXII века смешили нас до изнеможения, были в высшей степени остроумны, но все-таки нельзя не вспомнить, что поведение «блоковцев» не всегда соответствовало тому серьезному смыслу, который они придавали своему культу. В их восторгах была изрядная доля аффектации, а в их речах много излишней экспансивности. Они положительно не давали покоя Любви Дмитриевне, делая мистические выводы и обобщения по поводу ее жестов, движений, причiski <...> На это нельзя было сердиться, но это как-то утомляло, атмосфера получалась тяжеловатая. Шутки Сережи, его пародии на собственную особу облегчали дело, но и тут оставался какой-то неприятный осадок. Сам Александр Александрович никогда не шутил такими вещами, не принимал во всем этом никакого участия и, относясь ко всему этому совершенно иначе, тут предпочитал отмалчиваться» (М. А. Бекетова в А. Александр Блок. Биографический очерк. Пб., «Алконост», 1922, с. 89—90).

⁶ Белый об этом вспоминал: «Я часто в те дни философствовал; и Л. Д. «Блок» мне внимала <...> так, однажды она мне поставила строгий вопрос: каковы должны были бы быть гносеологические основы «Ларан», ежели бы этот философ культуры действительно появился; и из вопроса естественно вырос ряд лекций моих, импровизированных на квартире у Блоков; А. А. неизменно присутствовал тут и прислушивался ко мне» («Эпопея», № 2, с. 229). Решить эти задачи Белый пытался с помощью научных и философских данных: «Шуточные гротески о «блоковцах» я задумал нешуточно обосновать; и — наткнулся на трудности справиться с логикой, бросившие меня прямо к Канту; от Канта же к Рилью; от Рилья же — к Риккерт; так уткнулся я в Риккерта, выгрызая старательно за страницей страницу из «Gegenstand der Erkenntnis», исписывая вереницы листов (все — потеряны), пролагающих путь — от Риккерта к... к... «Ларан'у» (Там же, с. 108).

⁷ Айседора Дункан выступала в зале Петербургской консерватории 21 января 1905 г. с танцевальной программой на музыку Бетховена и Шопена. На концерте присутствовали Блок с женой и Андрей Белый. «Помнится: в революционные дни Айседора Дункан исполняла 7-ую симфонию неумирающего Бетховена и Л. Д. «Блок» заставила пойти — на концерт <...>, — писал Андрей Белый в «Воспоминаниях о Блоке», — в те дни увлекались Дункан (более всех увлекалась Л. Д.); А. А. был всех сдержанней, но и он отдавался соединению музыки с жестом» («Эпопея», № 2, с. 228). «Милый, не унывай. Христос с Тобой. Ведь есть же на свете Айседора Дункан», — писал Белый Блоку в марте 1905 г. в ответ на письмо последнего, полное «грусти и утомления» («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 127). Свои восторженные впечатления от танца Дункан Андрей Белый отразил в статье «Луг зеленый» («Весы», 1905, № 8, с. 5—16; вошла в кн.: Андрей Б е л ы й. Луг зеленый. Книга статей. М., «Альциона», 1910, с. 3—18). О Дункан собирался написать в аналогичном ключе и Блок (в статье «Безвременье»), но отказался от этого намерения после появления статьи Белого. Ср. его заметку в записной книжке (1905): «З е л е н ы е л у г а <...> Танец юности. Дункан. Ай! Боря уже написал в «Весах!» (№ 8)» (ЗК, 70).

⁸ Осенью 1904 г. Андрей Белый вторично приступил к занятиям в Московском университете — на историко-филологическом факультете.

⁹ Петербургский университет был закрыт в связи со студенческими волнениями, вызванными событиями 9 января.

¹⁰ Вторая выставка «Союза русских художников», открывшаяся в Петербурге в залах Академии художеств в конце декабря 1904 г. По-видимому, в связи с посещением этой выставки возник разговор о Врубеле, «Демоне» и т. д. у Блоков 24 января 1905 г. («Блоковский сб.», 1, с. 390). На выставке экспонировались работы М. А. Врубеля «Жемчужина», «Этюд», «Портрет С. И. Мамонтова», «Кампанулы», «Портрет ребенка», «Муза» («Каталог выставки картин «Союз русских художников». С.-Петербург, 1905 г. СПб., 1905, с. 10), а также, судя по рукописному дополнению, сделанному Н. В. Недоброво в принадлежавшем ему экземпляре каталога (хранится в библиотеке ИРЛИ), картины «Морская царевна» и «Снегурочка».

40. СОЛОВЬЕВ — БЛОКУ

«Москва. 25 января 1905 г.»

Милый Сашенька,

«спасибо тебе за труды. Пришлю переводы, кое-что поправив, и доверенность¹. Приехать, право, не ловко; нужно теперь быть в Москве. Вчера видел Айседору Дункан² и... евангелие лучше, чем ее пляска, но вот и все. Я не влюбился. Однако кричал до хрипоты и, наконец, через всю толпу швырнул ей мою фуражку. Она ее взяла и надела на голову. Теперь я не позволяю этой фуражке ночевать в передней и кладу ее в спальне на стол. Куплю новую, а эту буду носить только по богородичным праздникам³. Написал рецензию о Дункан и отдал Валерию. Только он едва ли напечатает, ибо я написал не совсем в его вкусе и без особого уважения прошелся

на счет хаоса. Если не в «Весы», то пристрою в другое место ⁴. Но молчать теперь нельзя, ибо публика ведет себя, как сволочь, а газеты обливают бога помоями ⁵; впрочем, это их обычная функция. Занимаюсь Еврипидом, и это все к одному. Заказал у Готье ⁶, чтоб мне выписали его «Вакханок». Вчера, после Дункан, ко мне пришел ангелоподобный студент, и мы до третьего часа говорили о самом заветном. Бальмонтская «Литургия Красоты» ⁷ никуда не годится. Яковлевич ⁸ его окончательно убил и землю засыпал. Третьего дня я был исключительно счастлив. Читал в обществе барышень «Саула» ⁹. Им очень понравилось, и они были со мной добры и нежны. Мы пили золотое вино с апельсинами, и Таня Шуцкая ¹⁰ сказала мне: «Хорошо бы в это вино набросать цветов и измять их». Каково? Потом я стал нетверд на ногах, мы пошли в комнату Бенкендорфа ¹¹, скинули тужурки и скюртки (барышень, разумеется, уже не было) и стали петь «Gaudeamus igitur» и цыганские песни. А вчера Дункан и швыряние фуражки на сцену. В феврале еду в Трубицино. Готовлюсь писать драму «Давид» и потом «Соломон». «Давид» начинает слагаться в голове довольно стройно, и я надеюсь в нем довольно полно выразиться ¹². Прообраз Христа красной нитью должен идти по драме. Но едва ли напишу до лета. Передай тете Але, что часто вспоминается стихотворение Пушкина «Чернь», хотя оно очень давно написано. Вообще я теперь, подобно Версилу, «девочкам евангелие проповедую» ¹³. И внутри бело, только бы не сглазить. В одном стихотворении я говорю: «провидец Блок» ¹⁴. Мой роман стоит на трех главах и вряд ли скоро кончится ¹⁵. Губит меня «орудие мытья» ¹⁶. Иногда заглядывают коллеги, и иногда я испытываю такое отчаяние, что сомневаюсь в творении мира богом, ибо если эти люди созданы Богом, то... Привет Любе, тете Але, дяде Францу.

Твой Сергей Соловьев

Ответ на письмо 39; на письме помета Блока: 1906? Датируется по упоминанию концерта Дункан — см. прим. 2.

¹ О необходимости иметь доверенность для получения денег в журнале Блок мог уведомить Соловьева только телеграфно, о чем см. п. 39, прим. 1. Дело Соловьева с Булгаковым разрешилось много времени спустя, когда отношения между Блоком и Соловьевым окончательно испортились, ср. письмо Блока к матери от 9 сентября 1905 г.: «Вчера я <...> встретил Женю <Е. П. Иванова> и опять шел с ним по набережной к Булгакову, от которого наконец получил Сережины деньги, которые и послал переводом (больше 50 рублей)» («Письма к родным», I, с. 145); отрезной купон перевода, по всей вероятности, представлявший собой записку Блоку, необходимую при том, что сношения с Соловьевым прекратились, — нам неизвестен.

² Первый московский концерт А. Дункан 24 января 1905 г. (см. п. 38, прим. 4).

³ Андрей Белый по возвращении в Москву сообщал Блоку (в начале февраля 1905 г.) о встрече с С. Соловьевым, поделившись с ним своими восторженными впечатлениями от выступлений Дункан. Соловьев, по словам Белого, «рассказывал и то, как он бросил Астрову в ответ на общественное значение Христа, что дело Христово бесконечно больше в тапцах Дёнкан. Он-таки вручил ей свое стихотворение по-гречески с переводом по-английски, упав на колени перед ней, за что и удостоился цветов от нее» («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 123). Обращенное к Дункан стихотворение Соловьева см. в книге: Сергей Соловьев. Цветы и ладан, с. 108—110.

⁴ Заметка Соловьева «Айсadora Дёнкан в Москве» была напечатана в «Весах» (1905, № 2, с. 33—34; подпись: С. С.). Говоря в ней о пассивной природе, «пассивной плоти», он утверждает: «Темный хаос манит ее в свои сети, обращая ее потенцию в активное Зло, раздробляя ее цельный образ, увлекая ее к греху и смерти». Танец Дункан, по впечатлению Соловьева, противостоит этой угрозе: «Айсadora Дёнкан дала нам предчувствие того состояния плоти, которое я называю «духовно-телесностью». В ее танце форма окончательно одолевает косность материи, и каждое движение ее тела есть воплощение духовного акта. Она, просветленная и радостная, каждым жестом стряхивала с себя путь хаоса, и ее тело казалось необыкновенным, безгрешным и чистым».

⁵ В московской прессе преобладала сдержанная, зачастую недоуменная оценка танцев Дункан.

⁶ Книжный магазин: «В. Г. Готье» (Кузнецкий мост, дом Захарьина).

⁷ Книга К. Д. Бальмонта «Литургия Красоты. Стихийные гимны» (М., «Гриф», 1905) вышла в свет в декабре 1904 г.

⁸ В. Я. Брюсов.

⁹ Вероятно, это произведение имело отношение к драматической поэме С. Соловьева «Саул и Давид», напечатанной впоследствии в литературно-философском сборнике «Свободная совесть» (кн. 2, М., 1906).

¹⁰ Подруга сестер Марии и Натальи Венкстерн и Софьи Гнацинтовой, с которыми были дружен С. Соловьев. См. его шуточное стихотворение «Письмо Тане Шуцкой» в детском журнале Н. А. Венкстерн и С. В. Гнацинтовой (ЦГАЛИ, ф. 2050, оп. 1, ед. хр. 102, л. 17 об.).

¹¹ Александр Александрович Бенкендорф — гимназический и студенческий товарищ С. Соловьева. См. его стихотворение «А. А. Бенкендорфу» (Сергей С о л о в ь е в. Цветник царевны. Третья книга стихов (1909—1912). М., «Мусагет», 1913, с. 108—109). Блок познакомился с Бенкендорфом в Москве в январе 1904 г. (см.: VIII, 83).

¹² Эти произведения Соловьева нам неизвестны. Возможно, что замысел драматической трилогии на библейские темы («Саул», «Давид», «Соломон») свелся в конечном счете к драматической поэме «Саул и Давид» (см. прим. 9).

¹³ Имеется в виду ироническая характеристика Версилова, вложенная в уста старого князя Сокольского («Подросток», ч. 1, гл. 2). — «Ну и что ж, — изменилось вдруг все лицо князя, — проповедует бога по-прежнему, и, и... пожалуй, опять по девочкам, по неоперившимся девочкам?» (Ф. М. Д о с т о е в с к и й. Полн. собр. соч. в 30 томах, т. 13. Л., 1975, с. 31). Ср. прозвище Версилова «бабий пророк» (Там же, с. 121).

¹⁴ Стихотворение Соловьева с такой характеристикой Блока нами не обнаружено.

¹⁵ Об этом произведении Соловьев писал Андрею Белому в июне 1904 г.: «Начал писать роман под забористым заглавием «Дети хаоса» (ГБЛ, ф. 25, карт. 26, ед. хр. 13). Сохранилась рукопись начальных глав «Детей хаоса» (ЦГАЛИ, ф. 446, оп. 1, ед. хр. 72).

¹⁶ Т. е. губка, в древности применявшаяся для подчистки текста при его правке, — Соловьев говорит о постоянных переделках начальных глав своего романа.

41. СОЛОВЬЕВ — БЛОКУ

«Москва. Февраль 1905 г.»

Милый Сашенька,

много совсем нового и радостного. Я живу с тобой и Борей все время, мы с ним окончательно говорим теперь одно. Все скажу в Шахматове. Дело моей жизни предстало мне совсем в новом свете, хотя главное, конечно, неколебимо. Я чувствую себя как бы восставшим из мертвых и совсем одиноким. Все провалились, кроме вас, Бори, Нины Ивановны¹ и Брюсова. С последним часто вижусь и сближаюсь. Он теперь не страшный и трогательно мудрый. Пишу много. Сейчас мы с Борей говорили о Любе, затворив все двери. Поражались, до чего мои и его переживания совпадают. Люблю бывать у бабушки, в «Весах» и «Грифе». Люблю чувствовать себя литератором-декадентом и в обществе подражаю манерам Брюсова, а наедине — манерам Дункан. Если б ты знал, что открылось! что зажглось! Веселое, легкое, радостное. Хорошо, что Боря был в Петербурге, а мне не надо было ездить, я все равно *все это* в Москве переживал и шел к тому же. Усиленно привязываю маску за ушами, предвкушая наслаждение когда-нибудь сорвать ее и захохотать в лицо идиотам. Читаю «Ифигению» Еврипида и пишу стихи на греческие темы. Брюсов растет не по дням, а по часам. Хочется говорить: Эсхил, Гете, Брюсов². В моей и Бориной борьбе с ним было много недоразумения, в котором и он был виновен, ибо надевал страшную маску³. Теперь я не могу его бояться: он на мой вопрос: «воскрес ли Христос?» — посмотрел грустными глазами и сказал: «Конечно, воскрес, Серг<ей> Мих<айлович>! Я ни одной минуты в этом не сомневался. И, конечно, бог победит дьявола, но мне кажется как-то неблагородно становиться на сторону победителя»⁴.

Я отлитографировал «Август<овскую> ночь» и «Воспоминание». Вчера проработал весь день и кончил «Майскую ночь». Отдал и ее в литографию и пришло вместе с другим⁵. Напиши поскорее, какую нужно прислать тебе уверенность на получение денег: довольно простой записки или прислать официальною уверенность. Напиши еще адрес Булгакова, его имя и отчество. Не медли, ибо деньги довольно нужны. Бедного Борю мучают люди, академики, мистики, либералы⁶. Я не принимаю больше никого, кроме Бори, и бываю только в излюбленных местах, хотя иногда и приходится влачиться черт знает куда, чтобы пребывать, шокировать своим невежеством

в политике и беспомощно бормотать что-то о конституции. Милый, до свиданья. Любу хорошенько, хорошенько приветствуй и благодари за все. Тете Але напишу.

Твой С. Соловьев

Датируется по содержанию и помете Блока: Февраль 1905.

¹ Н. И. Петровская. Ср. п. 38, прим. 10. Сохранилась открытка, посланная ею и Брюсовым Соловьеву с озера Сайма весной 1905 г. (ЦГАЛИ, ф. 475, оп. 1, ед. хр. 20).

² В январе 1905 г. Соловьев написал два посвященных Брюсову стихотворения, в которых его творчество приравнивалось к вершинным достижениям русской и античной поэзии. В первом из них утверждается:

Ты, Брюсов, не был бы унижен
Среди поэзии царей,
И к ямбу Пушкина приближен
Твой новоявленный хорей.

.....
То вещим магом, то ученым
Ты встал: безжалостно греметь.
В твоём стихе озолоченом
Звенит Вергилиева медь.

Второе стихотворение начинается строфой:

Ты, Валерий, Пушкина лиру поднял.
Долго в прахе звонкая лира тледа.
В пальцах ловких вновь рассыпает лира
Сладкие звуки.

(Сергей Соловьев. Цветы и ладан, с. 65—67).

³ Духовно-психологический поединок между Брюсовым и Андреем Белым завершился в декабре 1904 г.: Брюсов признал несостоятельность взятой на себя роли «демона-искусителя». См. его обращенное к Андрею Белому стихотворение «Бальдеру. II» (1 января 1905 г.) с эпиграфом из Э. Н. Гиппиус «Тебя приветствую, мое поражение» (В. Брюсов. Стихотворения и поэмы. Л., 1961, с. 502—503). Белый писал о разрешении этого психологического конфликта: «Пропал Брюсов, страдавший в астрале (...) воля Брюсова была сломлена: сброшен гипноз» (Андрей Белый. Начало века. «Берлинская редакция 1922—1923 гг.» — ГПБ, ф. 60, ед. хр. 11, л. 75). Подробнее см.: ЛН, т. 85, с. 336—338.

⁴ Аналогичную аргументацию Брюсов развивал в то время и в беседах с Андреем Белым. В «Воспоминаниях об Александре Александровиче Блоке» Белый пишет: «Помню один характерный разговор мой с Брюсовым, когда В. Я. воскликнул с совершенно искренним пафосом: «Что же, Борис Николаевич, ведь в Апокалипсисе сказано, что гад будет повержен в смерть. И так: вы против Гада, против слабейшего? Мне — жаль гада, бедный гад, я с гадом!» («Записки мечтателей», № 6. Пб., «Алконост», 1922, с. 95). Ср.: «Эпопея», № 1, с. 261.

⁵ Речь идет о переведенных Соловьевым произведениях Мюссе, предназначенных для «Нового журнала иностранной литературы, искусства и науки» (см. п. 38).

⁶ В одном из февральских писем к Блоку Белый сообщал: «В Москве мучительно, грузно и нудно. Был у Котляревского, говорил о революции, видался с Эрном, Свенцицким (...)» («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 123). Упомянуты профессор Московского университета С. А. Котляревский и студент, религиозные мыслители В. Ф. Эрн и В. П. Свенцицкий, под влиянием начавшейся революции образовавшие так называемое «Христианское братство борьбы»; их деятельность имела целью соединение революционно-преобразовательных и религиозно-обновленческих задач. В другом февральском письме Белый шутиливо информировал Блока о приезде в Москву религиозного публициста Волжского (А. С. Глинки): «Наконец из Петербурга приехал зуборог Волжский с охашкой религиозной общественности, и прошел караван, месяц песок, — Флоренский, Свенцицкий, Эрн, Сыроечковский и др.» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 149). О встречах Белого с участниками «христианского братства борьбы» см. в его «Воспоминаниях о Блоке» («Эпопея», № 2, с. 237—239).

42. БЛОК — СОЛОВЬЕВУ

<Петербург. Середина февраля 1905 г.>

Милый Сережа.

Спасибо за все слова и не слова. Люблю тебя и Борю. И я политики не понимаю, на сходке подписался в числе «воздержавшихся», но... покорных большинству. Не знаю, что из всего этого выйдет. Читая «Красный смех» Андреева, захотел пойти к нему и спросить, *когда* всех нас перережут¹. Ближился к сумасшествию, но утром на следующий день (читал ночью) пил чай. Иногда «бормочу» и о политике, но — все меньше. Осенью² был либералом более. Но, когда заговорили о «реформах», почувствовал, что деятельного участия в них не приму. Впрочем, консерваторов тоже почти не могу выносить³. Пишу иногда стихи, большая часть их есть у Бори. О Брюсове — ничего не понимаю, кроме того, что он — гениальный поэт Александрийского периода русской литературы. Верю совершенно тому, что говорите о нем вы с Борей, но несколько сержусь за никуда не годный последний номер «Весов» (1905, № 1)³. Начинаю чувствовать преданность и благодарность товариществу «Знание». Люба сказала, что она похожа на Печорина⁴, который охладевал немедленно, как только рядом с ним проявляли вспыхиванье, тревогу и беспокойство. Люба кланяется тебе. Доверенность Булгакову (Федор Ильич. Улица Гоголя, 9) необходима *официальная*, присылай ее поскорей — мне. Твой очень любящий тебя

Ал. Блок

Изменяем принятую датировку этого письма (январь 1905 г. — «Письма Александра Блока», с. 77; VIII, 117; «Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог», вып. 1, с. 372), поскольку это письмо — ответ на п. 41, написанное после возвращения А. Белого из Петербурга, т. е. после 4 февраля 1905 г.

¹ Повесть Л. Н. Андреева «Красный смех» была напечатана в «Сборнике товарищества «Знание» за 1904 год» (кн. 3. СПб., 1905), вышедшем 22 января 1905 г. В воспоминаниях «Памяти Леонида Андреева» (1919) Блок писал: «Что везде неблагоприятно, что катастрофа близка, что ужас при дверях, — это я знаю очень давно, знал еще перед первой революцией, и вот на это мое знание сразу ответила мне «Жизнь Василия Фивейского», потом «Красный смех» <...>» (VI, 130—131). Подробнее о восприятии Блоком «Красного смеха» см. в статье В. И. Бездубова «Александр Блок и Леонид Андреев» («Блоковский сб.», 1, с. 231—234).

² Отношение Блока к революции 1905 г. характеризуется в статье: Д. Е. М а к с и м о в. Александр Блок и революция 1905 г. — В кн.: «Революция 1905 г. и русская литература». М.—Л., 1956, с. 246—279.

³ В январском номере «Весов» были напечатаны статьи «Поэзия стихий» К. Бальмонта, «Священная жертва» В. Брюсова, «Творчество М. В. Якунчиковой» М. Волошина, корреспонденция «Айседора Дёнкан в Петербурге» Л. Вилькиной, «Петербургские театры» С. Рафаловича и другие обзоры и рецензии.

⁴ Имеется в виду Печорин из романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».

43. СОЛОВЬЕВ — БЛОКУ

<Вторая половина февраля 1905 г. Москва.>

Милый Шурочка,

прежде чем мне тебе прислать доверенность, узнай, голубчик, сколько следует мне получить маминых денег¹. И объясни еще, зачем нужна доверенность: для доказательства того, что я наследник О. М. Соловьевой или просто, чтобы ты не украл денег. Во втором случае, право, можно было бы обойтись проще. Наконец, почему Булгакову не прислать мне денег на квартиру, в Москву? Я говорил с Рачинским, и оказывается, что для официальной доверенности надо идти к нотариусу!

Соколов хотел издать моего «Саула» к Пасхе. Но я сказал ему, между прочим, что определенно предпочитаю «Северные цветы» альманаху «Гриф»². Тогда он принял такой неблагоприятный тон, что я, вернувшись домой, написал ему краткое, но вразумительное извещение о прекращении всяких

между нами сношений³. Это очень неприятно из-за Нины Ивановны⁴, которая вконец измучилась во время моего разговора с С. А.⁵ Но пусть этот лакей знает свое место.

Дружу с Брюсовым, у которого более чем когда-либо «грустен взор и скюртук застегнут»⁶. Был на выставке московских художников⁷, где прекрасные Врубелевские лебеди, с закатом à la Блок. Я упорно отвергаю твою связь с Лермонтовым и устанавливаю оную между тобой, Фетом и Врубелем⁸.

На первой неделе поста еду в Трубицыно.

Твой Сергей Соловьев

Ответ на письмо 42.

¹ Видимо, невыплаченные гонорары О. М. Соловьевой за ее переводы в «Новом журнале иностранной литературы, искусства и науки». В 1903 г. там были посмертно опубликованы ее переводы повестей «Женщины, которых я знал» Маартен Маартенса и «Совратитель Гадлейбурга» Марка Твена.

² О «Сауле» см. п. 40. Третий «Альманах «Гриф» (М., 1905) вышел в свет в конце февраля 1905 г. без произведений С. Соловьева. В альманахе «Северные цветы ассирийские» (М., «Скорпион», 1905, вышел в свет весной 1905 г.) был помещен цикл стихотворений Соловьева «Предания».

³ Впоследствии, ко времени издания Соколовым журнала «Перевал» (с ноября 1906 г.), отношения между ним и Соловьевым восстановились, но лишь формально. 12 декабря 1906 г. Соловьев писал Вяч. Иванову: «С. А. Соколова я очень не люблю и несколько не уважаю. Но нельзя же участвовать только в тех журналах, где любишь и уважаешь редактора!» (ГБЛ, ф. 109).

⁴ Н. И. Петровская (Соколова) — жена С. А. Соколова.

⁵ С. А. Соколов.

⁶ Строка из стихотворения Андрея Белого «Одинок» (1904) — см. п. 36, прим. 1.

⁷ Вторая выставка «Союза русских художников» открылась в Москве 13 февраля 1905 г.

⁸ Сопоставительный анализ поэзии Блока и живописи М. А. Врубеля дан в книге В. Альфонсова «Слова и краски» (М.—Л., 1966, с. 13—62).

44. СОЛОВЬЕВ — БЛОКУ

«Москва. 24 февраля 1905 г.»

Милый друг,

сейчас второй час ночи. Я пришел от «аргонавтов»¹, молча прошел в кабинет и зажег свечу. На столе нашел номер «Весов» с моей статейкой о Дункан² и два письма. Это все-таки изящно и близится к идеалу литературного поденщика! Горит свеча, кругом навалены книги, обрывки стихов, цветы, альбом одной девочки, куда я должен написать много стихов. Передо мной — портреты Дункан и Любы. Пишу кузену-поэту. А вчера был обед в герцогском доме³, я говорил стихи, и Катя Щукина была необыкновенно мила.

Сейчас у Астрова произошел ужасный разговор. Большая свора христиан (Боря, Астров, я, В. Ф. Эрн⁴) затравливала одного демониста (Л. Л. Кобылинского) и затравила, доказав ему его. . . нелогичность. Особенно хорошо говорил Эрн: сильно, строго, мистически. Я поражался, до чего каждое его слово выражало мою мысль. Кобылинский нападал на плоть, Эрн возвеличивал ее. Когда демонист был окончательно затравлен, мы пошли с Эрном, и во всем соглашались. Но в результате он начал отстаивать *интенсивность* (sic) *плотской жизни*, восставая на *сладострастие* (sic), как на грех. Тогда я почувствовал желание бежать за врагом плоти и броситься ему на шею. Представь себе, что образовывается целое общество людей, говорящих все как следует и притом окончательных *тупиц* (да-с), ибо лучше говорить не так, но не принимать известное учение только потому, что не делаешь из него последних выводов. Пойми, что вреднее этого трудно себе что-нибудь представить, ибо они тормозят торжество религии святого сладострастия, которое я исповедую, за что диавол рвет меня когтями, ибо уж он-то во всяком случае не тупица и понимает, что только эта религия одолеет его окон-

19 13

№ 1612

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КРУЖОКЪ

(Бол. Дмитровка, д. Востряковъхъ).

СЪ ЯНВАРЯ 1913 г.

открывается рядъ спектаклей ГРУППЫ МОЛОДЫХЪ АРТИСТОВЪ (студія при курсахъ драмы артистки Московскаго Художественнаго театра С. В. Халютиной).

Первый спектакль въ Воскресенье, 13-го Января: Первый спектакль.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ.

Текстъ А. Н. Майкова.

Суббота, 19-го Января:

ЧАЙКА.

Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ,
А. П. Чехова.

Воскресенье, 20-го Января:

ИЛИАДА и ОДИССЕЯ.

Гомера, пер. Жуковскаго и Мяскаго.

Среда, 23-го Января:

НЕЗНАКОМКА.

Юрическаго драма,
А. Блока.

Среда, 30-го Января:

ТРАГЕДІЯ ЛЮБВИ.

Въ 4-хъ дѣйствіяхъ, Г. Гейберга.

О дняхъ слѣдующихъ спектаклей будетъ своевременно оповѣщено

Начало спектаклей въ 8 час. вечера.

Послѣ начала дѣйствія входъ въ залъ не допускается.

Для дальнѣйшаго репертуара готовятся: Аминта—пастораль Торквато Тассо, Испанцы—трагедія Лермонтова, Цинль русскихъ сказокъ.

БИЛЕТЫ отъ 5 руб. 10 коп. до 75 коп. (учащимся въ формѣ въ день спектакля на-свободный мѣста 50 коп.) можно получать ежедневно въ Литер.-Худож. Кружкѣ и на курсахъ драмы С. В. Халютиной (Б. Чернышевскій пер., д. 15, кв. 1, телеф. 260-92).

На основаніи ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго 5 мая 1892 г. мѣня Государственнаго Совѣта и утвержденнаго 8 марта 1908 г. правленія комитета сбора съ публики на ярмарки и увеселеній, во всѣхъ билетахъ является дополнительная сборъ въ пользу Бюджета утвержденнаго ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ, означенной марками оного, безъ коихъ билеты не действительны.

Печ. разр. 23 ноября 1912 г. За Моск. Град. Помощи. его ЗАКНИТЬ.

Уд. Императорскихъ Моск. Театровъ ф. Т. и С. С. С. А. А. Девонскія, Москва.

АФИША СПЕКТАКЛЯ ПО ПЬЕСЕ БЛОКА «НЕЗНАКОМКА» В ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ КРУЖКЕ

Москва, 1913 г.

Литературный музей, Москва

чательно. Если б ты знал, как мне теперь ясно, что такое христианство! Летом я не мог вам ничего об этом сказать, ибо был на пути, а теперь столько узнал, что чувствую на себе новое помазаніе, а потому и смело выступаю печатно. Были дни, когда я не мог ходить, и все танцевал. В разъясненіи христианства мне много помогает Брюсов, именно потому, что на нем я вижу, что такое — нехристианство, язычник. Мечтаю о тех временах, когда вы будете жить в Москве, и на всю Европу будут известны вечера у Блоков, где собирается цвет русской поэзии. Корреспондент немецкой газеты будет описывать вечер, на котором он видел хозяйку дома Л. Д. Блок, в капоте, сделанном по рисунку А. Белого. Сам Блок занимал гостей, впрочем довольно молчаливо, уже маститый А. Белый, облокотясь на спинку кресла, развивал

Ларап⁵, а Соловьев, только что вернувшийся из Афин, где проводил время с Дункан, утомленно развалился на диване, готовился прочесть изысканный и шутливый сонет. Тон всего — крайне культурный и светский. Мистика подразумевается, но при гостях читают сонеты и говорят о литературе. Брюсов, подтянувшись и застегнувшись, стоит в углу.

Сашка, ведь я всю жизнь обожал Пушкина, а разве можно совместить это с духовной академией и мистиками, ведущими порядочный образ жизни! Ведь они дышать не дают! Мы — поэты, литераторы, и пусть в нашу религиозную жизнь не ввязываются. Мистические переживания должны быть сокровенны, и толпе пусть подносятся только результаты их, и непременно в литературной, изящной форме. Вся жизнь моего отца была несением трудного Христова подвига, но не учил же он людей, не проповедовал ничего и считал, что все решено⁶. Пусть и мои подвиги (ты-то знаешь, что я не Бальмонт⁷) останутся известными богу. Чувствую, что когда я заговорю самое сокровенное, свиньи осквернят это, а благородные люди вознегодуют. В. Я., подмигивая, говорит: «дьявольщина, Сергей Михайлович. Только это-то и хорошо!» А я отвечаю: «Нет, Валерий Яковлевич, это нехорошо». И вот я, израненный стрелами чорта, но торжествующий над ним, и, когда я торжествую, глупцы кричат: «вот у Сережи рога, рога, а дядю его канонизировать скоро будут! В кого это он таким мерзавцем вышел!» Милый друг, свет вечен, и я более, чем когда-либо, в нем уверен. И как раз то, что во мне *им* кажется темным, может быть, единственное, от чего я не провалился в тартарары, самое светлое и победное. До свиданья, верь счастью, нюхай цветы, жалей бедных и не щади негодяев. Большая любовь требует большой вражды. Думаю, что теперь мы с Лjubой хорошо поговорим, и она поймет меня, одна из немногих. Я тоже не хочу, чтобы было «*батюшка*». Довольно с меня этого, за глаза довольно. Много лет целовал я руки батюшкам и проклинал все, что не батюшка, а теперь предпочитаю поповну и семинариста⁸. Розанов набросился на Эрн и Свентицкого⁹ яростно¹⁰. Мне Розанов враг заклятый, но [и] * Эрн — не друг, и мы будем с ним полемизировать. Для нового света мало людей. Мережковским не верю. На Борю надеюсь, хотя он во многом еще дитя и пугается. Упивается цветами и ягодами, грызет и виноград и отмахивается от сладострастия. А ведь это только то же, доведенное до конца. Ты со мной спорил, когда я говорил, что христианство в основе своей вне пола. Теперь я считаю, что понимание христианства возможно до конца только сквозь сладострастие, как и всякой религии. И только потому, что в нем пламенеет сладострастие виноградных гроздьев, оно учение вечное, религия будущего. Но довольно одной черточки, и правда искажается и вместо неба — черная дыра. О, я далеко не победил черта, но понимаю вполне теперь, как надо вести борьбу, где черт, и где бог. Прежде я слишком многое проклинал, и выходил «*батюшка*». Но ты подумай: Эрн отстаивает плоть, умно, проникновенно, и в результате «интенсивность плотской жизни», противоположное сладострастию. Вот она «схемочка» проклятая. Брюсов не хочет святой плоти, а хочет греха; неохристиане хотят нелепой «интенсивности плоти» (если это не сладострастие, то, очевидно, потребность питания, ибо что же еще остается); Кобылкинский не хочет никакой плоти, и трогательно честен. Боря хочет того, что надо, но еще боязлив. Мережковские говорят, что хотят самого лучшего, но люди — сомнительные. А я хочу настоящей святой плоти.

С. Соловьев

На письме помета Блока: 1906? Но по содержанию письма и по ответу на него Блока (п. 45) наша датировка не вызывает сомнений.

¹ Т. е. с собрания кружка «аргонавтов». Они происходили в квартире П. И. Астрова по средам, в данном случае (судя по упоминанию только что полученного февральского номера «Весов», вышедшего в конце месяца) — 23 февраля.

* Возможна утрата одного знака (след от дырокола). — А. Л., Н. К.

² См. п. 40, прим. 4.³ См. п. 35, прим. 9.⁴ Владимир Францевич Эрн (1800—1917) — философ.⁵ См. п. 9, прим. 5.⁶ Ср. признание Соловьева в письме к Г. А. Рачинскому от 14 мая 1905 г.: «Эрна и Свенцицкого определенно не хочу и верую не по-ихнему и знаю, что отец мой тоже верил не по-ихнему» (ЦГАЛИ, ф. 427, оп. 1, ед. хр. 2903).⁷ Намек на демонстративную широковежательность Бальмонта в стихах и прозаических опытах.⁸ Намек на только что написанное стихотворение Андрея Белого «Поповна и семинарист». Опубликовано в журнале «Золотое руно» (1906, № 4, с. 33) с датировкой: «1905, март»; в расширенном виде и под заглавием «Поповна» вошло в книгу Андрея Белого «Пепел» (СПб., «Шиповник», 1909, с. 191—195).⁹ Валентин Павлович Свенцицкий (1879—1931) — писатель, религиозный публицист, в 1905 г. совместно с В. Ф. Эрном возглавлял «Христианское братство борьбы».¹⁰ По-видимому, речь идет о столкновении Розанова с Эрном и Свенцицким в Петербурге, где представители «Братства борьбы» пытались собрать подписи под манифестом «христиан-радикалов» — см.: Андрей Белый. Начало века, с. 452—454. Ср. более поздние выступления Розанова об Эрне: «Религиозные голоса в нашей смуте». — «Маленькая газета», 1906, № 84 (18 апр.); «Вечная тема». — «Новое время», 1908, № 11427 (4 янв.).

45. БЛОК — СОЛОВЬЕВУ

«Петербург» 26 февраля 1905 г.

Милый Сережа. Передал я Булгакову твои переводы; сам он меня не принял, но студент, управляющий журналом, спросив его, передал мне, что достаточно *простой* твоей записки на мое имя приблизительно такого содержания: «доверяю получить А. А. Блоку. . . и т. д. — следует подпись». (Никакого нотариуса следовательно не нужно.) *Непременно* присылай мне ее *скорей*, потому что Булгаков скоро известит меня о дне и часе, в который я могу получить деньги, и пропустить нельзя, так как он очень занят. Присылай немедленно.

Забываю сообщить тебе приятное: Розадовский — в монастыре, в каком — неизвестно; и с каких пор он монах — тоже неизвестно. Начинаю совсем *не* выносить декадентов. Альманах «Гриф» производит отталкивающее и омерзительное впечатление. Большая часть «Весов» — то же ¹. Твоя (?) заметка о Дункан меня как-то испугала, и еще не знаю о ней. Любе очень понравилась, особенно о телесности музыки ². Подпись твоя напоминает нечто вроде «статского советника», по словам Владимира Соловьева ³. Кстати, если тебе не трудно (т. е., если у тебя есть экземпляры), пришли мне VI том Вл. Соловьева, ты все остальные нам прислал.

Жить в городе почти невыносимо. «Пойти» некуда почти и сосредоточиться нельзя; каждый день — вести, которых я не могу оценивать по достоинству. Пиши. Крепко целую.

Твой Ал. Блок

Ты пишешь о Соколове. Конечно, он — глупая декадентская скотина, но нужно ли его обижать? Ведь и «Скорпион» занимается рассадкой декадентства — и часто столь же тупого.

Ответ на письмо 44. Год определяется по содержанию.

¹ Имеется в виду февральский выпуск «Весов». Основные статьи, помещенные в нем: «Тайна одиночества и смерти. О творчестве Мэтерлинка» К. Бальмонта, «Вагнер и Дионисово действо» Вяч. Иванова, «Зачарованный лес» В. В. Розанова, «Одежда и мода» К. Filipeau-Jarr, «Врубель» Н. К. Рериха.² В заметке «Айсадора Дёнкан в Москве» Соловьев писал: «Музыка не выше пластического искусства и, как оно, материальна: звук столь же телесен, как изгиб тела, краска. И телодвижение столь же духовно, как звук» («Весы», 1905, № 2, с. 33).³ Заметка «Айсадора Дёнкан в Москве» подписана инициалами: С. С.

46. СОЛОВЬЕВ — БЛОКУ

<Москва. 1905 г., первые числа марта.>

Милый Сашуренька,

вот и весна, а скоро и Христос воскреснет. Сейчас без конца говорил на память твои стихи, и мне стало думаться, что ты первый теперь поэт в России. Взял для сравнения несколько брюсовских аккордов, и они прозвучали чуждо. Впрочем, это — от весны. Удивительно ты хорошо письма пишешь. Пиши почаще. То обстоятельство, что Любе понравилась моя заметка о Денкан, мне бесконечно приятно. Ведь она — главное начальство, а выслужиться всегда хорошо. Понимаю твое омерзение к декадентам, но ведь термин «декаденты» употребляется главным образом публикой, и главными декадентами она считает Брюсова, Блока и Белого. А этих господ едва ли ты считаешь плохими поэтами. Затем, между альманахами Гриф и Северными цветами — все-таки громадная разница. И если Соколов «декадентская скотинка», то Брюсов, хотя не Скотт¹, но во всяком случае «здоровый скот», имеющий «так. — А. Л., Н. К.» бодатыя, но весьма пригодный для полевого (особенно, впрочем, для пологового) хозяйства. Прости за этот вздор, душа моя, но мне весело, хотя еще вчера было грустно, когда я читал «Саула» чуть не в десятый раз и видел насквозь все его несовершенство и ученичество.

Говорим о вас с Борей каждый день и неистово жаждем свидания. Я плачу над Шиллером, размякаю над Фетом и сливаюсь в одно с Жуковским, в которого окончательно влюблен². 5-го марта еду в Трубицыно. Буду там заниматься древними греками и переводить Шиллера³, стараясь не думать о косоглазых чертях, которые лезут с востока⁴ и от которых. . . но это потом. Итак, не посылай денег⁵, пока я не напишу, что вернулся из Трубицына, а это будет недели через две или три. Привет Любе и тете Але.

Твой Серг. Соловьев

Из монолога «неокантианца»

Меня наука так измучила,
Что стал-я — нравственный урод.
Похож наружностью на чучело,
Что ставят птицам в огороде.

Ответ на письмо 45. Датируется в связи с упоминаемым числом отъезда из Москвы Соловьева, хотя на письме помета Блока: 1906? При письме — автограф стихотворения Соловьева «Там, там блаженство, там отрада. . .»

¹ Каламбур. Подразумевается Вальтер Скотт, исключительно высоко ценимый С. Соловьевым (ср. п. 16, прим. 8).

² Вспоминая о весне 1905 г., Андрей Белый свидетельствует, что в это время Соловьев предавался чтению Жуковского и что у него тогда «проснулись филологические интересы» («Эпопея», № 2, с. 240). «В начале лета в Дедове была мода на Оссиана, Жуковского», — отмечает он же в мемуарах «Между двух революций» (с. 32).

³ Баллады Ф. Шиллера «Кассандра», «Геро и Леандр» и «Рыцарь Тогтенбург» в переводах С. Соловьева были напечатаны в «Весах» (1905, № 5, с. 4—17) — к 100-летию со дня смерти поэта.

⁴ Имеются в виду события русско-японской войны. Соловьев воспринимал их под знаком взглядов Вл. Соловьева.

⁵ Вероятно, речь идет о деньгах, которые Блок должен был получить по доверенности Соколова от Ф. И. Булгакова — см. п. 38, прим. 1.

47. СОЛОВЬЕВ — БЛОКУ

<Москва, 1905 г., около 17 апреля.>

Милый Саша,

Христос Воскрес! Жду скорого свидания в Шахматове. Люблю особенно. Ты, один из немногих, находимых вне τῶν χοίρων*. Я начинаю пользоваться

* свиней (греч.).

подозрительным успехом, как поэт. Очевидно, надо писать по-новому. За неимением декадентства попробую пугать людей эротизмом.

Твой Серг. Соловьев.

Датируется по пасхе 1905 г. — 17 апреля.

48. БЛОК — СОЛОВЬЕВУ

⟨Шахматово. 19 мая 1905 г.⟩

Милый Сережа,

Пишу тебе в Москву наудачу, приезжай к нам, мы давно в Шахматове, ждем тебя ¹. Здесь великолепно. В Москве, говорят, что-то ужасное происходило на улицах. Если не забудешь, захвати «Северные цветы», нам очень хочется видеть их. Отчего они ассирийские? Поздравляю тебя с открытием стихотворной кампании в печати ². Очень хочу знать, какие стихи и сколько помещено, а также очень хочу слышать все новые стихи и, если есть, также и арии.

Твой Ал. Блок

19 мая 1905. Шахматово.

¹ Блок с женой приехали в Шахматово 27 апреля.

² В альманахе «Северные цветы ассирийские» (М., «Скорпион», 1905; надпись на титульном листе: «Обложка, пять рисунков во всю страницу, заставки и концовки работы Н. Феофилактова по образцам ассирийского искусства») был напечатан цикл С. Соловьева «Предания», включавший пять стихотворений: «Иаков», «Primavera», «Дидона и Эней», «Ромео и Джульетта», «Сестре» (с. 44—50). Это была первая публикация стихов Соловьева.

49. СОЛОВЬЕВ — БЛОКУ

⟨Конец мая 1905 г.⟩

Дорогой, милый друг!

сейчас прочел твою рецензию о книге Веселовского ¹, и хочу без конца целовать тебя. Люблю тебя ужасно и *преклоняюсь* перед твоим литературным мастерством. Тут есть чему поучиться. «Грубоватый Вяземский» окончательно наступил мне ногой на горло ². Дышать могу только в деревне. Господа христиане — самая нестерпимая и обидная порода существ. Лезут ко мне, как городовые к б<. . .> на Тверском бульваре. И чего от меня им нужно? Ну, я погиб. Махните на меня рукой и спасайте, кого можно. Нет, они хотят, чтобы я объяснил, в чем я с ними *не согласен*. А я готов заорать: или Вы все или Пушкин. Но чтобы зараз — этого нельзя! Они все примирили. И монахи, и безбожные приват-доценты, и блудливые поэты вроде меня — все в одну кучу: «светися, светися новый Иерусалиме» ³. А вот вам и не засветиться! Люба, властно извлеки Боря из всего этого! Ах, я и забыл, что Любе нельзя читать этого письма. Ведь я тут совсем один. Брюсовские черти и Свенцицкие ангелы, и затем хоть шаром покати. И вдруг твоя божественная рецензия, где ты полным ковшом зачерпнул из океана благовоний — которому имя — Жуковский ⁴. И все это обидное христианство основывается на дяде Володе, одно *же* которого спугнуло бы эту преосвященно-либеральную шайку ⁵. Приедем в Шахматово между 10-м—15-м июня ⁶. Я встану под сильное покровительство Любы и открою огонь. Разошлю письма всем христианам с объявлением, что я погиб и спастись по-ихнему ни в коем случае не намерен. Стихи привезу. Пишу много. Ну, прощай, мой «попик болотный»! ⁷ Приветствую твою «святую Елизавету» ⁸, и припадаю к твоим ногам, ногам истинного поэта.

Твой брат и почитатель Сергей Соловьев.

Ответ на письмо. 48. Датируется по содержанию и помете Блока: 1905.

¹ Пространная рецензия Блока на книгу академика А. Н. Веселовского «В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения» (СПб., 1904) была опубликована в жур-

нале «Вопросы жизни» (1905, № 4—5). Там же была помещена его рецензия на книгу Н. К. Козмина «О переводной и оригинальной литературе конца XVIII и начала XIX века в связи с поэзией В. А. Жуковского» (СПб., 1904). См.: V, 568—578.

² Соловьев пользуется выражением из рецензии Блока на книгу Веселовского: «Грубоватый Вяземский таптит поэта в общезвестность» (V, 575).

³ Слова пасхального канона. Библиейский источник этого песнопения — Исайя, LX, 1.

⁴ Ср. п. 46, прим. 2.

⁵ Речь идет о Вл. С. Соловьеве. — О его необычном хохоте вспоминают многие мемуаристы. Блок говорил о «созидающем» хохоте Вл. Соловьева («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 4).

⁶ О приезде Соловьева с Бугаевым в июне 1905 г. в Шахматово см. вступительную статью.

⁷ Имеется в виду стихотворение Блока «Болотный понык» («На весенней проталинке. . .»), датированное 17 апреля 1905 г. (II, 14—15). 19 мая Блок выслал его рукопись (с посвящением «Л. Д. Б [лок]») Андрею Белому (см.: «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 133—134).

⁸ Можно предположить, что «святой Елизаветой» (мать Иоанна Предтечи) Соловьев именует Л. Д. Блок, однако это — не более чем рискованное предположение; не более обоснованным было бы отождествление «святой Елизаветы» с Е. П. Безобразовой, кузиной Соловьева, жившей в Петербурге — см. его письмо к Белому от 27 июля 1905 г. в разделе «Блок в неизданной переписке современников».

50. СОЛОВЬЕВ — БЛОКУ

9 июля <1905 г.>, Дедово.

Милый Саша!

Я собираюсь писать статью о твоей поэзии¹. Напиши, разрешаешь ли процитировать некоторые строки из стихотворения: «Сижу за ширмой»² и «Ты, держащая море и сушу»³.

Пиши мне в Трубицино. Там я предполагаю пробыть до августа, а потом вернуться в Дедово⁴. Я нахожусь в периоде дикого увлечения Валерием Яковлевичем и почти не говорю собственным голосом, не вытягиваясь и не изломываясь⁵. Хочу поработать над переводом Фауста⁶. Настроение вообще не самостоятельно творческое, а переводно-статейное. Ловлю рыбу каждый вечер, но не вылавливаю более пяти. Все-таки — это самое теперь прекрасное и «венец пустого дня»⁷. Недавно ездил с удочками в женский монастырь, но ни одной хорошенькой монахини и ни одной рыбы. Продолжаю «Легенду о святой Варваре»⁸. Боря научил меня понимать зарю, но только розовую⁹. Когда хорошо клюет и сзади клубится розовый туман, кто-то приходит несказанный¹⁰, и становится хорошо.

Твой Сер. Соловьев

P. S. Всем — привет.

Год — по содержанию и помете Блока: 1905.

¹ Нереализованный замысел (ср. п. 52).

² Стихотворение Блока «Сижу за ширмой. У меня. . .» (I, 294), датированное 18 октября 1903 г.; впервые напечатано в журнале «В мире искусств» (1909, № 1) под заглавием «Испуганный» и с подзаголовком «Иммануил Кант». Текст его был послан поэтом 8 или 9 ноября 1903 г. А. Белому («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 61).

³ Строка из стихотворения «Ты в поля отошла без возврата. . .» (II, 7), датированного 16 апреля 1905 г. Его рукопись (под заглавием «Молитва») была послана Блоком Белому с письмом от 19 мая 1905 г. («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 133).

⁴ Ср. письмо А. Г. Коваленской к Андрею Белому (Дедово, 5 августа 1905 г.): «Сережа в Трубицыне, но 10-го обещает быть здесь» (ГБЛ, ф. 25, карт. 17, ед. хр. 15).

⁵ 27 июля 1905 г. Соловьев писал из Трубицына Андрею Белому в связи с публикацией в июльском номере «Вопросов жизни» цикла стихотворений Брюсова «Озимья»: «В общем разительно. Особенно «Деметре» и «Маргерит». Я уже списываю эти стихи и шлю по разным концам России, не утомляясь в моей неустанной пропаганде. Пишу стихотворение, где говорится:

Пушкин — альфа, ты — омега
В книге русского стиха.

Ты — Валерий Яковлевич» (ГБЛ, ф. 25, карт. 26, ед. хр. 5). Стихотворная цитата — из послания к Брюсову «В ответ на «Озимья», написанного в Трубицыне в июле 1905 г.

(Сергей Соловьев. Цветы и ладан, с. 68). Вспоминая лето 1905 г., Андрей Белый писал о Соловьеве: «В нем филолог окреп; и выросло в сознании его все значение поэзии Брюсова и стремление к чеканке переживаний; поэзия Блока казалась ему *романтической невятицей*»; А. А. ставил он ниже, чем Брюсова («Эпопея», № 2, с. 243).

⁶ Видимо, это намерение не было осуществлено.

⁷ Заключительная строка стихотворения Баратынского «На что вы, дни! Юдольный мир явления...» (1840) (Е. А. Баратынский. Полн. собр. стихотворений. Л., 1957, с. 183).

⁸ Прозаическая «Повесть о великомученице Варваре» была завершена Соловьевым только в 1913 г. См.: Сергей Соловьев. Возвращение в дом отчий. Четвертая книга стихов. 1913—1915. М., 1916, с. 171—184.

⁹ Наблюдение закатов и утренних зорь и угадывание их символического смысла было одним из основных мифотворческих «действ» Андрея Белого в начале 1900-х годов; оно было связано с философскими концепциями и мистическими упованиями Белого, с его мифологизированными представлениями о цветовой символике.

¹⁰ Выражение восходит ближайшим образом к «Симфониям» Андрея Белого — ср. п. 21, прим. 13, п. 29, прим. 9 и 33, комментарий к письму Соловьева к Белому от 6 июля 1902 г. (печатается в разделе наст. тома «Блок в неизданной переписке и дневниках современников»).

51. БЛОК — СОЛОВЬЕВУ

Шахматово. 19 июля 1905.

Милый Сережа. Конечно, цитируй. — Мне бы хотелось успокоиться, так как я беспокоюсь о тебе. После твоего отъезда (а ваш с Борей приезд был, пожалуй, самым важным из всех прежде бывших) стало возрастать мое беспокойство¹. У меня определенная мысль, что ты не только изменяешься, но временно *заменялся* другим. «Почти не говорю собственным голосом», — пишешь ты мне, — но ты говоришь и *не* голосом Брюсова. Тебе предстоят, верно, сильные муки, и многие из них — бесплодные. Может быть, это Брюсов таскает тебя. В тебе появилась угрюмость и пассивность, но на что они направлены, я не знаю. И вот — «венец пустого дня»². Я не знаю определенно, где помещается то, что появилось в тебе. Хочу очень сильно, чтобы к тебе «приходил кто-то несказанный и становилось бы хорошо»³. Господь с тобой, Милый.

Твой Саша

Ответ на письмо 50. Это письмо, написанное после кризисного свидания трех друзей — Блока, Соловьева и Белого — в Шахматове в июне 1905 г., было воспринято Соловьевым как явный знак измены всем идеалам, связывавшим еще недавно «блоковцев». Д. Е. Максимов писал во вступительной статье к первой публикации письма: «Расхождение между Блоком и С. М. Соловьевым, вскоре приведшее их к длительному разрыву отношений и к резкой печатной полемике, отразилось в приводимом письме в туманной, иносказательной и сглаженной форме. Тем не менее письмо могло только усилить разрывку и, несомненно, ее усилило. Отослав его, Блок не писал С. М. Соловьеву более пяти лет, дружба их, в сущности, прекратилась» (Д. Е. М а к с и м о в. Из архивных материалов об А. Блоке. — Уч. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та, т. XVIII. Факультет языка и литературы, вып. 5. Л., 1956, с. 249). Именно поэтому Соловьев переслал письмо Блока «на рассмотрение» Белому (см. п. 52), сопроводив его отчаянным собственным (см. раздел «Блок в неизданной переписке и дневниках современников»).

¹ В тот же день Блок писал Андрею Белому: «Ваш приезд с Сережей — последний — был, пожалуй, для меня важнее всех остальных — очень окрылил меня. Я чувствую в нем много Нечаянной Радости. Но теперь я беспокоюсь внутренне о Сереже, мне все кажется, что здесь что-то не так, и как бы не заменили одну пьесу — другой «по болезни артиста и лошади». Действие же пьесы уж, пожалуй, происходит именно в цирке, по силе критического момента и по трагизму его» («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 136). Сходным образом оценивал Блок пребывание Белого и Соловьева в Шахматове и в письме к Е. П. Иванову от 25 июня 1905 г.: «На днях уехали — сначала Бугаев, потом Соловьев, приехавшие вместе, привезшие новизну и голос событий, совершающихся в самой главной области — «Несказанной» (VIII. 130). Однако Белый, описывая в мемуарах это посещение Шахматова в июне 1905 г., подчеркивал приметы своего и С. Соловьева расхождения с Блоком и его семьей: «Вместо дружеских, тихих совместных сидений окреп тон глухой, напряженной борьбы: и меж нами в молчании свершался труднейший диалог»; у Белого

и Соловьева нарастало восприятие Блока «падшим рыцарем», предавшим религиозно-мистические идеалы: «Словами такими мы вслух не обменивались; только издали, из молчания фехтовались друг с другом» («Эпопея», № 2, с. 248, 249).

Уехали Белый и Соловьев из Шахматова преждевременно, в результате происшедшего инцидента (на него, видимо, намекает Блок в письме к Белому, говоря о своем беспокойстве о Соловьеве и перенесении действия «пьесы» в «цирк»). Подробно рассказав в «Воспоминаниях о Блоке» об этом происшествии, Белый так разъяснил мотивы поступка С. Соловьева: «Вдруг понял он, что для спасения «зори», нам светивших года, должен он совершить некий жест символический, что от этого жеста зависит вся будущность наша <...> С. М. вдруг почувствовал: если сейчас не пойдет напрямик он чрез лес, чрез болота (все прямо, все прямо) — к заре, за звездой, то что-то, огромное, в будущем рухнет <...>» («Эпопея», № 2, с. 259). После отъезда Белого из Шахматова «два дня еще оставался он с Блоками; ничего не сказали друг другу они; с остервенением (неестественным) просражались за карты; и С. М. распевал все: «Три карты, три карты, три карты...» (Там же, с. 260—261). Белый заключает, что это «трехдневное сражение в карты с С. М. Соловьевым» нашло отклик в стихотворении Блока «Потеха! Рокочет труба...», написанном в июле 1905 г. (см.: II, 66, 398).

² См. п. 50, прим. 7.

³ См. п. 50, прим. 10.

52. СОЛОВЬЕВ — БЛОКУ

3 августа, <1905 г.> Трубицыно.

Милый друг!

серьезное спасибо тебе за письмо. Оно очень важно и хорошо. В нем много правды, хотя и не все — правда. Брюсов, например, едва ли играет тут большую роль. Особенно не пугайся моей угрюмости, я ищу ее, временно она необходима. Надо увиться как саваном этой угрюмостью, чтобы защищать свою сущность от «дыханья посторонней суеты».¹ Заключение твоего письма проникло в меня очень глубоко и всколыхнуло нежность к тебе. Это из прежнего, из дней перед твоим венчанием, из той ночи, когда мы вдвоем ехали из Боблова. Часто вспоминаю появление Муси в саду, и оно всегда — залог несказанного, прекрасного и победительного.

Приезжайте с Любой в Москву в сентябре. Я опять покажу Вам московские храмы, людей «чающих спасения Израилева» и приму вас под моей кровлей и мы разделим вечернюю трапезу.

Высшую силу в себе сознавая,

Что тосковать о ребяческих снах.

Жизнь только подвиг...²

Твое письмо переслал Боре на рассмотрение³.

Я безвозвратно погубил «Вопросы жизни» в глазах тети Саши, хотя предупредил ее не читать «Пруд»⁴, но она увидела там кое-что и сказала: «если бы я получала в год 10 000 рубл., то все-таки не подписалась бы на этот журнал». А тетя Лена⁵ подтряхнула головкой. Я же как-то въелся в Ремизова, и постигаю его несомненные достоинства. Ну, а стихи Сологуба продолжаю ненавидеть⁶. Статья о тебе отложена, и вместо нее пишется статья о Мережковском⁷.

От 15-го думаю быть в Дедове.

В октябре приеду в Петербург на неделю. Боря мне написал, что одному из нас ехать необходимо. Но, очевидно — мой черед⁸. Еще надо очень повидать бабушку и некоторых барышень, у которых со времени нашего последнего свидания, вероятно, отросли косы. Привет — тете Але.

Твоя Словачка (смягчение: словак, женщина: словачка, ввинительный падеж: словачкж)⁹.

P. S. Читаю Софоклова Аякса.

Ответ на письмо 51. Год — по содержанию и помете Блока: 1905.

¹ Из стихотворения Е. А. Боратынского «Чудный град порой сольется...» (1829).

² Из стихотворения Вл. Соловьева «Если желанья бегут словно тени...» — см.: Владимир Соловьев. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974, с. 100.

³ См. сопроводительное письмо Соловьева к этой посылке в разделе «Блок в неизданной переписке современников».

⁴ Роман А. М. Ремизова «Пруд» был начат в 1905 г. печатанием в № 4—5 «Вопросов жизни» и печатался ежемесячно в последующих номерах.

⁵ Видимо, Елена Валерьяновна Никольская, дальняя родственница Блока и С. Соловьева. Блок встречался с нею в Москве 10 января 1904 г. (VIII, 81).

⁶ Имя Сологуба возникает, вероятно, в связи с содержанием весенне-летних номеров «Вопросов жизни», где шел роман Ремизова: девять стихотворений Сологуба были напечатаны в № 4—5 и стихотворение «Свободный ветер давно прошумел...» — в № 7; скорее всего, речь идет о первой из упомянутых публикаций, так как при знакомстве с более поздними номерами естественно было бы ожидать упоминания о романе Сологуба «Мелкий бес», печатание которого началось в журнале с № 6.

⁷ Об этом замысле (видимо, неосуществленном) Соловьев сообщал и Белому 27 июля 1905 г.: «Собираюсь писать статью о Мережковском» (ГБЛ, ф. 25, карт. 26, ед. хр. 5). Ср. письмо Соловьева к Г. А. Рачинскому (Дедово, 14 октября 1905 г.): «Обдумываю сочинение о Вл. Соловьеве, Мережковском и Вяч. Иванове. В голове возникла довольно сложная и стройная схема, но осуществить ее долго не дадут университетские занятия» (ЦГАЛИ, ф. 427, оп. 1, ед. хр. 2903).

⁸ Явно около этого времени (не позже 8 августа) Соловьев писал в недатированном письме к Белому: «Дорогой Борис Николаевич! Понимаю всю важность и думаю, что мой черед ехать осенью в Петербург, все так складывается. Были недавно ужасы, явление грозящего в «мантии?», который потребовал от меня под угрозой немедленной гибели подтверждение моей готовности к борьбе. Я дал подтверждение. И на время они отступили от меня.

«...» ежедневно в молитвах поминаю рядом Любовь и Бориса «...» (ГБЛ, ф. 25, к. 26, ед. хр. 13, л. 11; существенно важно, что Соловьев безоговорочно поддерживает Белого в его борьбе за Л. Д. Блок).

Однако отношения между Соловьевым и Блоком испортились настолько, что поездка его в Петербург стала попросту невозможной.

⁹ Слово «словачка», по свидетельству М. А. Бекетовой, «есть намек на некоего московского профессора, которого изображал в лицах Серг. М. Соловьев» («Письма к родным», I, с. 330). Блок обозначал им экзамен по славяноведению (Там же, с. 144). Ср. шутливую фразу в письме Блока к Белому от 9 сентября 1905 г.: «Я — женщина словачка» («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 140).

53. СОЛОВЬЕВ — БЛОКУ

1910 г. 20 ноября. Москва. 6-й Ростовский, д. Кожинной.

Милый Саша,

я очень рад, что мы с тобой не встретились в Москве¹. Я уверен, что время нашей встречи близко, но оно еще не совсем созрело. Мне надо говорить с тобой и с Любей много и *до конца*. Думаю в конце зимы побывать в Петербурге, и тогда побываю у тебя основательно. Все, что я слышал от тети Сони о Шахматове, исполняет меня прекрасной и твердой надеждой.

Пока крепко жму твою руку и прошу передать сердечный привет Любе и тете Але².

Твой брат Сергей Соловьев

На письме помета Блока: На Монетную.

¹ Блок был в Москве с 1 по 4 ноября 1910 г. 1 ноября он присутствовал в Московском религиозно-философском обществе на докладе Андрея Белого «Трагедия творчества у Достоевского». Белый специально приглашал Блока приехать к докладу, считая, что это «предлог идейно понять друг друга» («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 241). В «Воспоминаниях о Блоке» Белый подробно описал приезд Блока («Эпопея», 1923, № 4, с. 185—200). Письмо это — первый шаг к примирению с Блоком после пятилетнего разрыва отношений. В «Воспоминаниях об Александре Блоке» Соловьев писал: «Осенью 1910 г. я написал Блоку приветливое письмо с предложением ликвидировать наш раздор. Он радостно отозвался» («Письма Александра Блока», с. 34).

² 25 ноября 1910 г. Блок сообщил матери: «23-го я получил письмо от Сережи, который слышал о нас от тети Сони, хочет говорить со мной до конца и просит передать тебе и Любе «сердечный привет». Он придет в Петербург в конце зимы» («Письма к родным», II, с. 100—101).

54. БЛОК — СОЛОВЬЕВУ

23 XI 1910.

Санкт-Петербургская сторона, Малая Монетная, 9, кв. 27.

Милый Сережа.

Твое письмо очень радостно мне. Да, надо и будем говорить. Тетя Соня — всегда добрая вестница. Думаю, что мы могли <бы> встретиться и в Москве ¹.

Сообщи, когда ты приедешь в Петербург. Мы, может быть, рано уедем в Шахматово, но не в конце зимы, а в начале весны. Шахматовские же свидания зависят от здоровья мамы, которое в трудном положении. Я был бы рад видеть тебя скорее. Приветствую тебя.

Твой Александр Б л о к

Ответ на письмо 53.

¹ Позже, когда Блок предполагал поехать в Москву на заседание Религиозно-философского общества, посвященное памяти Вл. Соловьева. Соловьев ждал встречи с Блоком (см. его письмо к Белому от 9 февраля 1911 г. в разделе «Блок в неизданной переписке современников»); поездка Блока, как известно, не состоялась, и примирились старые душевные друзья и недавние враги только весной 1911 г. — см. там же. Следует заметить, однако, что комментируемую фразу Блока можно понять и иначе: с его точки зрения, решительное и благотворное объяснение с Соловьевым могло бы состояться и в начале ноября 1910 г., встретиться они в Москве.

55. СОЛОВЬЕВ — БЛОКУ.

<26 декабря 1910 г. Москва>.

Милый Саша,

поздравляю тебя с праздником ¹ и желаю провести его радостно. От Бори имею прекрасные письма из Сицилии ². До свидания, до весны.

Твой Сер. С о л о в ь е в

Датируется по почтовому штемпелю: Москва. 26.12.10. Открытка с репродукцией: «Botticelli. La Vergine col S. Bambino». Помета Блока: XII 1910.

¹ Рождество.

² Эти письма Белого к Соловьеву нам неизвестны. Ср. письмо Белого к Блоку из Сицилии (Палермо), полученное в середине декабря 1910 г. («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 243).

56. СОЛОВЬЕВ — БЛОКУ

Дедово, 16 июня <1911 г.>

Милый Саша,

не можешь представить, как я жалел, что ты не застал меня в Москве. Я был на квартире через несколько часов после тебя ¹. Едешь ли ты за границу и когда? ² Не знаю, удастся ли выбраться в Шахматово ³. Во всяком случае ты и Люба должны быть зимой в Москве, и мы будем много пить с Борей и Кожебаткиным ⁴, который постоянно приезжает в Дедово с бутылкой вермута, к немалому соблазну Коваленских.

Я остался при университете по греческой филологии, у Соболевского. Это для меня очень важно и приятно ⁵. Теперь отдыхаю и упиваюсь Шекспиром. Знаешь, эту зиму в Москве пойдут Гамлет в Художественном ⁶, Ромео и Юлия в Малом ⁷, и Фауст у Незлобина ⁸. Это здорово!

Мой душевный и более того привет тете Але, тете Мане, и Любе, если она в Шахматове.

Твой всегда Сергей С о л о в ь е в

Год — по содержанию и помете Блока на письме: 1911.

¹ «Вчера я вернулся из Москвы, где пробыл только два дня», — писал Блок жене из Шахматова 17 июня 1911 г. (ЛН, т. 89, с. 266).

² Видимо, при личной встрече (в Петербурге в апреле 1911 г.) Блок сообщил Соловьеву о своем намерении отправиться летом в заграничное путешествие. Он выехал из Петербурга 5 июля.

³ Соловьев приехал в Шахматово 25 июня. «Завтра я еду в Шахматово, — писал Соловьев Андрею Белому из Дедова 24 июня. — Не знаю, застану ли Блока. Он мне очень нравится. Примирение с ним для меня воистину «Нечаянная радость». Только теперь я понял, как губителен был раздор с Шахматовым, как безбожен» (ГБЛ, ф. 25, карт. 26, ед. хр. 10). «В Шахматове провел день Сережа — было очень хорошо», — сообщил Блок жене 30 июня (ЛН, т. 89, с. 268). Соловьев описал этот визит в воспоминаниях о Блоке («Письма Александра Блока», с. 35—37).

⁴ Александр Мелентьевич *Кожеваткин* (1884—1942) — секретарь издательства «Мусагет», основатель и владелец издательства «Альциона». 5 мая 1911 г. Соловьев писал Белому: «Личность Кожеваткина мистически утверждает во мне веру в Мусагет и в его прочность» (ГБЛ, ф. 25, карт. 26, ед. хр. 13).

⁵ Сергей Иванович *Соболевский* (1864—1963) — филолог-классик, профессор Московского университета, с 1928 г. — чл.-корр. АН СССР. Весной 1911 г. Соловьев закончил классическое отделение историко-филологического факультета Московского университета (держал государственные экзамены в апреле—мае 1911 г.). 27 ноября 1911 г. С. Г. Карелина писала Блоку о С. Соловьеве: «Он оставлен при университете и ему задали еще работу по подготовке к профессуре впоследствии» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 267). Будучи студентом, Соловьев занимался под руководством Соболевского. Сохранилась рабочая тетрадь (1909): «Семинарий по Гесиоду проф. Соболевского. Студента VII-го семестра Соловьева Сергея» (ЦГАЛИ, ф. 475, оп. 2, ед. хр. 1). — Ср. в письме Соловьева к Белому от 4 июня 1911 г.: «Спасибо за поздравление. Ты знаешь, какое громадное значение имело для меня оставление при университете, как затуманились бы мои пути без этого» (ГБЛ, ф. 25, к. 26, ед. хр. 7, л. 7; в этом же письме Соловьев говорит о своем постепенном отходе от ницшеанства — «базельского филолога», — что отчетливо сказалось в его позднейших письмах к Блоку: «Образ базельского филолога на моем знамени, хотя все чаще и чаще звучат для меня новозаветные струны и уже близок день примирения»).

⁶ Премьера «Гамлета» Шекспира в Московском Художественном театре состоялась 23 декабря 1911 г. (постановка и декорации Гордона Крэга, режиссеры К. С. Станиславский и Л. А. Сулержицкий).

⁷ Постановка не была осуществлена.

⁸ Постановка «Фауста» Гете (режиссер Ф. Ф. Коммиссаржевский) в театре К. Н. Небольдина была осуществлена лишь в сентябре 1912 г.

57. СОЛОВЬЕВ — БЛОКУ

Дедово 6 августа <1911 г.>

Милый Саша,

спасибо за память обо мне. Твое письмо было очень кстати и доставило мне большую радость.

В Художественном театре начались репетиции, и я пасусь по ночам в Камергерском переулке ¹ и бешу актеров.

Читаю Вильгельма Мейстера, потому что там об актерах ². Разоряюсь на лихачей и души ³ и спорю с бабушкой о Кане Галилейской ⁴. Бабушка находит, что Христос напрасно поощрял пьянство, да еще чудесными способами. Интересно, что думает об этом тетя Соня.

Я влюблен в немецкий язык и Гете ⁵. Занимаюсь Софоклом в солнечные дни на балконе, а недалеко стоит рябина, и в голубом небе краснеют спелые кисти. Недостает только Христа в лодочке ⁶, каковой поистине сыграл роль Гоголевского «гусака» (Ив<ан> Иванович) и Ив<ан> Никиф<орович>) в нашей ссоре. 2-го августа мы играли следующее действие Женитьбы, и дядя Витя ⁷ был чудным Подколесиним. Представь себе, как он говорил: «Неужели она правду сказ(ж)ала, что предпочитает меня вшм!» ⁸ А какую вялую порнографическую гадость напечатал Брюсов в Северных цветах! ⁹

Боря на днях приезжает в Москву ¹⁰. Я не хочу слышать, что ты и Люба не будете в Москве эту зиму.

Любе передай мою преданную и благодарную любовь.

Твой Сер. С о л о в ъ е в

Ответ на несохранившееся письмо Блока. Направлено в Аберврах, откуда переслано до востребования в Париж.

¹ Здание Московского Художественного театра в Камергерском переулке (ныне — проезд Художественного театра).

² Речь идет о романе И. В. Гете «Годы учения Вильгельма Мейстера».

³ Соловьев в это время был увлечен С. В. Гиацинтовой. Об этой эпохе в жизни Соловьева дает представление такой отрывок из его письма от 6 апреля 1910 г. к Гиацинтовой: «Знаешь, благодаря тебе, я как будто бы начинаю просыпаться от многолетнего и дурного сна, огрубления, варварства, мистицизма и декадентства. Ты снова возвращаешь меня к той изящной и прекрасной жизни, которую я знал в детстве и для которой был рожден» (ЦГАЛИ, ф. 2049, оп. 1, ед. хр. 296, л. 1).

⁴ Первое чудо Христа — претворение воды в вино во время брачного пиршества в Кане Галилейской (Евангелие от Иоанна, II, 1—11).

⁵ Свои воззрения на Гете С. Соловьев позже пересмотрел и наиболее отчетливо выразил в книге «Гете и христианство» (Сергиев Посад, 1917).

⁶ Соловьев отсылает к образам стихотворения Блока «Когда в листе сырой и ржавой. . .» (первого в цикле «Осенняя любовь» — II, 263). Нужно отметить, что стихотворение было написано и стало известно Соловьеву в то время, когда вражда между ним и Блоком достигла крайнего предела. Соловьев не мог не познакомиться со стихотворением тогда же, так как оно было напечатано в «Весах» (1907, № 12), где он был ближайшим сотрудником.

⁷ В. М. Коваленский.

⁸ Имеется в виду домашний спектакль в Дедове. Реплика Подколесина («Женитьба», д. II, явление XII): «Я все еще не верю, чтобы она прямо сказала, будто предпочитает меня всем» (Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч., т. V. [Л.], 1949, с. 49).

⁹ Имеются в виду «Семь земных соблазнов (отрывки из романа)» В. Я. Брюсова, напечатанные в пятом альманахе «Северные цветы» (М., «Скорпион», 1911).

¹⁰ Лето 1911 г. Андрей Белый с женой проводил в Боголюбых под Луцком (Волинская губерния), в имении В. К. и С. Н. Кампиони.

58. БЛОК — СОЛОВЬЕВУ

«Петербург» 16 сентября 1911.
Малая Монетная 9, кв. 27 (прежняя)

Милый Сережа.

Твое письмо я получил еще в Париже. С тех пор был в Бельгии, Голландии и Берлине¹. А ты все еще «пасешься по ночам в Камергерском переулке»? Даже в Париже я почуял весь аромат этого сообщения — столь знакомо мне было когда-то такое состояние. Художественные актеры от этого «бесятся», а Коммиссаржевские приходили в приятное и ласковое недоумение. Кроме того, Офицерская шире Камергерского переулочка и можно было незаметно деловым шагом переходить на другую сторону, теряясь во мраке снежной ночи за киоском с афишами. Воротясь в Петербург, теперь вспоминаю все это с удовольствием². Будь здоров, целую тебя и люблю.

Мама будет жить в Петербурге и сегодня приехала из Шахматова.

Любящий тебя Ал. Блок

Ответ на письмо 57.

¹ Блок вернулся в Петербург из заграничного путешествия 7 сентября.

² Имеется в виду петербургский театр В. Ф. Коммиссаржевской на Офицерской улице. Блок вспоминает зиму «Снежной маски» — Н. Н. Волоховой.

59. СОЛОВЬЕВ И Т. А. ТУРГЕНЕВА — БЛОКУ

25 июня «1912 г.» Боголюбь.

Милый друг Саша,

отвечаю тебе на твое письмо, 9 лет назад написанное¹. И тебе одному из первых хочу сказать, что обрел путь в Кану Галилеи², и имя моей невесты — Татьяна Алексеевна Тургенева³. В первый раз назвал я ее моей невестой 3 года назад. Но «злые * вихри» нас разлучили⁴.

Обнимаю тебя, а о том, что в моей душе, лучше всего скажу твоими словами:

И когда завтра ратью черной
Двинулась орда,
Был в щите твой лик нерукотворный
Светел навсегда⁵.

* Утрата нескольких знаков — след дырокола.

Твое «Куликово поле» любимые стихи мои и моей невесты, которая любит тебя вместе со мной и подписывает письмо

Сергей Соловьев
Т. Тургенева

Р. С. Тетю Алю обнимаю. Надеюсь когда-нибудь вместе с Таней быть в Шахматове. Сейчас пребываю в Волынской губернии, в Дедове буду в середине июля.

Адрес мой пока: Волынская губерния, Луцк, Татьяне Алексеевне Тургеневой с передачей мне ⁶.

Год устанавливается по содержанию и помете Блока на письме: «После выздоровления 1912» (Имеется в виду психическое заболевание Соловьева осенью—зимой 1911 г.).

¹ Имеется в виду письмо Блока к Соловьеву от 20 марта 1903 г., в котором он извещал о своей предстоящей женитьбе.

² Т. е. к бракосочетанию — см. п. 57, прим. 4.

³ Т. А. Тургенева (1896—1966) — сестра А. А. Тургеневой, первой жены Андрея Белого.

⁴ Соловьев использует название романа своего дяди, Вс. С. Соловьева, про который писал в «Воспоминаниях»: «Из писем царя Алексея Михайловича заимствовал он название одного из трех своих неисторических романов «Злые вихри». Все названия его романов из современной жизни характерны: «Наваждение», «Злые вихри», «Цвета бездны» (последний роман не закончен). «Меня всю жизнь носили алые вихри», — говорит герой романа Аникеев. То же мог сказать о себе и автор <...> Грустная таинственная музыка судьбы запевает в современных романах Всеволода Сергеевича.

⁵ Неточная цитата из стихотворения Блока «В ночь, когда Мамай залег с ордою...» (1908), входящего в цикл «На поле Куликовом» (III, 251). Цикл был опубликован в кн.: «Литературно-художественные альманахи издательства «Шиповник», кн. 10. СПб., 1909.

⁶ По получении письма Соловьева Блок писал матери (3 июля 1912 г.): «То, что пишет Сережа, мне необыкновенно близко именно сейчас. Когда все вокруг или убого, или ужасно, — остается жить только «последним». В последнем мы с Сережей всегда близки, настолько же, насколько далеки во внешнем. Напишу ему» (VIII, 396—397). — Намерение Блок исполнил, но его письмо нам неизвестно (см. следующие письма).

60. СОЛОВЬЕВ — БЛОКУ

21 июля <1912 г.> Дедово.

Милый друг Саша,

вчера я приехал в Дедово и нашел твое письмо.

Благодарю тебя.

Для меня очень значительны были минуты в Софийском соборе, в Киеве, когда я ехал от Тани ¹. Я понял, что София искони хранила Русь, но поклонялись ей только до Москвы. В Москве была Мат^{ер}ь Пресвятая Богородица, но Предвечная Дева, Риза Христова, светлое тело вечности — София — ведома была только Киеву и Новгороду ².

Эта Дева хранит и меня и тебя, и я вновь чувствую, что и любовь и злоба наши вытекали только из теснейшей нашей связи с тобой, рыцарской нашей клятвы у Ее алтаря.

Против Нее мы оба согрешили, и приняли мзду.

Милый, обнимаю тебя.

Когда мы с Таней перед прощанием читали Иоанна, два белых аиста взвились над нами.

Еду опять на Волынь в начале августа.

Венчание будет в Дедове 8 или 9 сентября, в рождество Богородицы ³. Я был бы очень рад, чтобы тетя Аля мне написала.

Что у Вас? Из твоего письма я вижу, что что-то тяжелое.

Будущим летом надеюсь быть в Шахматове с Таней.

Твой Сер. Соловьев

Ответ на несохранившееся письмо Блока.

¹ Соловьев проезжал Киев по дороге из Луцка в Москву (из имени Боголюбь под Луцком, принадлежавшего отчиму его невесты В. К. Кампиони и ее матери С. Н. Кампиони).

БЛОК

Фотография, 1916 г., Пинские болота (Белоруссия)

Подарена Блоком Л. А. Дельмас

Собрание И. А. Фащевской, Ленинград

² Сходные мысли Соловьев развивает в статье «Путь русской культуры» (Сергей Соловьев. Богословские и критические очерки. Собрание статей и публичных лекций. М., 1916, с. 89—90).

³ Блок процитировал строки из этого письма о предстоящем венчании в письме к матери от 29 июля 1912 г. («Письма к родным», II, с. 223). 8 сентября 1912 г. он записал в дневнике: «Сегодня, может быть, свадьба Сережи Соловьева в Дедове» (VII, 157).

61. СОЛОВЬЕВ — БЛОКУ

Дедово, 17 июня 1913.

Милый Саша.

Я хотел в начале июня ехать к тебе в Шахматово, но приехал Боря и сказал, что ты в Шахматово не будешь¹. Откладываю поездку до будущего лета. Надеюсь и тебя видеть в Дедове.

Твои шаги Командора очень меня поразили². Ты давно не писал так сильно.

Твой Серг. Соловьев

Видовая открытка: Новый Иерусалим, общий вид. Адресована в Шахматово «Александру Андреевну Кублицкой с просьбой *переслать* Александру Александровичу Блоку». Помета Блока: «Мама переслала мне в Guéthary». Позже Блок сделал еще одну помету: «1913». 23 (10) июля 1913 г. Блок сообщал матери из Гетари (местечко на юге Франции): «Сегодня я получил твое письмо со вложением Сережиного» («Письма к родным», II, с. 243).

¹ Блок и Андрей Белый встречались в Петербурге в мае 1913 г., и Белый знал о скором отъезде Блока за границу. В июне 1913 г. Белый приезжал в Дедово к Соловьеву.

² Стихотворение Блока «Шаги Командора» («Тяжкий, плотный занавес у входа. . .») (III, 80—81) было опубликовано в журнале «Русская мысль» (1912, № 11).

62. СОЛОВЬЕВ — БЛОКУ

28 мая 1915. Дедово.

Милый Саша,

пишу тебе на мусagetской бумаге, ибо другой сейчас нет. В Мусагете я уже давно не состою.

Напиши мне, пожалуйста, не можешь ли ты узнать адреса графа Розвадовского ¹. Мне бы очень хотелось возобновить с ним сношения.

Любу я искал во Львове в начале февраля ². Но я ничего не знал, кроме ее имени, отчества и фамилии, а потому понятно, что поиски мои не увенчались успехом, хотя мне усердно помогал один офицер, очевидно понимавший мое желание найти сестру милосердия в несколько легкомысленном и ложном освещении. В конце июля я буду опять во Львове, если не будет австрийцев и если Люба там, пожалуйста, напиши мне ее точный адрес.

Извести меня также о том, что дядя Франц. Я часто о нем думаю с беспокойством и любовью. Поцелуй от меня тетю Алю и тетю Маню.

Адрес мой пока Дедовский.

Твой Сергей С о л о в ь е в

На почтовой бумаге издательства «Мусaget». Помета Блока: «Получ<ил> и отв<етил> 5 июня. Мама переслала из Шах<матов>». В конце мая Блок находился в Петрограде. Ответное письмо Блока, видимо, не сохранилось.

¹ Вероятно, Блок не мог выполнить эту просьбу: связи с Розвадовским были им к тому времени уже давно утрачены. В «Воспоминаниях о Блоке» Белый свидетельствует, что в последнем его разговоре с Блоком весной 1921 г. был упомянут Розвадовский: «А. А. повернулся ко мне и сказал, что в Галиции (кажется) упоминается имя епископа; и что это есть граф Розвадовский: «Ты знаешь, ведь это наверно *тот* Розвадовский», сказал, улыбаясь мне, Блок; и в улыбке мелькнуло: воспоминание о далеких годах, когда юные шафера Л. Д. Блок ждали новой зари; один видел «мистерию» в свадьбе; другой непосредственно после обряда пошел за «Звездой», увенчавшей епископской шапкой его» («Эпопея», № 1, с. 177).

² Вскоре после начала войны Л. Д. Блок поступила в сестры милосердия, 3 сентября она отправилась с 5-м Кауфмановским госпиталем в Галицию. С конца декабря 1914 г. Л. Д. Блок находилась во Львове (см.: ЛН, т. 89, с. 345). О поездке С. Соловьева в Галицию в начале 1915 г. см. его очерк «Впечатления Галиции» (1915, апрель) (Сергей С о л о в ь е в. Богословские и критические очерки, с. 239—286).

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЕРЕПИСКА БЛОКА С М. С. СОЛОВЬЕВЫМ

1. М. С. СОЛОВЬЕВ — БЛОКУ

«Москва. 15 октября 1901 г.»

Я очень рад, милый Саша, что вы перешли на филологический факультет, т. е. что вы сели в свою тарелку ¹. Своя тарелка — это, разумеется, самое главное, я ценю это особенно потому, что редко бываю в своей. Получили ли вы ответ от Скорпиона? ² Я познакомился еще с одним Скорпионом, кроме Брюсова, оказалось — бывший мой ученик, которого я очень любил ³. Произведение Б. Бугаева оказалось для «Северн<ых> цветов» неудобным по большому объему, но, может быть, Скорпионы издадут его отдельно,

М. С. СОЛОВЬЕВ

Фотография, 1902 г.

Литературный музей, Москва

а если не издадут, то мне самому придется издавать⁴. Представьте себе, что произошло: отвозя рукопись Брюсову, я совершенно забыл зачеркнуть в ней то место, где говорится о Валерии Брюсове под именем Бромелия Флюсова!⁵

Сережа расстроился нервами и уехал отдохнуть в деревню к знакомым; знакомых этих (Венкстернов) в деревне сейчас нет, а есть там всего одна ключница и библиотека. Вчера получили от него восторженное письмо по поводу природы и тишины⁶.

Целую вас и ваших, жена намерена на днях написать вашей маме⁷.

Мих. Соловьев

15 окт[ября] 1901 г.

Скажите Гиппиусу, что диссертации моего отца в скором времени напечатаны не будут⁸.

¹ Соловьевы узнали об оставлении Блоком юридического факультета, вероятно, из неизвестного письма матери поэта к О. М. Соловьевой, но, может быть, и из утраченного письма Блока. Блок подробно обосновал свое решение перейти на филологический факультет с юридического в письме к отцу от 22 октября 1901 г.; он писал, в частности: «Теперь <...> я окончательно решился на этот серьезный и крайне для меня важный шаг и уже подал прошение ректору о переводе <...> Сознание необходимости моих занятий до сих пор у меня отсутствовало, и никаких целей (практических) я даже не имел возможности провидеть впереди, потому что был ужасно отчужден от того, что, собственно, должно быть в полной гармонии с моими душевными наклонностями» (VIII, 25).

² Речь идет о первой — неудачной — попытке напечатать стихотворения Блока в «Скорпионовском» альманахе «Северные цветы» — подробнее см. в разделе наст. тома «Блок в неизданной переписке и дневниках современников».

³ М. С. Соловьев говорит, вероятно, о М. Н. Семенове или А. С. Полякове; кроме них и Брюсова, основателями издательства «Скорпион» были также К. Д. Бальмонт и Ю. К. Балтрушайтис.

⁴ Первая книга Андрея Белого (Б. Н. Бугаева) — «Симфония (2-я, драматическая)» — выпущена в свет «Скорпионом» в 1902 г.

⁵ В печатном тексте «Симфонии» этого эпизода нет.

⁶ Письма С. М. Соловьева к отцу нам неизвестны. — О поездках С. М. Соловьева к Венкстернам см. в его письмах к Блоку (№№ 4, 33). А. А. Венкстерн был «цензором» «Симфонии» Белого. См.: Андрей Белый. На рубеже двух столетий, с. 382—383.

⁷ Письма О. М. Соловьевой к А. А. Кублицкой-Пиоттух см. в разделе наст. тома «Блок в неизданной переписке и дневниках современников».

⁸ Речь идет о магистерской («Об отношении Новгорода к великим князьям», 1845) и докторской («История отношений между русскими князьями Рюрикова дома», 1847) диссертациях историка С. М. Соловьева, которыми интересовался, видимо, А. В. Гippiус в связи со своими университетскими занятиями — см. в наст. томе публикацию переписки Блока с А. В. Гippiусом.

2. М. С. СОЛОВЬЕВ — БЛОКУ

«Москва. 20 февраля 1902 г.»

Милый Саша, если вы думаете, что должны благодарить за каждый том Вл. Соловьева, то вы ошибаетесь и с течением времени сами убедитесь в этой ошибке, потому что я не намерен ограничиться только еще пятью томами Соловьева, но намерен посылать вам почти всякий блин, какой испеку в типографии ¹. Но мы все очень остались довольны вашей ошибкой, и по причине письма, а главное по причине стихов. Всех они расшевелили, это не подлежит сомнению. Б. Бугаев в восторге; положим, что он легко воспламеняется, но не без всякой же причины, а понимать он очень понимает. На него и на меня подействовало больше первое стихотворение, которое покоряет, а на жену и на Сережу второе ². Вообще же о всех ваших последних стихах я всегда спрашиваю себя: хорошо это или дурно? — и отвечаю: кажется, скорее, хорошо. Происходит ли такое колебание оттого, что я перестаю понимать, или оттого, что в самом деле вопрос еще не решен, не знаю. Тем более хочется мне, чтобы вы писали побольше. Условимтесь так: за каждую книжку, какую я вам пришлю, присылайте мне пару стихов, отнюдь не меньше, а если можно, то и больше.

То, что вы пишете о Добролюбову, очень нехорошо, бог с ним! ³ А ваше зло, я думаю, легко и проходимо. У нас все благополучно, только весь дом был болен, а я болел с месяц, теперь поправляемся. Все это к лучшему. Целую ваших. Будьте здоровы и крепки.

Ваш М. Соловьев

20 февраля 1902 г.

Ответ на неизвестное письмо Блока, благодарившего за присланный ему очередной том собрания сочинений Вл. Соловьева, выходявшего под редакцией М. С. Соловьева. К письму Блока прилагались стихотворения, о чем подробнее см. в наст. томе в статье Н. В. Котрелева: «Неизвестные автографы Блока».

¹ Кроме собрания сочинений брата, М. С. Соловьев продолжал также начатое совместно с покойным издание сочинений Платона в русском переводе (см. ниже, п. 4).

² Ср. письмо к Блоку С. М. Соловьева от 14 февраля 1902 г.

³ Блок, пролагая свой собственный путь — путь «соловьевца», — в это время резко отталкивался от «нового христианства» Мережковских, с одной стороны, с другой — от декадентства, одним из наиболее ярких представителей которого был А. М. Добролюбов. Духовный опыт декадентов был для Блока ориентиром и предупреждением на собственном пути, он писал А. В. Гippiусу 23 июля 1902 г.: «Неужели плеяда гибнущих застрельщиков (<...> Добролюбов, Ореус <...>) не говорит о границе, до которой мы дошли» (VIII, 37). «Противоположное, — заносил поэт в записную книжку, размышляя о декадентстве Добролюбова и др., — соловьевский лагерь» (ЗК, 43). Подробнее об отношении Блока к Добролюбову в 1902 г. см. ЛН, т. 89, с. 86—87 (но см. также ЗК, 23, 27). Можно предположить, что Блок сообщал М. С. Соловьеву о тех событиях, о которых В. Я. Брюсов писал в дневнике (запись относится как раз к февралю 1902 г.): «Был у Добролюбовых. А. М. Добролюбов обвиняется в оскорблении святости и величества. Дома тоже перебил иконы. . . Ему грозит каторга. Отец Гippiуса (Василия) хлопочет, чтобы его послали на поселение. Мать, негодую, хочет спасти его сумасшедшим домом» (В. Брюсов. Дневники. 1891—1910. М., 1927, с. 116).

3. БЛОК — М. С. СОЛОВЬЕВУ

«Петербург. 5 ноября 1902 г.»

Милый дядя Миша.

Спасибо Вам большое за четвертый том ¹. Я хочу к Вам обратиться со специальной просьбой. Помните ли Вы, что, когда я был у Вас в Дедове в последний раз, Вы предложили нам с Сережей собрать юмористические стихи

Владимира Соловьева². Теперь, когда моя любовь к нему возросла еще больше, я хочу сделать это здесь в Петербурге, насколько возможно цельно, может быть, даже и в долгий промежуток времени, но с полной верой и с глубокой религиозной серьезностью. Так вот, напишите мне, прошу Вас, прежде всего, считаете ли Вы это своевременным и уместным, потом, не занят ли уже этим делом кто-нибудь здесь в Петербурге. Мне, кажется, что теперь мне это будет возможнее, чем прежде, потому что мои литературные знакомства очень быстро увеличиваются. Хорошо бы было, если бы Сережа (а может быть, и Б. Н. Бугаев) занялись этим параллельно в Москве³. Не найдете ли Вы нужным также дать мне для этого какой-нибудь «патент» или «удостоверение», или тут ничего такого не может понадобиться? Я имею в виду, например, Саломона⁴, Величко⁵, Ник. Энгельгардта⁶, Оболенского⁷, Лукьянова и его семью⁸, и вообще таких, более или менее «важных» людей, которые меня в глаза не видели. Может быть, Вы можете написать мне приблизительно список тех лиц (я думаю, довольно пространный?), к которым я могу с этим обратиться. Я бы хотел не пренебрегать также и серьезными стихами, и вообще разыскать все, что возможно в отношении к стихам. Что Вы обо всем этом думаете? Если Вам нет времени теперь писать, поручите Сереже. Этим делом я бы лично себе принес духовное очарование и, может быть, одоление той, которая тревожит меня больше чем когда-нибудь, вознеслась горделиво и кощунственно. Перед ее лицом я еще дрогну и зябну, потому что не знаю ее, а Другая посещает редко и мимолетно. Говорить об этом, впрочем, трудно, а писать еще труднее⁹. Всех вас я еще больше люблю и чту. По уговору посылаю Вам пять стихотворений¹⁰.

Ваш любящий Ал. Блок

5 ноября 1902. С<анкт>П<етер>б<ург>.

¹ См. п. 2.

² Предложение (как видно из следующего письма, совсем неопределенное) было сделано, когда Блок гостил в Дедове в августе 1901 г. и вполне пропитался «соловьевством» — см. письмо С. М. Соловьева к Андрею Белому от 11 августа 1902 г., публикуемое в разделе наст. тома «Блок в неизданной переписке и дневниках современников». Редактируя сочинения брата, М. С. Соловьев знакомил «соловьевскую» молодежь и с его неизданными сочинениями: «М. С. редактирует книги его, приобщая нас к черновикам, выволакивая из потертых портфелей пуки пожелтевшей бумаги, исписанной крупным, кривым, броским почерком» (Андрей Белый. Начало века, с. 119). Ср. письмо к Блоку от 16 августа 1901 г.

³ Этот замысел был оставлен — ср. следующее письмо.

⁴ Далее Блок называет ряд близких друзей Вл. С. Соловьева. Андрей Петрович Саломон (1853—1908) — медик, директор Александровского лицея; сотрудник журнала «Вестник Европы».

⁵ Василий Львович Величко (1860—1903) — литератор, автор первой книги о Соловьеве («Владимир Соловьев. Жизнь и творения», СПб., 1902), о которой крайне пренебрежительно отозвался Блок (V, 647, ср. VIII, 128).

⁶ Николай Александрович Энгельгардт (1866—1942) — писатель, историк литературы, критик, много писавший о Вл. Соловьеве.

⁷ Алексей Дмитриевич Оболенский (р. 1857), князь — государственный деятель.

⁸ Сергей Михайлович Лукьянов (1855—1935) — медик, крупнейший биограф Вл. Соловьева.

⁹ Блок говорит о противоборстве двух начал — возвышенно-чистого, «Девы Радужных Ворот», и чувственно-низкого, «Астарты»; эта тема неоднократно возникает в его переписке и с С. М. Соловьевым, Андреем Белым и т. д.

¹⁰ См. в наст. томе статью Н. В. Котрелева «Неизвестные автографы Блока».

4. М. С. СОЛОВЬЕВ — БЛОКУ

«Москва» 21 дек<абря> 1902 г.

Милый Саша, простите ради бога, что не ответил на ваше письмо¹. Дело в том, что я не собирался сначала отвечать на него письменно, а совсем наоборот собирался увидаться с Вами в Петербурге, но сначала задержало окончание II-го тома Платона², а потом пришла простуда, а теперь, наконец, пришли праздники³, и вот приходится отложить поездку до половины сле-

дующего месяца ⁴, потому что на праздниках никаких дел делать не приходится.

Вчера я наконец увидался с Брюсовым и спросил его, будут ли напечатаны в «Северных» цв<етах> Ваши стихи, на что он ответил: «О, да! и как можно больше!» Больше поговорить об этом было неудобно, но во всяком случае первый существенный пункт выяснен, а второй существенный пункт будет выяснен в скором времени: как только он к нам приедет, я спрошу его, сколько он платит сотрудникам «Северных» цв<етов> и немедленно сообщу Вам об этом пункте ⁵.

Относительно шуточных стихов брата я должен Вам сказать, что издавать их представляется мне пока невозможным. Лучшие из них или политически или нравственно нецензурны, и мне не думается, чтобы набралось достаточное количество хороших и в то же время цензурных, но окончательно это можно будет решить только тогда, когда они будут собраны. Ни Сережа, ни тем паче Бугаев на это неспособны (собирать) и придется этим заняться, по всей вероятности, мне, потому что и в Вас я сомневаюсь. Но, может быть, Вы мне в этом поможете? Только я сейчас и думать об этом, как следует, не в состоянии, столько у меня разных подобных дум. Сначала нужно издать «Собрание сочинений» и выпустить III том Платона, на что уйдет ровно еще год, а тогда письма и шуточные стихи, если будет можно. При свидании поговорим об этом подробнее ⁶.

То, что Вы мне кратко написали, я понял. Это ничего. Это неизбежно. Собираанием шуточных стихотворений тут не поможешь, нужно, чтобы это чаще выходило в ваших собственных стихах. Другого главного средства для обезвреживания *этого* я пока не вижу, а это средство верное. И чем больше Вам будет удаваться выражать в стихах нехорошее, тем скорее придет хорошее. Не слишком бойтесь нехорошего. Что Вы читаете? Читали ли Метерлинка *Le trésor des humbles* *, сокращенный дневник Иоанна Кронштадского, Кнута Гамсуна «Пан» и «Драма жизни»? Если не читали, — попробуйте, все это подобно бромист<ому> кал<ию> или лавровишн<евым> каплям и должно быть принимаемо на ночь.

Спасибо Вам за ваше письмо. Целую Вас и люблю.

Ваш М. Соловьев

Ответ на письмо 3.

¹ Ср. в письме О. М. Соловьевой к А. А. Кублицкой-Пиоттух от 5 декабря <1902 г.>: «Миша скорбит, что не написал Саше до сих пор, он кончал второй том Платона. Теперь кончил и напишет очень скоро и с большим удовольствием, а я тоже с большим удовольствием прочту, что он напишет» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 455, л. 90).

² Первый том «Творений Платона» вышел в издательстве К. Т. Солдатенкова в 1899 г.; единственным переводчиком его значился Вл. Соловьев, однако в работе над томом принимал участие и Михаил Сергеевич (ср. переписку О. М. Соловьевой с А. А. Кублицкой-Пиоттух в разделе наст. тома «Блок в неизданной переписке и дневниках современников»). М. С. Соловьев подготовил второй том, привлекая к работе С. Н. Трубецкого, но вышел он в свет после смерти младшего из братьев Соловьевых, в 1903 г. Третий том, о котором говорится в письме ниже, не был подготовлен.

³ Рождество, 25 декабря по старому стилю.

⁴ Поездка не состоялась, 16 января 1903 г. М. С. Соловьев умер.

⁵ О переговорах Соловьевых с Брюсовым относительно участия Блока в «Северных цветах» см. материалы в разделе наст. тома «Блок в неизданной переписке и дневниках современников».

⁶ Шуточные стихотворения Вл. Соловьева (как некоторые темы его писем и черты бытового поведения) явно противоречили иконописному облику аскета, философа-мистика, который сложился в литературном предании сразу после его смерти; это по сути искаженное представление о философе обязано своим рождением его родственникам, близким друзьям и поклонникам; но и они, в конечном счете, были связаны литературным этикетом, не позволявшим предавать гласности произведения, в свое время предназначавшиеся для чтения в дружеском кружке, где подобные вольности были традиционными. Игровые стихи Соловьева были собраны лишь С. М. Соловьевым в 1921 г. в приложении к седьмому

изданию его «Стихотворений»; но и это издание было далеко не полным: многие «вольные» стихотворения неизданы по сю пору. Подробнее см. в текстологической справке З. Г. Минц в кн.: Владимир Соловьев. Стихотворения и шуточные пьесы, с. 289—290.

5. БЛОК — М. С. СОЛОВЬЕВУ

«Санкт» Петербург. 1902. 23 декабря.

Милый дядя Миша.

Сейчас получил ваше милое, ласковое, во всех отношениях целебное письмо, а вчера — пятый том Владимира Соловьева. За все это не знаю как Вас благодарить. Мы уже испугались одно время, что никто из вас не писал после последнего письма тети Оли о нездоровьи Сережи¹. Из вашего письма и посылки заключили, что у вас пока все благополучно. Хорошо и приятно, что Вас можно еще ждать в январе. Ваше известие о Брюсове, которого я в Петербурге не видел², обрадовало нас с мамой очень сильно. Еще раз благодарю Вас за все это. Мне лично тут еще, кроме всего другого, особенно важно, что мои стихи будут помещены в *Московском* сборнике — оттого, что ваша Москва чистая, белая, древняя, и я это чувствую с каждым новым «петербургским» вывертом Мережковских и после каждого номера холодного и рыхлого «Мира искусства». Наконец, последний его номер ясно и единично обнаружил, как церемонно распаркиваются наши Дягилевы, Бенуа и проч., и как с другой стороны, с вашей, действительно страшно до содрогания «цветет сердце» Андрея Белого³. Странно, что я никогда не встретился (и не обмолвился ни одним словом с этим до такой степени близким и милым мне человеком. По Москве бродил этой осенью, и никогда не забуду Новодевичьего монастыря вечером⁴. Ко всему еще за прудами вились галки и был «гул железного пути»⁵, а на могиле — неугасимая лампада и лилии⁶, и проходили черные монахини. Все было так хорошо, что нельзя и незачем было писать стихи, которые я тщетно пытался написать тут же.

Когда я послал Вам мое предыдущее письмо, сейчас же сообразил, что написал много ненужных вопросов о собирании шуточных стихов Владимира Соловьева. Но Вы мне даже и на них ответили. Если Вам будет нужна впоследствии помощь, пожалуйста, знайте, что для меня это величайшая честь и огромное удовольствие, как в отношении помощи Вам, так и в отношении собирания самых стихов. М^аме Мережковская однажды выразилась, что Соловьев устарел и «нам» надо уже идти дальше. Чем больше она говорит таких (а также и многих других!) вещей, тем больше я на нее злюсь, и иногда даже уж до такой степени злюсь, что чувствую избыток злобы и начинаю напоминать себе о ее несомненных талантах. Она ужасна и, по-видимому, могущественна в своем кругу, а я не могу постичь, чем, собственно, она берет. Ведь она, наконец, даже и не изящна и пшмыгает носом, когда у нее насморк, и очень не выдерживает своего стиля. Я слышал, что в прошлом году вместо религиозного общества Мережковские думали (действительно!) устроить настоящий «козлак»⁷. И все сведения и сплетни от них и о них в таком роде! В довершение всего на сцену выступает г-н Добролюбов, который «выздорвел»!⁸ Наше место свято.

Ни одной из четырех книг, о которых Вы мне написали, я не прочитал, но прочту. Гамсуна давно уже имел в виду, читал рецензию Льдова⁹, слушал похвалы и невиннейшую брань. Читаю Владимира Соловьева, древнюю философию, Григорьева, историю реформации, Тютчева, Фета и мн. др., все это зараз, часто урывками, бегаю, как угорелый, по городу, часто радуюсь, никогда не скучаю, имею бесчисленные планы, половины которых уж верно не выполняю. Стихов пишу мало, потому Вам теперь не посылаю. Спасибо Вам, крепко обнимаю Вас, целую и хочу видеть.

Ваш Ал. Блок

Ответ на письмо 4.

¹ Речь идет о письме О. М. Соловьевой к А. А. Кублицкой-Пиоттух от 11 декабря 1902 г. (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 455, л. 92—93).

² В. Я. Брюсов в ноябре—декабре 1902 г. был в Петербурге, и Соловьевы предполагали, что Блок неизбежно встретится с ним; подробнее см. в письмах О. М. Соловьевой к А. А. Кублицкой-Пиоттук, печатаемых в разделе наст. тома «Блок в незаданной переписке и дневниках современников».

³ Блок имеет в виду № 11 «Мира искусства», где была напечатана статья Андрея Белого «Певца». Слова «цветет сердце» взяты Блоком из стихотворения Вл. Соловьева «Белые колокольчики» (Владимир Соловьев. Стихотворения и шуточные пьесы, с. 135).

⁴ См. блоковские заметки о посещении 22—23 августа 1902 г. «московских святынь» (VIII, 41), в том числе Новодевичьего монастыря — ЗК, 36—40.

⁵ Из стихотворения Вл. Соловьева «Там, где семьей столпились ивы. . .» (Владимир Соловьев. Стихотворения и шуточные пьесы, с. 90).

⁶ Блок говорит о могиле Вл. Соловьева; ср.: «Деревянный крест: В. С. Соловьев. Лилии, искусственные розы. . . Скончался 31 июля 1900 г. Пальмы. Неугасимая лампада. Вечерняя Заря. Гул железного пути» (ЗК, 38).

⁷ Т. е. «козловак» — см. выше, п. 28, прим. 34. Ср. тождественные по смыслу слова Блока о Мережковских в его письме к невесте от <18 декабря 1902 г.> — ЛН, т. 89, с. 86.

⁸ Ср. дневниковую запись Брюсова от декабря 1902 г.: «Ездили к Добролюбову. Он в сумасшедшем доме. Но уже и доктора согласны, что он здоров» (В. Брюсов. Дневники. 1891—1910, с. 126). В названном в прим. 7 письме Блока к невесте говорится: «Знаменательно теперь новое появление г-на Добролюбова на литерат<урно>-мистических горизонтах. О, как они все провалятся!»

⁹ Блок имеет в виду, возможно, статью К. Льдова «Пан», роман Кнута Гамсуна». — «Северный вестник», 1896, № 5.